

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.422.42+316(470)

ВКЛАД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

О. Г. Антонова

Саратовский государственный университет
E-mail: ogantanova@rambler.ru

В статье рассматриваются теории и концепции общественного развития, идеи социального прогресса, представленные в трудах отечественных социологов на различных этапах развития социологической мысли. Отмечается значение этих трудов для выработки целостной концепции развития, научно обоснованных перспектив современного российского общества. Особое внимание уделяется вкладу отечественной социологии в развитие мировой социальной мысли. Подчеркивается актуальность исследований отечественных социологов прошлого по проблемам социальной динамики и прогресса для современного этапа функционирования России.

Ключевые слова: отечественная социология, идеи социального прогресса, концепции развития, мировая социальная мысль, этапы развития социологической мысли, теории трансформации и модернизации, глобализация.

Contribution of Russian Sociology to the Study of Social Progress

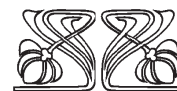
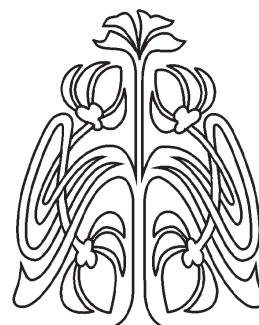
O. G. Antonova

The article discusses the theories and concepts of social development, the idea of social progress represented in the works of Russian sociologists at different stages of development of sociological thought. The importance of these works to develop a holistic concept of development, scientifically grounded perspectives of the modern Russian society is noted. Particular attention is paid to the contribution of sociology to the world of social thought. The author emphasizes the importance of research of Russian sociologists of the past on social dynamics and progress for the modern phase of Russia.

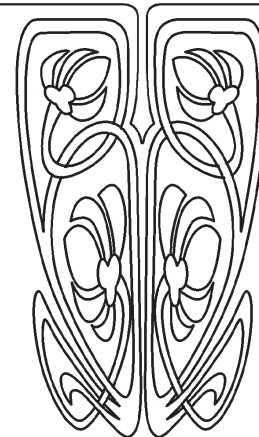
Key words: russian sociology, ideas of social progress, concept of development, world social thought, stages of development of sociological thought, theory of transformation and modernization, globalization.

Современная социология занимает особое место в системе гуманитарного знания, она призвана помочь людям более глубоко осознать свое место в мире, осмыслить сущность происходящих событий. Поэтому природа социологических знаний не может быть чужеродной ценностному содержанию, социальному обоснованию выбора различных парадигм, наиболее полно отражающих закономерные тенденции эволюции общества. В сегодняшних условиях политического взаимонедоверия и социальной поляризации общество как никогда нуждается в целостной концепции развития, выработке научно обоснованных перспектив. Актуальность переосмысления идей социального прогресса отечественных социологов обусловлена поиском путей трансформации и выхода из кризисного состояния современного российского общества. Эта проблема была в фокусе социальной мысли XIX в. и современного этапа функционирования России.

Социальный прогресс как общемировой процесс имеет некоторые общие, универсальные характеристики. Вместе с тем разработка проблемы в отечественной социологии дает основание утверждать, что в разных странах со своим уровнем развития, социальными предпосылками имеют место различные социальные последствия прогресса, что отмечается и в трудах российских социологов.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В условиях глобальной трансформации политических и социальных институтов, всей системы социальных отношений возрастает научный и практический интерес к теории и практике прогрессивных преобразований как зарубежного, так и особенно отечественного опыта.

Россия только в XX столетии предпринимала неоднократные попытки коренного изменения своего пути развития, опираясь на различные теоретические и идеологические идеи и воззрения, как правило, зарубежного происхождения.

Конечно, мировая социальная мысль наработала огромное число теорий и концепций, дающих разное толкование и видение путей прогрессивного развития, среди которых далеко не последнее место принадлежит социологическим воззрениям. Не является исключением и отечественная социология, обратившая свой взор к проблематике социального прогресса еще в конце XIX в.

Именно в кризисные моменты в обществе возникает повышенный спрос на социологические знания, особенно на те концепции, которые способствуют пониманию сущности и направленности социальной динамики. В этом отношении русскими социологами сделано немало. В летописи отечественной социологии значатся выдающиеся достижения, имена, которые могут быть предметом национальной гордости.

Проблемы социальной динамики и прогресса занимают особое – приоритетное – место на всех этапах развития отечественной социологии. О чем бы ни писали русские социологи, они неизменно возвращались к понятиям «эволюция», «прогресс», «развитие» и т. п. В плеяде замечательных мыслителей, внесших достойный вклад не только в отечественную, но и в мировую науку, видное место занимают П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Н. А. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Н. Миллюков, П. А. Сорокин, В. М. Хвостов и др. Выявляя закономерности и специфику общественного развития, они ставили и обосновывали конкретные задачи практической деятельности.

Разумеется, разработка теории социальной динамики не является достоянием лишь русской социологии – это одна из главных проблем мировой социологии с момента ее возникновения. Социологическая мысль могла возникнуть и развиваться лишь при условии, что настоящее представляется людям не как нечто вечное и неизменное. Начало сознательного отношения человека к общественному развитию сопряжено именно с тем, что он понял: настоящий строй жизни отнюдь вечное состояние без начала и конца, а представляет собой определенный процесс изменений.

«Все течет, все изменяется, и ничто не остается на месте», – этими словами греческий философ Гераклит более двух тысяч лет назад обозначил основной принцип бытия. Можно сказать, что именно эта идея и легла в основу социологической науки, родившейся уже в XIX в. Уже тогда было

осознано, что развитие социальной мысли неразрывно связано с анализом прошлого, пониманием настоящего, а также с попытками решить вопрос о будущем, ибо глубокое проникновение в суть социальных процессов сопряжено с выяснением тенденций и открывающихся перспектив. Анализ объективных тенденций развития неизбежно ведет к постановке вопроса о пути в будущее и возможности активных действий человека ради реального достижения поставленных целей. Прошлое подготовило настоящее, которое, в свою очередь, чревато грядущим. Что могут и должны сделать люди для того, чтобы превратить возможность исторического прогресса в действительность? Ответ на этот вопрос и попытались дать основоположники социологии, разрабатывая учение о социальной динамике и прогрессе. Этот же мотив звучит в работах всех выдающихся русских социологов.

Следует подчеркнуть актуальность практической функции социологической науки, призванной быть существенным подспорьем в деле совершенствования социальных отношений. В нашем обществе сегодня назрела потребность в формировании целостной и действенной концепции, способной стать теоретическим базисом общественных преобразований. Эту задачу невозможно решить без обращения к опыту предшествующих поколений российских ученых. Освоение и умелое, эффективное использование достижений отечественной науки и культуры должно стать основой того творческого синтеза, в котором нуждается современная социология.

Идея «прогресса» стала ключевым, базовым понятием социологии XIX столетия. В предреволюционный период в России шла полемика между различными социологическими направлениями и школами по поводу перспектив развития России. Но в силу известных причин в советский период российской истории социология не получила должного развития в нашей стране, более того, многие годы она находилась под запретом; была нарушена преемственность ее развития; преданы забвению имена и труды основоположников отечественной социологии, которая вышла из общего русла развития мировой социологии.

Ситуация поиска начала XX столетия созвучна с современным этапом определения перспектив социального развития страны. Среди концепций социального прогресса в мировой социальной мысли, базирующихся на социальных изменениях, – эволюционные теории циклических изменений (О. Шпенглер, А. Тойнби), функциональные теории (Т. Парсонс, У. Ф. Огборн), теории конфликта (К. Маркс, Р. Дарендорф), концепции «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон, Дж. М. Олин), теории модернизации, трансформации обществ.

История развития идеи «прогресса» прошла свой сложный, противоречивый путь от формирования теорий, принимающих данное понятие в

выявлении главного исторического направления прогресса (эволюционные теории), до теорий, отвергающих идею прогресса вообще.

Менялось представление о сущности социального прогресса, его критериях, источниках, механизмах и т. д., но неизменным оставался интерес мыслителей мировой и отечественной социологии к теории и практическому достижению социального прогресса.

Длительный период современной истории социальный прогресс связывался с промышленным развитием, с высокими темпами экономического роста и созданием машинной индустрии.

В условиях социализма генеральная линия общественного прогресса прямо связывалась со становлением нового, коммунистического типа прогресса, свободного от антагонистических противоречий прежних формаций.

Главные потенции социального прогресса для советских ученых заключались в достижении «классового мира», гармонии интересов государства и населения, в достижении всеобщих благ, в удовлетворении потребностей трудящихся и всестороннем развитии самого человека.

В современной России переосмысливается само понимание социального прогресса. Основным его критерием становится приведение общественного устройства в соответствие не столько с развитием техники, сколько с естественной природой человека. На этом пути становится очевидным, что не может быть однофакторного подхода к социальному прогрессу.

В современной России переосмысливается само понимание социального прогресса. Основным его критерием становится приведение общественного устройства в соответствие не столько с развитием техники, сколько с естественной природой человека. На этом пути становится очевидным, что не может быть однофакторного подхода к социальному прогрессу.

Общественный прогресс, безусловно, является восходящим развитием всего общества как целостности, движением к совершенству всего социума. Но в историческом процессе социального движения меняются социально-исторические потребности, которые необходимы для воспроизводства и развития человека как социального субъекта.

Примечательно, что тема прогресса, социального развития присутствует в той или иной мере практически у каждого представителя классической отечественной социологии.

Еще в древности мыслители задумывались над перспективами будущего; в более поздние времена формируются теории светлого будущего (например, идеи утопического социализма); затем по мере развития обществоведческой мысли эти идеи приобретали все более научный характер. Социология, в том числе и отечественная, внесла свой вклад в интерпретацию и содержательную характеристику данной категории. Здесь назовем, в первую очередь, такие имена, как Ф. Бэкон, Вольтер, Тюрго, Гердер, Кондорсе (которого по праву называют родоначальником теории общественного прогресса¹), Конт, Спенсер, Тойнби, Сорокин, Арон, Фурастье, Бернард. Среди отечественных ученых отметим П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, М. М. Ковалевского, П. А. Сорокина, А. П. Бутенко, В. И. Мишина, М. Н. Руткевича и др.

Следующий пласт исследований связан с изучением процессов трансформации и модернизации, в том числе и российского общества. Прежде всего, это работы Ш. Айзенштадта, А. Ахиезера, Ж. Баландье, Э. Гидденса, А. Турена, М. Фридмана и др. Из отечественных исследователей особого внимания заслуживают Л. Аверьянов, З. Голенкова, Т. Заславская, В. Иванов, В. Лапин, В. Наумова, Г. Осипов, В. Пантин, Л. Поляков, В. Ядов и многие другие.

История российской социологии, ее проблематика стала объектом внимания ученых относительно недавно. Тем не менее только в последние годы были изданы труды ряда дореволюционных отечественных социологов²; появились монографии, брошюры, статьи, освещающие различные страницы истории отечественной социологии. Значительный вклад в ее разработку внесли З. Т. Голенкова, И. А. Голосенко, Ю. Н. Давыдов, Е. И. Кукушкина, В. П. Култыгин, Э. А. Капитонов, А. Н. Медушевский, С. С. Новикова, Г. Я. Миненков, Л. Н. Панкова, Б. А. Чагин и др.³

Проблема социального прогресса соотносится с глобализацией мира, которая обусловлена все прогрессирующей интернационализацией жизни стран и народов. Глобализация политических, социальных, экономических, культурных отношений связана не только с глобальными проблемами современности, но и с зависимостью развития той или другой страны от состояния и изменений в мире в целом. Современное человечество – принципиально новая социальная суперсистема.

Особо следует подчеркнуть высокую степень политизированности проблемы преобразований и прогресса в современных условиях, ибо это затрагивает непосредственно интересы всего без исключения населения: от сегодняшнего состояния общества напрямую зависят благосостояние и судьбы людей.

Итак, можно заключить, что отечественные социологи внесли в развитие теории прогресса ряд оригинальных подходов и перспективных идей. Их перспективность не только оправдала себя на протяжении почти столетия, но и обрела актуальность для России в современную эпоху. Акцент отечественных социологов на проблемах социальной динамики (эволюция и прогресс) был обусловлен поиском путей разрешения острых противоречий социального развития страны. Ныне, когда Россия опять мучительно ищет пути дальнейшего прогрессивного развития, весьма актуальным (и с точки зрения теории, и с практической точки зрения) является обращение к изучению наследия отечественных социологов прошлого по проблемам социальной динамики и прогресса.

Примечания

¹ См.: Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

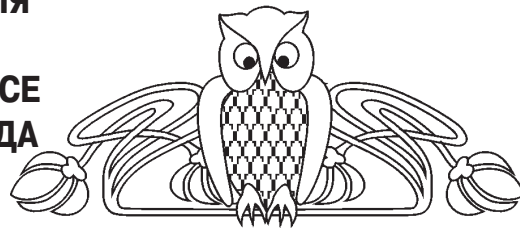

- ² См., например: *Кареев Н. И.* Основы русской социологии. СПб., 1996; *Сорокин П. А.* Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000.
- ³ См. например: *Голенкова З. Т.* Историко-социологическая проблематика // Социология в России : 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. А. Язова. М., 1998; *Голосенко И. А., Козловский В. В.* История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995; *Кукушкина Е. И.* Русская социология XIX – начала XX вв. М., 1993; *Култыгин В. И.* История российской социологии. М., 1994; *Капитонов Э. А.* Социология XX века. История и технологии. Ростов н/Д, 1996; *Медушевский А. Н.* История русской социологии. М., 1993; *Миненков Г. Я., Новикова С. С.* История развития социологии в России. М., 1996; *Чагин Б. А.* Очерки истории социологической мысли в СССР. Л., 1971; Антология русской классической социологии / под ред. Л. Н. Панковой. М., 1995.

логия XIX – начала XX вв. М., 1993; *Култыгин В. И.* История российской социологии. М., 1994; *Капитонов Э. А.* Социология XX века. История и технологии. Ростов н/Д, 1996; *Медушевский А. Н.* История русской социологии. М., 1993; *Миненков Г. Я., Новикова С. С.* История развития социологии в России. М., 1996; *Чагин Б. А.* Очерки истории социологической мысли в СССР. Л., 1971; Антология русской классической социологии / под ред. Л. Н. Панковой. М., 1995.

УДК 316.43

ЭКСПЕРТИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В РАКУРСЕ ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

В статье представлены результаты опроса экспертов об эффективности реализации Федеральных государственных образовательных стандартов. Отмечены основные достижения и трудности данного процесса. Разработаны рекомендации по корректировке модернизационной программы. Материал исследования может быть полезен представителям управленческих структур в системе образования, занимающихся разработкой, корректировкой, диагностикой успешности реализации программ реформирования системы образования в России, а также исследователям, занимающимся данной проблематикой.

Ключевые слова: процесс перехода на ФГОС, эффективность реализации новых образовательных стандартов.

Review of Effectiveness of Federal State Educational Standards Implementation in the Framework of Value-focused Approach

S. V. Sitnikova

The article contains the results of interview of experts about the effectiveness of federal state educational standards implementation. The article describes the main accomplishments and difficulties of this process, it contains the recommendations about how to correct the modernization program. The research material can be useful for the representatives of administration in educational system who work out, correct and diagnose the success of implementation of reforms in Russian education system, for the researchers who study this problem.

Key words: process of implementing federal state educational standards, effectiveness of realization of new educational standards.

Идеи модернизации системы образования в России сегодня уже не новы, поскольку реформирование осуществляется не первый год. Этот процесс охватил и систему профессионального образования. Переход на двухступенчатую систему высшего образования, подготовка и реализация новых Федеральных государственных

образовательных стандартов (ФГОС), внедрение новых подходов и технологий в образовании и многое другое протекает не всегда гладко. Именно поэтому необходима лонгитюдная диагностика результатов реформирования с целью корректировки данного процесса. В 2012 г. Министерством образования и науки РФ инициирован общероссийский мониторинг эффективности внедрения ФГОС. Саратовская область, и в частности СГУ им. Н. Г. Чернышевского, были участниками исследования¹. Одной из задач исследования было выявление экспертных оценок качества реформирования системы профессионального образования в Саратовской области. Представим эти оценки в ракурсе ценностно-ориентированного подхода. Поясним, в чем его суть и значимость для нашего исследования. «В конкретных условиях сегодняшнего дня меняются основные отношения личности в социальном и предметном мире на основе усиления в них таких компонентов, как прогнозирование, свобода выбора, самоопределение и эвристика»². Реализация этих компонентов возможна только при решении проблемы ориентации личности в мире ценностей. Актуальность ценностно-ориентированного подхода определяется тем, что в современном образовании существует острая потребность в выделении и формировании системы ценностных ориентаций как основы определения учащимся и учителем целей обучения, поскольку мотивация и положительное отношение к предмету является важнейшим условием активизации процесса обучения, учебно-познавательной деятельности.

Еще одним фактором, определяющим актуальность данного подхода, является то, что ценностные ориентации как составная часть мировоззрения личности обеспечивают ей высокий уровень адаптации к современным условиям³. Основными понятиями ценностно-ориентированного подхода являются «личность», «ценность» и «ценностные ориентации». Ориентация как

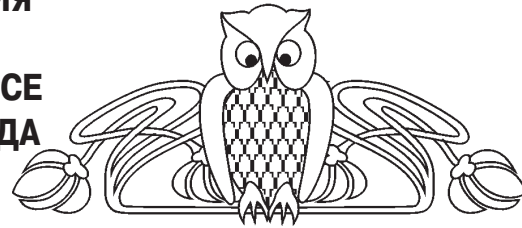

- ² См., например: *Кареев Н. И.* Основы русской социологии. СПб., 1996; *Сорокин П. А.* Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб., 2000.
- ³ См. например: *Голенкова З. Т.* Историко-социологическая проблематика // Социология в России : 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. А. Язова. М., 1998; *Голосенко И. А., Козловский В. В.* История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995; *Кукушкина Е. И.* Русская социология XIX – начала XX вв. М., 1993; *Култыгин В. И.* История российской социологии. М., 1994; *Капитонов Э. А.* Социология XX века. История и технологии. Ростов н/Д, 1996; *Медушевский А. Н.* История русской социологии. М., 1993; *Миненков Г. Я., Новикова С. С.* История развития социологии в России. М., 1996; *Чагин Б. А.* Очерки истории социологической мысли в СССР. Л., 1971; Антология русской классической социологии / под ред. Л. Н. Панковой. М., 1995.

логия XIX – начала XX вв. М., 1993; *Култыгин В. И.* История российской социологии. М., 1994; *Капитонов Э. А.* Социология XX века. История и технологии. Ростов н/Д, 1996; *Медушевский А. Н.* История русской социологии. М., 1993; *Миненков Г. Я., Новикова С. С.* История развития социологии в России. М., 1996; *Чагин Б. А.* Очерки истории социологической мысли в СССР. Л., 1971; Антология русской классической социологии / под ред. Л. Н. Панковой. М., 1995.

УДК 316.43

ЭКСПЕРТИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В РАКУРСЕ ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

В статье представлены результаты опроса экспертов об эффективности реализации Федеральных государственных образовательных стандартов. Отмечены основные достижения и трудности данного процесса. Разработаны рекомендации по корректировке модернизационной программы. Материал исследования может быть полезен представителям управленческих структур в системе образования, занимающихся разработкой, корректировкой, диагностикой успешности реализации программ реформирования системы образования в России, а также исследователям, занимающимся данной проблематикой.

Ключевые слова: процесс перехода на ФГОС, эффективность реализации новых образовательных стандартов.

Review of Effectiveness of Federal State Educational Standards Implementation in the Framework of Value-focused Approach

S. V. Sitnikova

The article contains the results of interview of experts about the effectiveness of federal state educational standards implementation. The article describes the main accomplishments and difficulties of this process, it contains the recommendations about how to correct the modernization program. The research material can be useful for the representatives of administration in educational system who work out, correct and diagnose the success of implementation of reforms in Russian education system, for the researchers who study this problem.

Key words: process of implementing federal state educational standards, effectiveness of realization of new educational standards.

Идеи модернизации системы образования в России сегодня уже не новы, поскольку реформирование осуществляется не первый год. Этот процесс охватил и систему профессионального образования. Переход на двухступенчатую систему высшего образования, подготовка и реализация новых Федеральных государственных

образовательных стандартов (ФГОС), внедрение новых подходов и технологий в образовании и многое другое протекает не всегда гладко. Именно поэтому необходима лонгитюдная диагностика результатов реформирования с целью корректировки данного процесса. В 2012 г. Министерством образования и науки РФ инициирован общероссийский мониторинг эффективности внедрения ФГОС. Саратовская область, и в частности СГУ им. Н. Г. Чернышевского, были участниками исследования¹. Одной из задач исследования было выявление экспертных оценок качества реформирования системы профессионального образования в Саратовской области. Представим эти оценки в ракурсе ценностно-ориентированного подхода. Поясним, в чем его суть и значимость для нашего исследования. «В конкретных условиях сегодняшнего дня меняются основные отношения личности в социальном и предметном мире на основе усиления в них таких компонентов, как прогнозирование, свобода выбора, самоопределение и эвристика»². Реализация этих компонентов возможна только при решении проблемы ориентации личности в мире ценностей. Актуальность ценностно-ориентированного подхода определяется тем, что в современном образовании существует острая потребность в выделении и формировании системы ценностных ориентаций как основы определения учащимся и учителем целей обучения, поскольку мотивация и положительное отношение к предмету является важнейшим условием активизации процесса обучения, учебно-познавательной деятельности.

Еще одним фактором, определяющим актуальность данного подхода, является то, что ценностные ориентации как составная часть мировоззрения личности обеспечивают ей высокий уровень адаптации к современным условиям³. Основными понятиями ценностно-ориентированного подхода являются «личность», «ценность» и «ценностные ориентации». Ориентация как

результат определяется свободным владением широким кругом знаний в определенной области и подразумевает одновременно то, что приобретенный человеком уровень – это своеобразный необходимый фундамент для постоянного поиска, развития имеющихся представлений⁴. Ориентация как процесс – это проективные действия от замысла до результата: точный, правильный выбор цели, средств ее достижения, оценка действия в сопоставлении поступка с общей направленностью, планами, жизненными ценностями⁵. То есть в основе этого понятия лежит деятельность. Тогда ценностно-ориентированный подход есть способ организации, способ выполнения деятельности, получения и использования ее результатов с позиций тех или иных ценностей⁶. Именно это определение В. А. Беликова нами разделяется полностью, что и определило контекст изложения материала. Следует оговорить, однако, о каких ценностных ориентациях в обновленной системе образования пойдет речь. Прежде всего, это прозрачность российских программ нового поколения, технологичность образовательного процесса, творчество и инноватика, обновленный, доступный образовательный ресурс, непрерывность образовательного процесса личности, академическая мобильность, компетентность и конкурентоспособность выпускника. По всем этим позициям эксперты⁷ уже сегодня дают вполне конкретные и прогнозные оценки.

Все опрошенные эксперты – руководители (заместители) учебных управлений вуза – подчеркивают системность и поэтапность работы по переходу на ФГОС. Во-первых, был разработан план перехода на ФГОС, установлены сроки реализации каждого этапа. Вся нормативная документация была размещена на сайте вуза, при этом предполагалась возможность обсуждения содержания и рекомендаций всех заинтересованных сторон. Во-вторых, была создана рабочая группа, которая занималась разработкой, корректировкой, обучением и контролем за реализацией ФГОС. Даная работа предполагала систематическую работу, связанную с разработкой методических материалов, обучением преподавателей, входящих в рабочие группы уже структурных подразделений, обменом опытом, обсуждением и разработкой рекомендаций по увеличению эффективности процесса реализации ФГОС. В полной мере стандарты реализуются с 2011 г. в соответствии с федеральными образовательными стандартами по всем направлениям. На сегодняшний день работа методических комиссий продолжается по большей части в области контроля качества и, соответственно, разработки рекомендаций по корректировке процесса реализации ФГОС.

Основные трудности, с которыми приходится сталкиваться вузу на пути внедрения ФГОС: сложность в однозначности интерпретации сути компетенций, трудность создания оценочных средств, оценка трудоемкости учебных циклов,

а точнее, сложности в пересчете трудоемкости, запаздывание нормативно-правового обеспечения федерального масштаба по отношению к темпам самого процесса внедрения ФГОС в регионах, пространность формулировок самих стандартов, отсутствие организации, управляющей всей документацией по ФГОС, ускоренные темпы их реализации, провоцирующие формализм на некоторых этапах работы, психологический барьер преподавателей.

Взаимодействие работодателей с вузами существовало и раньше. Во-первых, многие преподаватели совмещают свою педагогическую деятельность с производственной, во-вторых, организация практик студентов всегда связана с тесным контактом вузов и предприятий, все эти отношения были и остаются регламентированными. Новые ФГОС предполагают более широкое использование подобного сотрудничества. И не только предполагают, а расширяют эту возможность за счет увеличения доли практической работы в программе курса. Кроме того, сегодня более активно работодатели привлекаются к участию в конференциях, мастер-классах, к разработкам учебных планов, программ, чтению лекций и проведению практических занятий, участию в итоговой аттестации выпускника. Особенно это проявляется в отношении магистратуры. В некоторых вузах созданы советы работодателей. Однако, как утверждают эксперты, на сегодняшний день инициатива взаимодействия чаще исходит от вузов. Кроме того, одним из препятствий расширения взаимодействия вузов и работодателей становится высокая занятость последних, что нередко проявляется в формализме отношений. Несмотря на это, привлечение работодателей в образовательный процесс имеет только позитивные результаты, проявляющиеся в повышении качества образовательных услуг и, как следствие, подготовке высококвалифицированных кадров с учетом запросов рынка труда. К числу инновационных форм взаимодействия работодателей с вузами отнесены: создание кафедр при конкретных производствах; конкурсы, гранты для студентов, организованные работодателями; именные стипендии; организация стажировок с оплатой труда. Все это требует расширения сфер и форм взаимодействия вузов с работодателями.

Позиция о прозрачности российских программ нового поколения и интеграции в международную образовательную среду большинства экспертов схожа. В рамках этой позиции утверждается возможность новых ФГОС отвечать требованиям мировых стандартов. Однако, по мнению экспертов, конкурентоспособность повышают не стандарты, а качество образования, по сути, то, как они реализованы. Одним из нерешенных вопросов остается материально-техническое оснащение российских вузов, существенно отличающееся от мировых стандартов.

Однако есть и другая позиция, выражающая недоверие двухуровневой системе в высшем образовании. Советская (российская) модель в этом случае видится конкурентоспособной. Отмечается более высокое качество подготовки специалистов. Новые ФГОС понизят конкурентоспособность российских образовательных программ. Подчеркивается, что проблема снижения качества образования на сегодняшний день касается не только высшего, но также начального и среднего образования.

Оценить требования, заданные стандартами, к структуре и результатам освоения образовательных программ с точки зрения технологичности организации образовательного процесса для вузов, реализующих большое количество различных направлений подготовки высшего профессионального образования, согласились не все опрошенные. Вероятно, это связано с осторожностью в выводах, мало подкрепленных фактическим опытом. Выразившие свое мнение по данному вопросу обратили внимание на достижение технологичности и вариативности процесса обучения и многопрофильности вузов как следствие внедрения ФГОС нового поколения. Это, в свою очередь, имеет свои плюсы и минусы. К положительным моментам можно отнести возможность повышения конкурентоспособности выпускника за счет овладения широким спектром компетенций, к минусам – усложнение технологий организации учебного процесса, что требует нового оборудования, площадей и т. д., а это огромные финансовые затраты (позиция Васина). Одним из недостатков отмечено увеличение нагрузки на преподавателей, при сохранении старых систем соотношения (преподаватель: студент – 1 : 10) расчета нагрузок и ставок.

Новые ФГОС способствуют качественному изменению в образовании и дают огромный простор для инноваций и творчества – в этом все эксперты единодушны. Однако очень многое в этом процессе зависит от личности преподавателя: насколько он инициативен, «инновационен» и компетентен. Абсолютным преимуществом признается возможность, а порой и необходимость, пересматривать программы с учетом происходящих процессов как в России, так и в мировом пространстве. Также открытым пока остается вопрос оценки качества освоения студентами широкого спектра компетенций (в связи с вышеозначенной проблемой неоднозначности их (компетенций) интерпретации) и синхронизации стандарта с бюджетным финансированием вузов.

По мнению экспертов, система образования в России сегодня обеспечивает возможность обучения в течение всей жизни. Практически все вузы имеют солидную базу для такого вида деятельности, в частности: аспирантура, докторантура, институты переподготовки и повышения квалификации, дистанционные образовательные курсы. Кроме того, магистерский уровень новых ФГОС

вполне отвечает этой возможности. Формирование каллс-технологий (когда производитель сопровождает свое изделие от его зарождения до его утилизации) в системе образования, безусловно, необходимо. Однако это пока вопрос разработки.

Условия непрерывного образования в России необходимо улучшать. Но для этого созданы не все условия. Кроме того, реализация системы непрерывного образования требует дополнительного финансирования и массовой пропаганды на государственном уровне.

Опрос деканов факультетов подтверждает ранее полученную информацию. Все подразделения вузов приступили к реализации новых ФГОС в соответствии со сроками, установленными министерством образования и администрацией вузов. Несмотря на то что степень вовлеченности в процесс реализации ФГОС преподавателей определялась их нагрузкой, в сам процесс были вовлечены все преподаватели. Однако распределение, контроль за качеством и объемом работ для каждого преподавателя осуществлялся заведующими кафедрами.

К пониманию сути ФГОС заведующие кафедр и весь преподавательский состав пришли не сразу, это процесс достаточно долгий. Однако на сегодняшний день можно сказать, что это достигнуто. Непонимание и непринятие стандартов третьего поколения характерно для некоторых преподавателей, но это единичные случаи. Пока открытым остается вопрос единства в интерпретации компетенций, возможность вариативного подхода и технологий реализации новых стандартов. Необходимость перехода на новые образовательные стандарты, по мнению руководства факультетов, осознана большинством преподавателей вузов. К числу основных трудностей процесса реализации ФГОС деканы отнесли: неоднозначность интерпретации компетенций; сложности перехода на систему зачетных единиц (соразмерности), в связи с чем происходит потеря большого количества специализаций (на отдельных направлениях) за счет ограниченности количества зачетных единиц; значительное увеличение объема самостоятельной работы студентов, требующее новых учебно-методических разработок для контроля и оценки качества работы; несформированность понимания сути и значимости самостоятельной работы у студентов (таких больших объемов, в частности); инертность преподавателей, связанная с резким переходом на новые стандарты; отсутствие адекватного инструмента управления всем массивом информации (отчетности, данных об успеваемости и т. д.)

Что касается академической мобильности, на сегодняшний день, по мнению экспертов, сложно оценить ее реальную возможность, тем более что уровень мобильности в России традиционно невысок. Однако этот вопрос решается, поскольку есть базовые части учебных планов, где объемы жестко регламентированы. Что каса-

ется вариативных частей, то это вопрос времени и стратегий сближения различных вузов (в том числе и зарубежных) в подходах формирования как объема, так и содержания. Пока существенных проблем с перезачетом дисциплин, которые приезжающие студенты освоили в других вузах, не возникало. Мобильность чаще ограничивается институциональными причинами, не определяемыми стандартами и программами. Кроме того, инициатива самих студентов в вопросах мобильности крайне низка, как, вероятно, и их интерес к этому. Как утверждают руководители факультетов, препятствий мобильности студентов как не было раньше, так и нет сейчас.

Повышение конкурентоспособности выпускника и признание его на рынке труда, в том числе и мировом, с новыми стандартами, как и со стандартами предыдущих поколений, никак не связано, по мнению большинства опрошенных деканов. Это вопрос качества реализации программ и квалификации и таланта преподавателей. Однако все опрошенные согласились с тем, что в новых стандартах заложен огромный потенциал к творчеству, что будет способствовать совершенствованию всей системы образования в целом. Однако следует обратить внимание на три компонента успешности процесса: *институциональная поддержка, иностранный язык (естественно, при условии соблюдения стандартов) и развитие инфраструктуры.*

Новые ФГОС – безусловный потенциал к инноватике. Это позиция практически всех руководителей структурных подразделений вузов. Однако очень серьезно стоят вопросы умеренности, адекватности и неревOLUTIONности перехода на новый уровень. Система образования, по мнению многих экспертов, должна оставаться в некоторой степени консервативной, дабы сохранять все то положительное, наработанное веками, и принимать и развивать инновационное, что позволит действительно системе прогрессировать в области качества.

Заместители деканов по учебной работе факультетов также отметили, что процесс разработки новых основных образовательных программ (ООП) в различных структурных подразделениях вузов г. Саратова связан напрямую со временем открытия бакалавриата и магистратуры. В СГУ, на факультете компьютерных и информационных технологий – это 2008 г., СГТУ – октябрь 2010 г., СГАУ – 1 января 2011 г., СГСЭУ – лето 2011 г. К моменту опроса этот процесс закончился. Однако практически все эксперты говорят о корректировке и доработке внедряемых новых программ. Данная работа осуществляется систематически, что вполне отвечает главным принципам любого модернизационного процесса.

Все опрошенные эксперты отмечают существенные изменения в ООП. Одно из самых масштабных – пересмотр структуры ООП с точки зрения установленных ФГОС ВПО новых целей

обучения и компетенций выпускников. При этом отмечается, что именно компетентностный подход как базовый требует существенных обновлений в различных частях ООП. Осуществлен пересмотр целей и задач курса с ориентацией на различные типы компетенций. Учебный план был разработан в модульном формате, что вполне успешно осуществлено. Кроме того, переработаны программы дисциплин, сейчас они также отвечают требованиям компетентностного подхода. Количество ранее реализуемых дисциплин сократилось, однако несущественно. При этом разработаны программы совершенно новых курсов. За счет сокращения лекционных часов увеличен объем практической и самостоятельной работы. По оценкам экспертов, объем самостоятельной работы увеличен примерно на 30%. Отмечено, что разработаны новые программы практик. Сокращено время промежуточной аттестации за счет увеличения времени на текущий контроль успеваемости студентов, однако несущественно. Все эксперты отметили серьезные изменения в фондах оценочных средств, более того, речь шла не столько об изменениях, сколько о создании принципиально новых форм.

Во всех структурных подразделениях вузов были созданы специальные рабочие группы, участники которых получали методическую помощь (речь идет о базовых знаниях) от специалистов учебно-методического управления вуза. Были сформулированы цели образовательных программ в соответствии с уровнем профиля подготовки. Кроме того, именно участники этих групп разрабатывали основные подходы и возможности реализации компетентностного подхода в новых ООП. Основным принципом выбора профилей практически во всех вузах г. Саратова был учет рекомендаций примерной ООП с учетом бывших специальностей подготовки. Кроме того, администрации вузов были заинтересованы в сохранении всех существующих кафедр. При этом согласования происходили на уровне не только администрации, коллектива и ученого совета подразделения, но и представителей фирм-работодателей.

Практически ни в одном вузе перечень компетенций не дополнялся. Исключение составил юридический факультет СГСЭУ. В перечень компетенций были добавлены некоторые компетенции, которые требуются от работников правоохранительных органов, в частности, потому что там есть особенности, определенные службой, соответственно, компетенции тоже требуют доработки.

Важно отметить, что в СГУ, СГТУ и СГАУ проектирование учебных планов велось в соответствии с системой зачетных единиц. Юридический факультет СГСЭУ использовал смешанный подход.

Поскольку сам подход формирования новых ООП является инновационным, необходимыми, по мнению всех экспертов, разработка и внедрение

новых образовательных технологий в учебный процесс (с чем успешно справляются все подразделения вузов). Достаточно серьезную группу методов составили поисковые и эвристические. Наиболее часто упоминались метод кейсов, проектные задания, проблемные дискуссии. Компьютерные и мультимедийные технологии, безусловно, обладают не меньшей популярностью и функциональностью.

Внедрение новых стандартов в образование требует использования активных и интерактивных форм обучения. Об этом говорят все эксперты без исключения, отмечая при этом успешность их применения в образовательном процессе. Что касается стимулирования преподавателей к использованию подобных форм, эксперты подчеркивают, во-первых, личную заинтересованность преподавателей в креативности с высокой долей полезности для развития не только знаний студентов, но и их дальнейшего интереса по конкретному направлению; во-вторых, во многих вузах на сегодняшний день существует система рейтинга преподавателя, что отражается в результате на размерах стимулирующих надбавок к оплате труда. Использование инновационных форм напрямую влияет на рейтинговую позицию.

Во всех вузах участники групп разработчиков ООП проходили повышение квалификации по вопросам реализации ФГОС ВПО, причем неоднократно. Практические семинары по обсуждению подобных вопросов проводились на базе различных вузов г. Саратова. Учебно-методическими комиссиями впоследствии были проведены внутренние методические семинары со всеми преподавателями факультетов. В большинстве вузов подобные семинары являются постоянно действующими.

В разработке ООП участвовали работодатели и представители фирм-вендеров. Все эксперты подчеркивают необходимость и важность подобной работы. Причем значительная помощь была оказана по части практических работ. Инициатива участия исходила либо от вуза, либо определена обоюдным интересом. Для работодателя главное – получение высококвалифицированных кадров с максимумом практических навыков. Вузы получают при этом основания для корректировки планов и программ с учетом запросов рынка.

К числу положительных моментов подобного сотрудничества были отнесены: предложения о содержании учебных курсов с учетом специфики региона, информация от работодателей, которая позволяет вовремя проводить корректировку и дополнения в учебных планах, ориентируясь на параметры конкурентоспособности выпускника. Отрицательными оказались, по мнению экспертов: несколько завышенные требования к уровню компетентности выпускника, что влечет за собой ожидания, формализм в организации и контроле практик студентов непосредственно на производстве; «перетягивание» студентов на работу на

ранних курсах, что впоследствии отражается на их академической успеваемости.

Система методического обеспечения, руководства и контроля за самостоятельной работой студентов создана во всех вузах, представители которых были опрошены, но не везде завершена. Все эксперты подчеркивают особую важность самостоятельной работы студентов в учебном процессе, что требует специальных методических рекомендаций. В аграрном университете при каждой кафедре существуют специальные комнаты для самостоятельной работы студентов. Кроме того, в рамках учебно-методических семинаров на факультетах обсуждаются вопросы руководства и организации самостоятельной работы студентов. Теоретически в каждом вузе возможность освоения студентом части образовательной программы в другом вузе существует, однако на практике реализация этой возможности – единичные случаи (в большинстве вузов отсутствует нормативная документация по мобильности), да и те чаще связаны с переводами из других учебных заведений. Это свидетельствует о достаточно низком уровне академической мобильности на сегодняшний день в саратовских вузах.

Система массовой академической мобильности преподавателей в вузах также пока не сформирована. Не создана нормативная документация по мобильности, там же, где она есть, – это чаще всего университетские договоры и трудовые соглашения на конкретные случаи. Уровень мобильности невысок, однако широк спектр ее форм. Чаще это посещение конференций и научных семинаров, участие в составах диссертационных советов других вузов, посещения курсов повышения квалификации и обмен опытом, участие в учебном процессе других вузов (чтение отдельных лекций, курсов и т. д.), в разработках по грантам.

По свидетельству экспертов, все студенты имеют доступ к электронным ресурсам. Для этого необходим только доступ в Интернет. Однако точки вай-фай есть не во всех вузах. Пока выход в Интернет возможен либо дома, либо в компьютерных классах, расположенных в учебных корпусах и библиотеках. Помимо доступа к электронной библиотеке своего вуза, факультета (которые содержат материал по всем курсам и дисциплинам) студенты получают обновленную информацию о новых материалах, размещенных в библиотеках других вузов. Все эксперты отметили только положительные стороны возможности пользоваться электронными ресурсами. Все вопросы финансовой поддержки этого процесса решаются на уровне администрации вуза. Нерешенными остаются вопросы правообладания электронными ресурсами.

Таким образом, процесс осознания необходимости перехода к компетентному подходу образовательных программ очевиден. Несмотря на системность процесса внедрения ФГОС име-

ется как положительный опыт их реализации ФГОС, так и ряд «недоработок» и открытых для обсуждения вопросов, в частности: нехватка нормативно-методической базы федерального уровня, связанной с вопросами академической мобильности студентов и преподавателей, вопросами бюджетирования в образовательном процессе; единых, понятных всем стандартов оценки уровня компетентности студента; системы расчета нагрузок преподавателей; поиска и внедрения новых форм взаимодействия вузов с работодателями.

Учитывая отмеченные экспертами недостатки и сложности процесса реализации новых ФГОС в вузах, можно сформировать ряд рекомендаций.

1. Дополнение учебно-методических материалов по внедрению ФГОС с подробным описанием сути компетенций во избежание неоднозначности в их интерпретации.

2. Конкретизация рекомендаций по созданию объективных оценочных средств.

3. Формирование на федеральном уровне нормативно-правовых документов, касающихся мобильности студентов и преподавателей, системы перезачета дисциплин. Своевременное предоставление документов в регионы. Создание технологий их свободной доступности.

4. Создание организации, управляющей всей документацией по ФГОС.

5. Снижение темпов реализации ФГОС.

6. Популяризация необходимости внедрения новых ФГОС в российских вузах.

7. Создание единой новой системы финансирования, адекватной необходимым условиям реализации ФГОС (нагрузок преподавателей, состояния материально-технической базы, инновационных проектов и т. д.).

УДК 303.1

ОСНОВЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОЛИСНЫЙ ПЕРИОД АНТИЧНОСТИ

Н. Ю. Кравченко

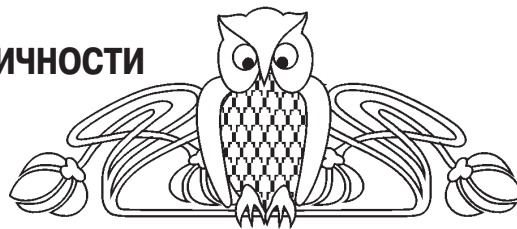
Саратовский государственный университет
Email: kravchenko.n@gmail.com

В статье дается характеристика особенностей полиса как структурообразующего элемента греческой цивилизации; описываются полноценные граждане полиса как носители античной цивилизации. Рассматриваются основания гражданственности и гражданской идентичности полноценных граждан. Предлагается авторская типологизация гражданской идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность, гражданственность, полноценные граждане, телесность, тип телесной гражданской идентичности.

Примечания

- ¹ В целях анализа эффективности внедрения ФГОС в учреждениях профессионального образования Саратовской области социологической группой Саратовского научного центра Российской академии наук с участием социологических лабораторий вузов города по заказу Департамента профессионального образования Министерства образования и науки РФ в мае – июне 2012 г. был проведен комплексный социологический мониторинг на территории области. К участию в мониторинге были привлечены представители профессорско-преподавательского состава, административные руководители, магистры и бакалавры четырех вузов: Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А., Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова, Саратовского государственного социально-экономического университета (всего 200 преподавателей, 100 магистров, 400 бакалавров, 48 проректоров и зам. деканов данных вузов). В задачи автора входил сбор эмпирических данных в рамках СГУ им. Н. Г. Чернышевского, а также анализ результатов мониторинга по всем вузам, участвующим в исследовании.
- ² Кирьякова А. В. Теория ориентации личности в мире ценностей. Оренбург, 1996. С. 3.
- ³ См.: Беликов В. А. Образование. Деятельность. Личность. М.: Академия Естествознания, 2010 г. URL: <http://www.rae.ru/monographs/76-2770> (дата обращения: 22.05.2013).
- ⁴ См.: Кирьякова А. В. Указ. соч. С. 3.
- ⁵ Кирьякова А. В. Там же. С. 4.
- ⁶ См.: Беликов В. А. Указ. соч.
- ⁷ В опросе приняли участие 16 экспертов – руководители структурных подразделений вузов, их заместители и методисты.

Basics Typology of Civic Identity: the City-state (poleis) Period of Antiquity

N. Yu. Kravchenko

The article describes the features of the city-state as a structure element of Greek civilization and its citizens. Discusses the basic of citizenship and civic identity citizens, entitled to the full protection of the law in a city-state. The author's typology of civic identity is suggested.

ется как положительный опыт их реализации ФГОС, так и ряд «недоработок» и открытых для обсуждения вопросов, в частности: нехватка нормативно-методической базы федерального уровня, связанной с вопросами академической мобильности студентов и преподавателей, вопросами бюджетирования в образовательном процессе; единых, понятных всем стандартов оценки уровня компетентности студента; системы расчета нагрузок преподавателей; поиска и внедрения новых форм взаимодействия вузов с работодателями.

Учитывая отмеченные экспертами недостатки и сложности процесса реализации новых ФГОС в вузах, можно сформировать ряд рекомендаций.

1. Дополнение учебно-методических материалов по внедрению ФГОС с подробным описанием сути компетенций во избежание неоднозначности в их интерпретации.

2. Конкретизация рекомендаций по созданию объективных оценочных средств.

3. Формирование на федеральном уровне нормативно-правовых документов, касающихся мобильности студентов и преподавателей, системы перезачета дисциплин. Своевременное предоставление документов в регионы. Создание технологий их свободной доступности.

4. Создание организации, управляющей всей документацией по ФГОС.

5. Снижение темпов реализации ФГОС.

6. Популяризация необходимости внедрения новых ФГОС в российских вузах.

7. Создание единой новой системы финансирования, адекватной необходимым условиям реализации ФГОС (нагрузок преподавателей, состояния материально-технической базы, инновационных проектов и т. д.).

УДК 303.1

ОСНОВЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОЛИСНЫЙ ПЕРИОД АНТИЧНОСТИ

Н. Ю. Кравченко

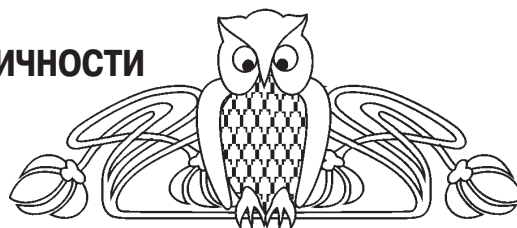
Саратовский государственный университет
Email: kravchenko.n@gmail.com

В статье дается характеристика особенностей полиса как структурообразующего элемента греческой цивилизации; описываются полноценные граждане полиса как носители античной цивилизации. Рассматриваются основания гражданственности и гражданской идентичности полноценных граждан. Предлагается авторская типологизация гражданской идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность, гражданственность, полноценные граждане, телесность, тип телесной гражданской идентичности.

Примечания

- ¹ В целях анализа эффективности внедрения ФГОС в учреждениях профессионального образования Саратовской области социологической группой Саратовского научного центра Российской академии наук с участием социологических лабораторий вузов города по заказу Департамента профессионального образования Министерства образования и науки РФ в мае – июне 2012 г. был проведен комплексный социологический мониторинг на территории области. К участию в мониторинге были привлечены представители профессорско-преподавательского состава, административные руководители, магистры и бакалавры четырех вузов: Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А., Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова, Саратовского государственного социально-экономического университета (всего 200 преподавателей, 100 магистров, 400 бакалавров, 48 проректоров и зам. деканов данных вузов). В задачи автора входил сбор эмпирических данных в рамках СГУ им. Н. Г. Чернышевского, а также анализ результатов мониторинга по всем вузам, участвующим в исследовании.
- ² Кирьякова А. В. Теория ориентации личности в мире ценностей. Оренбург, 1996. С. 3.
- ³ См.: Беликов В. А. Образование. Деятельность. Личность. М.: Академия Естествознания, 2010 г. URL: <http://www.rae.ru/monographs/76-2770> (дата обращения: 22.05.2013).
- ⁴ См.: Кирьякова А. В. Указ. соч. С. 3.
- ⁵ Кирьякова А. В. Там же. С. 4.
- ⁶ См.: Беликов В. А. Указ. соч.
- ⁷ В опросе приняли участие 16 экспертов – руководители структурных подразделений вузов, их заместители и методисты.

Basics Typology of Civic Identity: the City-state (poleis) Period of Antiquity

N. Yu. Kravchenko

The article describes the features of the city-state as a structure element of Greek civilization and its citizens. Discusses the basic of citizenship and civic identity citizens, entitled to the full protection of the law in a city-state. The author's typology of civic identity is suggested.

Key words: civic identity, citizenship, citizens, corporeality, type of corporeality civic identity.

Телесность вплетена в социокультурный контекст античности как особый модус. Не случайно стиль античной культуры получил название скульптурного¹. А. Ф. Лосев называет душу античной культуры, избравшую чувственно-наличное отдельное тело за идеальный тип протяженности, апполоновской. В период античности человеческое тело растворено в мифе и в мироздании. «Античность есть интуиция заполненного и завершенного в себе конечного тела. <...> Греция живет строго оформленным телом»². Апполоновская душа античной культуры не может не сказываться на политическом устройстве в целом и на специфике гражданской идентичности в частности.

В античной Греции для граждан политика становится повседневным телесным существованием. Наиболее рельефно это прослеживается в Спарте. Основной социальной структурой является городская община – полис, устойчивая организация соседских (территориальных) общин как самоуправляемых политических единиц, связанных коллективным землепользованием. Полис выступает в роли Бога, правители полисов – герои, например, в трагедии Эсхила «Хоэфоры» у Агамемнона эпитет «флотоводящее царственное тело».

Полис обуславливает своеобразие греческой цивилизации, выступая ее структурообразующим элементом³. Как правило, полис возникал в результате слияния нескольких территориальных общин. Особенностью полиса как социального организма была сравнительно небольшая территория и не всегда имевшая единый городской центр (Афины и Пирей – два центра в Аттике, полис в Спарте представлял собой объединение пяти деревень).

Фукидид определял полис как определенным образом организованное сообщество. Аристотель считал его высшей формой человеческого объединения⁴.

Греческий полис представлял собой патриархальную форму организации античного рабовладельческого общества. Эта форма складывалась в условиях существования отдельных, независимых этнических групп, тяготеющих каждая к своему, чаще всего городскому, центру, групп, где основное население четко осознавало свое этническое и культурное единство и свое отличие от других греков, живших в соседних общинах, и тем более от чужаков-варваров⁵. «Варварским» формам общины полис противопоставлял синкретизм городской общины и государства⁶.

Помимо чужаков-варваров в оппозиции свои↔чужие стояли полноценные граждане и неграждане. Члены других полисов, прибывавшие на жительство, не могли рассчитывать на гражданство и пополняли особое сословие неграждан. Открытое или скрытое противостояние граждан полиса всему остальному населению

являлось античным способом решения оппозиции свои↔чужие и господство↔подчинение.

Кого же древние греки считали полноценным гражданином? Греческая полисная политическая система классического периода являлась демократией для меньшинства населения – полноценных граждан мужского пола. Гражданином полиса могли стать только мужчины (женщины в древней Греции не имели никаких, прав, включая имущественные), коренные жители (то есть жившие на данной территории несколько поколений), владеющие наследственным земельным участком, принимавшие участие в народных собраниях и имевшие место в вооруженных ополчениях. Только полноценные граждане могли быть частью *тела полиса*. Эта особая телесность осуществлялась с помощью экономических, политических культурных функций гражданина.

Именно граждане полиса являлись олицетворением и носителями античной цивилизации. А гражданский коллектив как особая социальная категория был ядром социальной полисной структуры. Граждане полиса одновременно выступали как мелкие свободные производители (крестьяне), как носители высшей государственной власти (члены народных собраний) и как воины, защитники интересов и ценностей полиса (члены военных ополчений).

Тело полиса в территориальном отношении состояло из земельных участков. Каждый полноценный гражданин присоединялся к полису земельным наделом. И, напротив, потерявший земельный участок мог лишиться гражданских прав и выбыть из членов гражданской общины, отчуждался от тела полиса. Землевладение было одной из главных гарантий исполнения гражданами их обязанностей перед своими гражданскими общинами-государствами. Роль в теле полиса, то есть объем политических прав гражданина, определялась площадью, ценностью его земельного участка. Им гражданин владел как полноправный собственник, обладая правом продажи, правда, довольно ограниченной.

Как часть тела полиса гражданин выступал в качестве его защитника-оборонителя. Военная организация в античном мире определялась особенностями полисной структуры. Армия в классических полисах – военное ополчение граждан, составная часть гражданского коллектива; служить в ней – почетная обязанность и право. Не случайно афинские метеки в числе привилегий получали право нести военную службу наравне с афинскими гражданами.

Греческие ополченцы чувствовали себя составной частью полиса, о чем свидетельствует факт созыва народного собрания афинян, проходивших службу на флоте, стоявшем возле Самоса, в 411 г. до н.э. по случаю захвата власти олигархами в Афинах⁷. Любой полноправный гражданин ощущал себя вершителем судеб своего полиса, участвуя в народных собраниях, существовавших

во всех полисах, на которых принимались все важнейшие решения.

Неразрывность полиса и его гражданина проявлялось и в языке. Названия «Афины», «Коринф», «Спарта», «Фивы» и т. д. были лишь географическими понятиями, тогда как в политическом смысле в документах и в исторических сочинениях употреблялись термины «афиняне», «коринфяне», «спартиаты», «фиванцы». Например, в разговорных практиках встречались формулировки не «Афины воюют со Спартой», а «афиняне борются со спартиатами».

Каждый гражданин как представитель высшей власти нес ответственность за судьбу полиса. При различных видах режима могли встречаться вариации в исполнении роли в общем собрании. Степень участия гражданского населения в политической жизни полисного государства, конечно, определялась существовавшей в нем формой правления (демократия, олигархия и промежуточные формы). Но даже при периодически возникавшей тирании органы народного управления привлекались для решения или утверждения важнейших вопросов⁸. При олигархических режимах народные собрания также функционировали, хотя их состав и полномочия варьировались в зависимости от обстоятельств⁹. Народное собрание в античной Греции классического периода, по сути, представляло собой весь гражданский коллектив, хотя на практике не все граждане могли его всегда посещать.

Античная демократия покоилась на личной свободе и свободе слова и равенстве граждан полиса в правах. Здесь необходимо сказать о том, как понимали древние свободу. По Аристотелю, свобода проявляется в равенстве, а равенство в свободе – есть справедливость¹⁰. Равенство в полисе представляло собой корпоративное равенство граждан («своих»), оно не могло быть «редуцированным до всенародности»¹¹. Таким образом, индивидуальная свобода в античном обществе реализовывалась через равенство всех полноправных граждан перед законом.

Не только жизнь и имущество гражданина полиса, но и свобода его личности находились под защитой государства. Афинянин мог быть заключен в тюрьму только по приговору суда, а в случае привлечения к суду не надевшийся на оправдательный вердикт имел право покинуть свое государство до рассмотрения дела¹².

Гражданская община в Греции полисного периода представляла собой независимую автономную единицу, являлась суверенным государством. Республиканскому устройству этого государства наиболее отвечал общинный коллективистский принцип полисной организации, что нашло свое выражение в идеологической сфере.

Идеологию полиса определяли следующие характерные понятия и идеи:

– понятие гражданства, выраженное в противостоянии объединения свободных людей

всем остальным группам населения, не принадлежащим к коренным жителям;

– понятие полисного патриотизма, в основе которого лежало «сознание принадлежности своей не только к общей родине и общему единству эллинов, но и к данному, особенному этнополитическому единству, к данной общине, к данному городу, что только и делало человека в глазах древних греков вполне правоспособным, активным членом общества»¹³.

Концепт «гражданин», модель античного гражданина, его феномен были обусловлены способом организации институтов и культуры древнегреческого государства посредством самоорганизации индивида, наделенного гражданским статусом – правом участия в осуществлении демократического правления. Статус и жизнь гражданина в политическом и экономическом отношении определялись его принадлежностью к полису, его тождественностью с ним. В основе античной системы власти и концепта «гражданин» лежали дуализм полиса и гражданина с привилегированным статусом, организация политических институтов на основе принципа политического участия членов гражданской общины¹⁴.

Греческий полис выступал как система реализации прав и обязанностей гражданина, включающий определенную конфигурацию разрядов граждан в соответствующей им части: полноправные граждане и остальное население. Результатом распределения власти в полисе было: специализация, соподчинение и поочередное исполнение функций управления, режим властвования и подчинения. Реальное участие граждан в политике, объем прав и обязанностей зависели от их фактических социально-экономических статусов.

Кроме политической существовала и культурная основа гражданского статуса. Ее основу во времена античной цивилизации составлял гражданский этос. Он заключался в коллективном духе гражданской общины, который был направлен на сохранение ее целостности и эффективности, на легитимацию полисных институтов власти и консолидацию элиты общества¹⁵.

Формирование коллективного духа являлось основной формой гражданской идентификации в античном обществе. Это была «коммунитаристски-элитарная модель гражданства», разработанная Аристотелем в его теории о государстве, согласно которой индивиды интегрируются в политическое сообщество как части в целое. В основе этой модели гражданства лежат не отношения индивидуального членства, а коллективная практика самоопределения, вложения личных усилий в поддержание коллективного единства и консенсуса.

Механизм гражданской идентификации включает в себя последовательное освоение и преобразование личностью различных модальностей ее гражданского бытия. Гражданская идентичность формировалась в античном обществе на

групповом, начальном уровне, связанном, в первую очередь, с освоением общезначимых норм и ценностей, характерных для данного общества¹⁶.

Феномен античного гражданина был также обусловлен жесткой дифференциацией общества по принципу: свои – чужие, граждане (обладающие достоинством, цивилизованностью, персоной) – неграждане (некто безличное и бесформенное – «варвары») и чувством превосходства над чужими, которое объединяло своих¹⁷.

Таким образом, полисная система представляла собой патриархальную форму организации античного рабовладельческого общества. В различных полисах могли функционировать демократия, олигархия или промежуточные формы государственного устройства.

С точки зрения политического устройства греческая полисная политическая система классического периода являлась демократией только для полноценных граждан мужского пола.

Политические институты были организованы на основе принципа политического участия членов гражданской общины, гражданин был неразрывно связан с полисом через владение собственностью, недвижимостью, земельным наделом, политическими правами и обязанностями. Это формировало гражданскую ответственность граждан перед полисом. Каждый гражданин как часть полиса нес ответственность за полис в целом. Индивидуальная свобода реализовывалась через равенство всех полноправных граждан перед законом.

Полис отличала следующая специфика. Ключевым понятием выступал концепт «гражданство», который выражался в противостоянии объединения свободных людей всем остальным группам населения. Также специфичным было понятие «полисный патриотизм». Реальное участие граждан в политике, объем прав и обязанностей зависели от их фактических социально-экономических статусов. Характерные черты полисного устройства: специализация, соподчинение и поочередное исполнение функций управления, режим властвования и подчинения.

Граждане полиса являлись олицетворением и носителями античной цивилизации. Гражданский коллектив как особая социальная категория был ядром социальной полисной структуры. Идентификация граждан полиса основывалась на дихотомиях: свои ↔ чужие (граждане – неграждане) и господство ↔ подчинение.

Гражданин осознавал себя частью коллектива граждан, общественное благо имело приоритет над личным, частным. Синкретизм города и деревни заключался в идентификационной матрице граждан: они были носителями крестьянской идентичности (мелкими свободными производителями), идентичности членов народных собраний (носителями высшей государственной власти) и идентичности воинов ополчений (защитников

интересов и ценностей полиса). Статус и жизнь гражданина в политическом и экономическом отношении определялись его принадлежностью к полису, его тождественностью с ним.

Гражданская идентичность полноценных граждан античного греческого полиса представляет собой особый конструкт. База гражданской идентичности гражданина греческого полиса – телесность, психологическая и рациональная компоненты комплиментарны ей. В следующей эпохе – Средневековье – телесность как основа дополняется психологической компонентой, и они составляют базу гражданской идентичности бюргера, гражданина средневекового города, но это тема отдельной статьи.

Примечания

- 1 См.: Тахо-Годи А. А. О древнегреческом понимании личности на материале термина «сома» // Вопросы классической филологии : сб. ст. Вып. 3–4. М., 1971. С. 276–281.
- 2 Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 149
- 3 См.: Античная Греция. Проблемы развития полиса : в 2 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1983. Т. 1. Становление и развитие полиса. С. 8.
- 4 См.: Аристотель. Политика. I. 1 // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 376.
- 5 См.: Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 12.
- 6 См.: Фан И. Б. Концепт гражданина в политической мысли : методологические подходы и теоретические модели : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2010. С. 21.
- 7 См.: Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 2. Кризис полиса. С. 11.
- 8 См.: Фролов Э. Д. Гражданская община и ее представительные органы в Сиракузах при Дионисии Старшем // Античный мир и археология : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов, 1977. С. 62–72.
- 9 См.: Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 2. Кризис полиса. С. 9–10.
- 10 См.: Аристотель. Политика. V. 8. Т. 4. С. 459.
- 11 Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 322.
- 12 См.: История древнего мира : в 3 кн. / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М., 1983. Кн. 2. Расцвет древних обществ. С. 184–185.
- 13 Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. СПб., 2004. С. 13.
- 14 Фан И. Б. Указ. соч. С. 22.
- 15 Там же.
- 16 См.: Резник Ю. М. Человек в гражданском обществе : проблема идентичности // Человек вчера и сегодня : междисциплинарные исследования / общ. ред., сост. М. С. Киселевой. М., 2007. С. 50, 51.
- 17 См.: Фан И. Б. Указ. соч. С. 23.

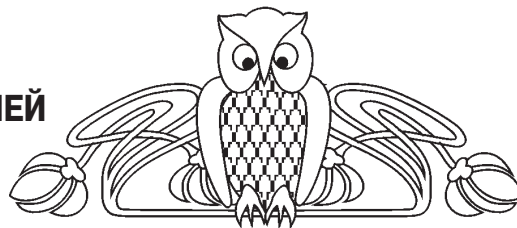

УДК 316. 33

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Т. М. Баландина

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: balandinatm@gmail.com

Представляется теоретический анализ основных концепций социального организационного контроля, доказывається, что в рамках современных технологических и социально-политических концептуальных направлений односторонне рассматривается данное социологическое явление, обосновываются преимущества практического (объединенного) методологического подхода в исследовании административного контроля, раскрываются новые (инновационные) принципы социологической парадигмы социального контроля.

Ключевые слова: социальный контроль, технологическая, социально-политическая, практическая концепции, организационные принципы контроля.

Social Control in Management System of Modern Organization

T. M. Balandina

Theoretical analysis of social organizational control basic conceptions is presented, it is proved that in terms of modern, technological and socio-political conceptual directions this phenomenon is considered one way, advantages of practical (united) methodological approach in administrative control research are based, uncovered new (innovative) principles of social paradigm of social control. Key words and phrases: social control, technological, socio-political, practical conception, organizational principles of control.

Key words: social control, technological, socio-political, practical concepts, organizational principles of control.

В современной России в результате радикальных социально-экономических преобразований в экономической и социальной системе изменяется роль института социального контроля, трансформируется вся система социального управленческого взаимодействия работников. Развитие рыночных отношений формирует новые критерии эффективности организационного совершенствования. В новых условиях основным критерием успеха хозяйственной организации является ее способность не только обновлять продукцию, но и оптимизировать систему управления, модернизировать технологии социального управленческого контроля.

Проблема управленческой власти и социального контроля в организации долгое время оставалась односторонне исследованной в рамках современной российской социологической науки. Только в последние годы мы встречаем отечественные исследования, посвященные данной проблеме. Американские, британские, германские ученые традиционно представляет эмпирические,

методологические и теоретические социологические концепции по данной проблеме. В контексте современных исследований представляется новый подход в социологической интерпретации управления через системную реализацию процесса социального административного контроля.

Проанализируем основные теоретические подходы, представленные в социологии управления по проблеме социального контроля в системе административного управления организацией. Подавляющее большинство исследователей представляет технические парадигмы социального контроля в управлении, где задачи управления и его функции анализируются в рамках единого комплекса. При этом как реализация властных функций, так и разрешение управленческих задач рассматриваются в качестве механизма достижения адаптации трудовой организации к изменениям, вызванным нестабильностью внешней социальной среды организации. В данных парадигмах социальный контроль представляет собой компонент механизма регулирования трудовых отношений и одновременно выступает как фактор преодоления неустойчивости, социального беспорядка, конфликта интересов участников хозяйственной деятельности. В рамках технического подхода социальный контроль определяет трудовую стабильность организации и регулирует процесс всякого трудового действия как форму проявления социально-экономической активности предпринимателей, менеджмента, непосредственных работников¹. Дж. Вудворд в этой связи доказывает, что социальный контроль, являясь функцией менеджмента, связан и взаимозависим с системой применяемых специфических производственных технологий предприятия, а также его формальной структурой управления². Дж. Томпсон развивает технический подход и констатирует, что административный управленческий контроль является системной моделью в структуре организационных отношений. В данном контексте всякая управленческая модель административного контроля проявляется в виде трех подсистем: технической, административной и институциональной³.

Таким образом, в рамках технической парадигмы социального контроля уточняется применение социального контроля как относительно самостоятельной функции управления организацией. При этом типология социального

контроля в организации строится на основе анализа внешней социальной среды организации, которая определяет необходимость той или иной формы и методики его осуществления. Социальный организационный контроль включает в себя техническую, непосредственно административную и институциональную составляющую. Технический контроль является основой составляющей системы социального организационного контроля. Он определяет возможность не только эффективного разрешения основных операциональных противоречий, решения базовых технологических задач, но и адаптивного и продуктивного развития отдельных компонентов и социально-экономической системы организации в целом. Необходимо отметить ограниченность технической парадигмы контроля. В рамках технических социальных теорий не рассматривается целый ряд второстепенных факторов, определяющих совершенствование трудовых отношений работников, не анализируются иные (не контролируемые) функции социального управления, не определяются взаимосвязь и взаимозависимость различных функций административного менеджмент-контроля.

Дополняет и развивает техническую парадигму социально-политическая концепция социального контроля. В рамках данного методологического подхода социальный административный контроль проявляется в результате одобрения или осуждения тех или иных трудовых действий работников со стороны властных структур внешней социальной среды, а также представителей внутриорганизационной администрации. Исследователи отмечают, что в рамках общества в целом, а также отдельной организационной системы невозможно поддерживать устойчивое развитие, социальный порядок и структурную стабильность только неформальными методами⁴. Административный контроль формируется и развивается как формальный социальный контроль, действующий в рамках как отдельного общества, региона, муниципального образования, так и рамках отдельной организации. Он может проявляться глобально, территориально, организационно.

Развитие хозяйственной системы постепенно создает потребность в формальном регулировании трудовых отношений, приводит к процессам управленческого контролирующего взаимодействия тружеников, демократизирует процессы социального контроля на каждом рабочем месте каждого трудового коллектива. В рамках данного подхода рассматривается трансформация практик социального контроля организации, доказываясь, что социальное развитие организации неуклонно сопровождается ослаблением различных функций управления за счет усиления формального и неформального социального контроля, децентрализованного управленческого регулирования и самоконтроля отдельных работников. Обосновывается рост роли неформальных (официально

не предписанных) норм, принципов, правил и процедур трудового поведения.

Т. Барнс в этой связи отмечает, что в рамках социально-политической методологии социальный контроль определяет процесс реализации управленческой деятельности, управленческое взаимодействие и оптимизирует социальное регулирование внутренних социальных конфликтов между тружениками по поводу использования, распределения и доступа к организационным ресурсам⁵. Социальный контроль является формой процесса принятия управленческих решений. Он направлен не только на достижение технологических, экономических и социальных целей, но и на преодоление противоречий между управляющими и подчиненными; формирует управленческую политику организации, стиль и форму управленческого взаимодействия.

М. Буравой, развивая данный подход, раскрывает социально-политические тенденции управленческой реализации административного контроля. Он приходит к выводу, что механизмы административного контроля, являясь инструментом реального управления организацией, одновременно активизируют ряд социальных противоречий⁶, а также приводят к не всегда предсказуемым результатам⁷. На основе исследования данных подходов несложно заметить, что социальный контроль как процесс реализации управления зависим и определяется системой методов управленческого воздействия. По мере общественного, а также организационного развития социальное управление на микроуровне предполагает передачу контролирующих функций трудовым коллективам, профессиональным группам, отдельным работникам. Проявляется важнейшая тенденция, согласно которой социальный контроль подвержен наполнению демократическими принципами. По мере развития социальных систем социальный контроль ориентирован на компромисс, становится менее заметным, более неформальным и скрытым.

Таким образом, в рамках социально-политической концепции нет четкого разграничения процессов социального управления и социального контроля. Исследователи подчеркивают, что социальный контроль определяет управленческую координацию трудового поведения членов организации, способствует повышению возможности достижения стратегических целей, а значит, влияет на стиль социального управления и конкретизирует его. Социальный контроль здесь реализует процесс регулирования трудового взаимодействия через разработку и внедрение определенных организационных норм, принципов, соглашений, что позволяет минимизировать трудовые конфликты между профессиональными группами, являющимися носителями различных социально-экономических интересов и обладающими разным уровнем человеческого капитала.

Посредством формального и неформального контроля администрация осуществляет управленческое воздействие для достижения заранее намеченных и определенных целей. Все другие действия администрации рассматриваются как дополнительные и вспомогательные. Выделяются и исследуются уровни социального контроля, уточняются механизмы управленческого контроля и самоконтроля, раскрываются процессы соединения механизмов административного контроля и самоконтроля тружеников. Доказывается, что именно социальный контроль не только обеспечивает эффективность процесса достижения организационных целей, но и определяет предсказуемость, устранение дезорганизации, конфликтов, распад и хаос.

В то же время необходимо отметить, что в рамках социально-политического подхода исследователи отрываются от процессов взаимодействия применяемых экономических, социальных и культурных технологий организации и социального контроля. Выпадает из поля зрения и социокультурная составляющая организации. Организационная культура, социальные механизмы трудового взаимодействия отрываются от социальных процессов формирования административного контроля.

На наш взгляд, преодоление недостатков вышепредставленных подходов возможно в плане развития практического (объединенного) методологического подхода в исследовании административного контроля. В рамках данных парадигм административный контроль рассматривается как функция и одновременно процесс социального управления.

Административный контроль определяет результат организации трудовой деятельности в условиях множественных социальных взаимодействий практик взаимодействия внешней и внутренней среды организации. Он рассматривается как управленческий инструмент разрешения противоречий внешней и внутренней социальной среды организации, а также метод разрешения задачи поддержания социального и экономического равновесия в процессах деятельности организации с ее развитием как в рамках отдельных подразделений, так и организационной культуры в целом.

П. Романов в этой связи отмечает, что практический подход обозначил попытки синтезировать методологический инструментарий, выработанный в рамках различных теорий к исследованию административного подхода. Учеными выдвигается идея исследования административного контроля на интегральной основе. Разрабатываются новые принципы исследования административного контроля. «Во-первых, следует выделять уровни контроля и рассматривать каждый из них отдельно; во-вторых, невозможно изучение контроля без выявления механизмов, связывающих различные его уровни; в-третьих, необходимо охарактеризовать процессы, отражающиеся в поведении

менеджеров, с помощью которых происходит соединение уровней и механизмов контроля»⁸. В практике управления организацией представляются три типа контроля: стратегический, тактический, операционный. В каждой организации существуют взаимосвязанная иерархия стратегического управления и иерархия административного контроля. Для общеорганизационного уровня характерен процесс стратегического контроля. В рамках последнего основное внимание уделяется контролю показателей функционирования трудового коллектива в целом. «На уровне отделений преобладает тактический контроль, который сосредоточивается на улучшении конкурентной позиции организации. В процессе тактического контроля, как правило, отслеживается уровень издержек и доля рынка. Для функционального уровня характерен в основном операционный и тактический контроль, в рамках которого ежедневно или еженедельно отслеживаются такие показатели функционирования, как количество выполненных заказов, число рекламаций»⁹.

По новой интерпретации административный контроль проявляет себя не только как основная функция управления трудовой организацией, но и как социальный процесс, направленный на оптимизацию трудовых отношений в условиях постоянного конфликта хозяйственных интересов участников непосредственного трудового процесса и собственников средств, с помощью которых трудовая деятельность обеспечивается. Представляется двойственный собственник данных ресурсных средств в виде предпринимателя (собственника материальных ресурсов) и трудящегося (собственника человеческого капитала).

Организационный уровень административного контроля определяет динамику процессов трансляции организационной культуры, посредством которой осуществляются принципы и приоритеты корпоративного управления. Именно на организационном уровне культурно конструируются нормы и принципы трудового взаимодействия, рамки поведения менеджмента, инженерного персонала, непосредственных работников, определяются управленческие ценности, нормы принципы. «Контроль на рабочем месте подчеркивает детальную организацию рутинной рабочей деятельности в рамках, установленных операционным планом или графиком и определяющим такие позиции, как количество персонала, выполнение производственных заданий и скорость их выполнения. Каждый из этих уровней связан с определенным набором институтов, с помощью которых решаются характерные для него конкретные проблемы»¹⁰.

Административный контроль на организационном уровне связан с системой формирования и трансформации организационной культуры. Классический тип организационной культуры характеризуется преобладанием ценностей формального контроля поведенческих

функций, дисциплины и порядка, послушания и подчинения имеющимся социальным ожиданиям; жестким установлением ролей в структуре управленческой власти; доминированием формальной системы управленческих отношений (управление осуществляется через упрощенные управленческие задачи по функциональным направлениям); механически повторяющимся характером взаимодействия управляющего и управляемого; централизацией управленческой власти, ответственности и координации; четкой иерархией административного контроля. В классическом типе организационной культуры проявляется так называемый бюрократический подход к социальному контролю. В рамках реализации функций контроля определяются предписания и уточняются все трудовые функции сотрудников. Здесь досконально описывается, как надо работать, кому и какие трудовые действия выполнять в определенные временные сроки. «При этом подходе устанавливаются подробные процедуры и правила поведения и действия, а также отслеживается и контролируется, насколько верно они выполняются. Основой такого подхода являются выработанные стандарты. Последний подход базируется на установлении норм отношений и системы ценностей в организации. Здесь контроль превращается в самоконтроль, сами участники деятельности в процессе ее выполнения контролируют свою работу и свои результаты с позиций интересов организации»¹¹. Высший менеджмент стремится найти оптимальное соотношение контроля на высшем, среднем и низшем уровнях, в рамках которых каждый работник организации имеет четкую инструкцию по выполнению определенных трудовых функций.

Совершенствование социального контроля на организационном уровне должно рассматриваться в рамках обновления всей системы организационной культуры. Формирование новой (современной) системы социального контроля реализуется в контексте становления инновационного типа организационной культуры. Последняя характеризуется преобладанием ценностей самоконтроля, передачи основных контролирующих функций от систем центральной управленческой власти на средний управленческий уровень, расширение границ самоконтроля. Здесь характерно трудовое раскрепощение, рост сознательности и социальной ответственности тружеников. Последнее определяет рост возможности внедрения трудовых новаций, равноправного сотрудничества управляющих и подчиненных, командного инновационного творчества, инициативы и новаторства на каждом рабочем месте. Данный инновационный тип отражает культуру с высокой степенью привлечения работников к выполнению функций самоконтроля, самоуправления, создающего необходимые условия для саморазвития и постоянного профессионального накопления интел-

лектуально-образовательного потенциала членов организации. Последняя обладает следующими чертами: демократическим стилем административного контроля; органической структурой организации; созданием условий осуществления динамичного социального развития, разработки и внедрения новых идей; отсутствием барьеров к использованию инициативы сотрудников, привлечению их к формированию контрольных норм и принципов поведения.

Данная культура также характеризуется созданием условий, которые бы могли улучшить процесс принятия управленческих решений благодаря разработке инновационного механизма социального контроля, внедрению новых форм организации и мотивации работников.

Организационная культура инновационного типа характеризуется гибкой системой административного контроля. Последняя имеет ряд специфических характеристик: осознание новаторской идентичности членов группы (группы в организации проявляют себя в форме команд единомышленников, объясняется смысл объединения людей в группу посредством миссии и целей); время и осознание времени (сокращается хранение, сообщение и измерение продолжительности интервалов социального контроля, использование более точного смысла времени самоконтроля); ценности и нормы (работники воспринимают свои потребности, исходя из ранжирования их приоритетов, важнейшие из которых – самоконтроль, самоутверждение, отражающие потребность в признании, значимости, качестве жизни и самосовершенствовании; ценности культуры и нормы поведения выражены в организации открыто; стандарты поведения, как правило, представляются в форме официально принятой рабочей этики, принципах этикета, кодексах поведения, нормативах поведения); убеждения и отношения (определяют, прежде всего, систему признания и вознаграждения за четкое соблюдение трудовых норм, проявление самоконтроля на каждом рабочем месте); ментальные привычки и обучение (приоритетное использование целостного системного мышления работников, ориентация на постоянное обучение и переобучение работников, активизация перехода от «рабочей» этики к «ценностной», которая акцентирует внимание на важности качества рабочей жизни).

В условиях роста социальной неопределенности функционирование организации не может осуществляться в условиях механической системы социального контроля, классической организационной культуры. Работники организации должны быть поставлены в условия необходимости самоконтроля, профессионального роста, должны иметь право участия в реализации контролирующих функций в рамках децентрализованной системы управления персоналом организации. В новых условиях объективно формируются конку-

рентно эффективные гибкие системы социального контроля, которые стремятся усилить потенциал приспособления к изменяющимся условиям внешней социальной среды, создавать новый тип организационной культуры, где каждый работник наращивает и профессионально накапливает личный интеллектуально-образовательный потенциал, имеет возможность развивать и проявлять свой талант, общие и специальные знания, профессиональный опыт.

В рамках гибкой системы социального контроля важно предусмотреть рост практик передачи контролирующих функций непосредственным работникам, расширение различных форм самоконтроля. Внедрение данной системы определяет условия саморазвития творческого труда. Она ориентирована, прежде всего, на аккумуляцию новаций на основе поиска, обработки, анализа знаний, развития партнерского инновационного творчества сотрудников. По сути, инновационная организационная культура определяет демократизацию системы административного контроля и развитие практик самоконтроля. Гибкая система социального контроля определяет социальные условия, в которых работники – профессиональные лидеры – раскрепощены в своей трудовой деятельности, нормативный контроль и ограничения творчества минимальны, работники ориентированы на социально ответственный самоконтроль и достижение конечного хозяйственного результата. Они знают параметры необходимого контроля

и самоконтроля, стремятся занять лидирующие профессиональные позиции, имеют высокую степень свободы и потребности в инновационных накоплениях в процессе трудовой деятельности.

Примечания

- 1 См.: Быченко Ю. Г., Рогачев П. Ю. Формы и методы правового контроля государства за асоциальным поведением граждан. Саратов, 2004. С. 7–12.
- 2 См.: Woodward J. Industrial Organization : Theory and Practice. L. : Oxford University Press, 1965.
- 3 См.: Thompson J. D. Organization in Action. N. Y. : McGraw-Hill, 1967.
- 4 См.: Кравченко А. И., Тюрина И. О. Социология управления. М., 2004. С. 329.
- 5 См.: Burns T. A. Comparative Study of Administrative Structure and Organizational Process in Selected Areas of the National Health Service (SSRC Report, HRP 6725). L. : Social Science Research Council, 1982.
- 6 См.: Reed M. Sociology of Management. L. : Harvester Wheatsheaf, 1989.
- 7 См.: Козырев Г. И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социс. 2005. № 8. С. 127.
- 8 Романов П. Социология менеджмента и организаций. Ростов н/Д, 2004. С. 118.
- 9 Быченко Ю., Попюк В. Стратегический менеджмент. Саратов, 2002. С. 108.
- 10 Романов П. Указ. соч. С. 118.
- 11 Быченко Ю., Попюк В. Указ. соч. С. 109.

УДК 316.334.2-055.2(470)

К ВОПРОСУ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ БИЗНЕС-ЛЕДИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю. А. Семенова

Саратовский государственный университет
E-mail: semenofa@gmail.com

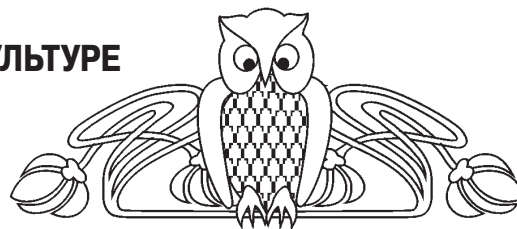
В статье рассматриваются предпринимательская культура бизнес-леди, особенности женского предпринимательства как социального феномена, обусловленного рядом обстоятельств исторического и социально-экономического свойств.

Ключевые слова: предпринимательство, культура, предпринимательская культура, бизнес-леди, институциональная деятельность, социальный институт, социальная структура общества.

For the Question of Entrepreneurship Culture of a Business-lady in the Modern Russian Society

Yu. A. Semenova

The article considers entrepreneurship culture of a business-lady, considers peculiarities of feminine entrepreneurship as a social

phenomenon conditioned by a number of circumstances of historical and social-economical property.

Key words: entrepreneurship, culture, entrepreneurship culture, business-lady, institutional activity, social institute, social structure of a society.

Вопрос о предпринимательской культуре является одним из наиболее значимых в современном российском обществе. Сегодня мы с полным основанием можем довольно много, исследованы различные стороны их творческой деятельности, рассмотрены основания, на которых, собственно, базируется их деятельность, проанализированы мотивы, которыми они руководствуются, результаты, ими достигнутые, противоречия, которые необходимо решить, меры поддержки и помощи со стороны государства малому и среднему бизнесу и многое другое.

рентно эффективные гибкие системы социального контроля, которые стремятся усилить потенциал приспособления к изменяющимся условиям внешней социальной среды, создавать новый тип организационной культуры, где каждый работник наращивает и профессионально накапливает личный интеллектуально-образовательный потенциал, имеет возможность развивать и проявлять свой талант, общие и специальные знания, профессиональный опыт.

В рамках гибкой системы социального контроля важно предусмотреть рост практик передачи контролирующих функций непосредственным работникам, расширение различных форм самоконтроля. Внедрение данной системы определяет условия саморазвития творческого труда. Она ориентирована, прежде всего, на аккумуляцию новаций на основе поиска, обработки, анализа знаний, развития партнерского инновационного творчества сотрудников. По сути, инновационная организационная культура определяет демократизацию системы административного контроля и развитие практик самоконтроля. Гибкая система социального контроля определяет социальные условия, в которых работники – профессиональные лидеры – раскрепощены в своей трудовой деятельности, нормативный контроль и ограничения творчества минимальны, работники ориентированы на социально ответственный самоконтроль и достижение конечного хозяйственного результата. Они знают параметры необходимого контроля

и самоконтроля, стремятся занять лидирующие профессиональные позиции, имеют высокую степень свободы и потребности в инновационных накоплениях в процессе трудовой деятельности.

Примечания

- 1 См.: Быченко Ю. Г., Рогачев П. Ю. Формы и методы правового контроля государства за асоциальным поведением граждан. Саратов, 2004. С. 7–12.
- 2 См.: Woodward J. Industrial Organization : Theory and Practice. L. : Oxford University Press, 1965.
- 3 См.: Thompson J. D. Organization in Action. N. Y. : McGraw-Hill, 1967.
- 4 См.: Кравченко А. И., Тюрина И. О. Социология управления. М., 2004. С. 329.
- 5 См.: Burns T. A. Comparative Study of Administrative Structure and Organizational Process in Selected Areas of the National Health Service (SSRC Report, HRP 6725). L. : Social Science Research Council, 1982.
- 6 См.: Reed M. Sociology of Management. L. : Harvester Wheatsheaf, 1989.
- 7 См.: Козырев Г. И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социс. 2005. № 8. С. 127.
- 8 Романов П. Социология менеджмента и организаций. Ростов н/Д, 2004. С. 118.
- 9 Быченко Ю., Попюк В. Стратегический менеджмент. Саратов, 2002. С. 108.
- 10 Романов П. Указ. соч. С. 118.
- 11 Быченко Ю., Попюк В. Указ. соч. С. 109.

УДК 316.334.2-055.2(470)

К ВОПРОСУ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ БИЗНЕС-ЛЕДИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю. А. Семенова

Саратовский государственный университет
E-mail: semenofa@gmail.com

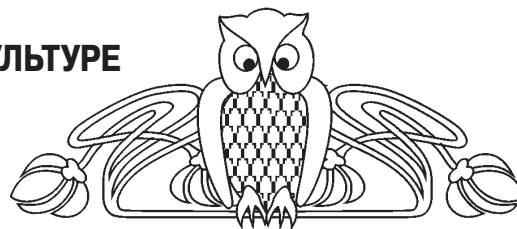
В статье рассматриваются предпринимательская культура бизнес-леди, особенности женского предпринимательства как социального феномена, обусловленного рядом обстоятельств исторического и социально-экономического свойств.

Ключевые слова: предпринимательство, культура, предпринимательская культура, бизнес-леди, институциональная деятельность, социальный институт, социальная структура общества.

For the Question of Entrepreneurship Culture of a Business-lady in the Modern Russian Society

Yu. A. Semenova

The article considers entrepreneurship culture of a business-lady, considers peculiarities of feminine entrepreneurship as a social

phenomenon conditioned by a number of circumstances of historical and social-economical property.

Key words: entrepreneurship, culture, entrepreneurship culture, business-lady, institutional activity, social institute, social structure of a society.

Вопрос о предпринимательской культуре является одним из наиболее значимых в современном российском обществе. Сегодня мы с полным основанием можем довольно много, исследованы различные стороны их творческой деятельности, рассмотрены основания, на которых, собственно, базируется их деятельность, проанализированы мотивы, которыми они руководствуются, результаты, ими достигнутые, противоречия, которые необходимо решить, меры поддержки и помощи со стороны государства малому и среднему бизнесу и многое другое.

Иное дело – предпринимательская культура. Часто она воспринимается как некая данность, особенно в условиях трансформации социально-экономических и политических отношений. Культура предпринимательства и предпринимателей есть, по существу, латентное желание потребителей услуг и товаров, производимых последними, организовать для себя комфортную среду потребления. Существуют различные точки зрения на предпринимательскую культуру. Так, например, культура предпринимательства, по Е. Орловой, – это «культура «цивилизованного разрушения», разрушения, которое несет в себе созидание. С этой точки зрения субъектом предпринимательской культуры не может быть отдельная личность или общность, ее субъектом может быть только социум, который принимает этот риск, допускает возможность такого разрушения как нормального цивилизованного, «окультуренного» явления, определяет его меру, институционализирует, типизирует и легитимирует»¹.

Таким образом, одной из латентных функций предпринимательства является изменение социальной структуры общества. Безусловно, предпринимательство как социальный феномен меняет социальную структуру общества, но не только, оно меняет все общество в целом, разумеется, перемены которые инициирует предпринимательство не так заметны и видны, как нам хотелось бы, поскольку ритмы институциональных перемен неторопливы. Однако если мы обратимся к истории, то еще Г. Спенсер писал в XIX в.: «... если мы рассмотрим <...> каким образом выросли города, каким образом возникла и развивалась промышленность <...> – мы всюду найдем, что все это создано путем частной инициативы...»² и духа свободного предпринимательства, добавим мы. Мы возражаем против такого расширительного толкования культуры предпринимательства, которое экстраполируется на все общество, на весь социум, поскольку это не учитывает динамики развития этого явления и условий среды, в которой это происходит, да и предпринимателем может стать далеко не каждый. Поэтому и культура предпринимательства не может автоматически экстраполироваться на все общество в целом. Культурой предпринимательства может обладать и предприниматель-одиночка, и возглавляемый им коллектив производителей. Кроме этого, говоря о культуре предпринимательства, нельзя оставлять в стороне и вопрос о степени культурности предпринимателей и предпринимательства как одного из важных социальных феноменов жизнедеятельности общества в целом. Конечно, сегодня предпринимательская культура является определенным «узлом» формирующихся демократических институтов. Социальные институты есть особым образом организованные «узлы», «связки» социальных отношений. Это особые ценностно-нормативные комплексы, регулирующие поведение индивидов, они являются устойчивыми

конфигурациями, образующими статусно-ролевую структуру общества. Институциональной структуре социума, на которую «накладывается» предпринимательская культура, отводится большая роль, поскольку именно она призвана обеспечить социальный порядок в обществе, его стабильность и устойчивое развитие.

Любопытную концепцию институциональной деятельности предложил Р. Патнем, который считал, что она основана на исключительно простой модели управления: общественная потребность – политическое взаимодействие – управление – выбор политики – реализация. Управленческие институты получают импульс из внешней социальной среды и выдают результат, соответствующий требованиям этой среды³. Само возникновение института предпринимательства является результатом целенаправленной деятельности людей, обусловленной потребностями обмена товарами и услугами. Существование и развитие предпринимательства связано не только с общественным разделением труда и выделением определенного круга людей, которые осуществляют некую специфическую деятельность и вступают в отношения, приобретающие достаточно стабильный характер и сохраняющиеся на протяжении длительного исторического периода, но и создают для этого соответствующие учреждения или органы⁴.

Учреждения и органы, возникшие в рамках института предпринимательства, могут быть самыми разными. Это зависит от многих факторов, в их числе степень материального обеспечения и зрелости самого института, особенности политического режима, при котором он функционирует, своеобразии исторического, географического и культурного фона, окружающего социального и идеологического пространства.

В понятии «культура» в значительной мере фиксируется отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни и качественное своеобразие исторически конкретными форм этой жизнедеятельности на различных этапах общественного развития. «Задача культуры, – писал М. Горький, – развитие и укрепление в человеке социальной совести, социальной морали, разработка и организация всех способностей, всех талантов личности...»⁵ Заметим, что это написано Горьким в 1917 г., во время буйства «революционной стихии», часто попирающей всякую мораль и этику.

Заметим также, что культура не приобретает биологическим путем. Каждое последующее поколение находится в непрерывном процессе усвоения культуры, что является основой социализации, в результате которой происходит усвоение ценностей, социальных норм и правил поведения человека в обществе. Культура формирует личность человека и регулирует его поведение в человеческом сообществе.

Стало общим местом, когда, говоря о культуре современных бизнес-леди или женщин-

предпринимателей, употребляются практически исключительно понятия совестливости, желания принести пользу социуму, обеспечить свою семью и быть полезным другим. В этом же ряду стоят честолюбие и жажда наживы. Однако личный успех детерминирован и довольно жесткими и своеобразными требованиями.

Отметим всем известный факт: предпринимателем может стать далеко не каждый, для этого требуется определенная совокупность черт характера, среди которых способность идти на известные риски, связанные с ведением бизнеса, необходимость принимать решения далеко не комплиментарного характера для собственной организации и работающих там людей в интересах сохранения и приумножения бизнеса, которые (интересы) могут не совпадать с интересами людей, работающих на предпринимателя или пользующихся товарами или услугами, ими производимыми.

Однако сегодня как бы в стороне остается важный вопрос, а именно вопрос бескультурия, хамства и подобных им явлений, также довольно широко распространенных в среде предпринимателей, в том числе и бизнес-леди.

Следует учитывать и то, что малое предпринимательство в значительной мере держится сегодня, как правило, преимущественно на лицах молодого и среднего возраста, поскольку реальные возможности для реализации предпринимательского потенциала явились в современном российском обществе всего несколько десятков лет назад в связи с крушением социализма.

В условиях современного российского общества предпринимательской культуре принадлежит важное место, она выступает его необходимым условием, поскольку формирование ее служит залогом создания системы рыночных отношений, адекватной современному этапу становления гражданского общества и правового государства, опирающегося на базовые ценности демократического общества, такие как практический гуманизм, наличие различных форм собственности, права и свободы человека и гражданина.

Становление предпринимательской культуры бизнес-леди, ее укоренение в обществе и повышение регулирующей роли в социально-экономической жизни тесно взаимосвязано с «судьбами» и ролью среднего класса. Именно средний класс является основой не только стабильного, устойчивого существования российской экономики в

целом, но и служит повышению благосостояния всего общества.

Предприниматель собственно культурен в той степени, в какой услуги или товары, предоставляемые им, пользуются спросом у потребителей.

Вместе с тем, когда мы говорим о культуре предпринимательства, мы должны отметить меткое замечание К. Маркса, который отмечал, что «капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»⁶. И вместе с тем, признавая справедливость мысли К. Маркса, заметим, что она относится к другому времени, к иным условиям становления предпринимательства и предпринимательской активности.

Однако и сегодня предпринимательство как социальный феномен современного российского общества есть явление, динамично развивающееся и определенным образом структурирующее социум, придающее ему качественную определенность и устойчивость. В этой связи и предпринимательская культура бизнес-леди есть явление развивающееся, тесно соотнесенное с таким феноменом, как этика женского предпринимательства, чему место в следующей статье.

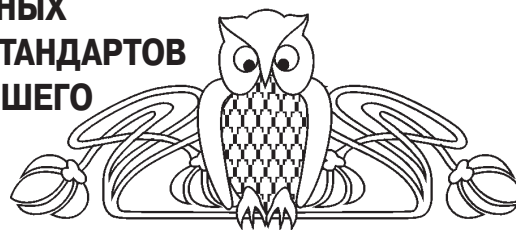
Примечания

- ¹ Орлова Е. В. Современное российское предпринимательство : Экономико-социологический анализ. Саратов, 2002. С. 135.
- ² Философия Г. Спенсера. М., 1908. С. 470.
- ³ См.: Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М., 1996. С. 20–21.
- ⁴ См.: Андреев Ю. П., Коржевская Н. М., Костина Н. Б. Социальные институты : содержание, функции, структура. Свердловск, 1989. С. 52.
- ⁵ Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). М., 1990. С. 52.
- ⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 39 т., изд. 2-е. М., 1955–1974. Т. 23. С. 770.

УДК 316.43

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ г. САРАТОВА

С. В. Ситникова, И. Г. Малинский

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru, mig@info.sgu.ru

В статье представлен анализ процесса модернизации профессионального образования в России, в частности, изучения сути компетентностного подхода, понимания его основными участниками образовательного процесса – студентами и преподавателями вузов, а также выявления особенностей реализации данного подхода в новых образовательных программах. Материал исследования может быть полезен представителям управленческих структур в системе образования, занимающихся разработкой, корректировкой, диагностикой успешности реализации программ реформирования системы образования в России, а также исследователям, занимающимся данной проблематикой.
Ключевые слова: эффективность реализации новых образовательных стандартов, модернизация профессионального образования.

The Effectiveness of Implementation of Federal State Educational Standards in Educational Institutions of Higher Professional Education of the Saratov

S. V. Sitnikova, I. G. Malinsky

The article is devoted to the analysis of modernization of professional education in Russia. In particular, it focuses on studying the essence of competency building approach, how it is understood by the main participants of educational process – higher school students and professors, and also it describes the special features of realization of this approach in new educational programs. The research material can be interesting for the representatives of administration in educational system who work out, correct and diagnose the success of implementation of reforms in Russian education system, and also for the researchers who study this problem.

Key words: effectiveness of the implementation of new educational standards, modernisation of vocational education.

Важным элементом модернизации профессионального образования в Саратовской области является переход образовательных учреждений на Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) третьего поколения. Поскольку подобные масштабные мероприятия в сфере профессионального образования проводятся впервые, вероятность недочетов, ошибок достаточно велика. Кроме этого, важна оценка начального этапа перехода на ФГОС третьего поколения.

В целях анализа эффективности внедрения ФГОС в учреждениях профессионального об-

разования Саратовской области социологической группой Саратовского научного центра Российской академии наук с участием социологических лабораторий вузов¹ города по заказу Департамента профессионального образования Министерства образования и науки РФ в мае-июне 2012 г. был проведен комплексный социологический мониторинг на территории области. К участию в мониторинге были привлечены представители профессорско-преподавательского состава, административные руководители, магистры и бакалавры четырех вузов: Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А., Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова, Саратовского государственного социально-экономического университета (всего 200 преподавателей, 100 магистров, 400 бакалавров, 48 проректоров и зам. деканов данных вузов).

Одним из показателей эффективности реализации новых образовательных стандартов является уровень информированности студентов о происходящих изменениях в системе образования в России. Результаты опроса свидетельствуют о достаточно высоком уровне осведомленности саратовских студентов высших учебных заведений. Так, 87,3% бакалавров и 86% магистров знают о том, что их вуз с 2011 г. перешел на обучение по новым образовательным стандартам (табл. 1).

Таблица 1

Уровень информированности студентов вузов о переходе на обучение по новым образовательным стандартам (Федеральным государственным образовательным стандартам), %

Ответ	Магистры	Бакалавры
Да	86,0	87,3
Нет	14,0	12,7

Самым распространенным источником информации о документах основной образовательной программы (ООП) является руководство факультета, преподаватели. О цели, наборе компетенций, учебном плане, рабочих программах, программах практик 55% бакалавров и 77% магистров узнали именно от руководства и преподавателей факультетов. Следует обратить внимание, что самый высокий уровень интереса выявлен в

отношении к набору компетенций выпускников и учебному плану. Так, 15% бакалавров указали на то, что самостоятельно нашли информацию именно об этих документах. Кроме того, около 90% бакалавров и 97% магистров знают о том, что цель освоения основной образовательной программы – формирование общекультурных и профессиональных компетенций. О цели ООП, рабочих программах и программах практик студенты-бакалавры ознакомились менее всего. Соответственно 24, 21,5 и 35% вообще не знакомы с этими документами. Уровень личного интереса к основной части документов ООП магистров значительно ниже, чем бакалавров. Магистры практически наполовину реже упоминался вариант «нашел сам». Однако и значительно реже магистры указывали на то, что вообще не ознакомились с документом. Таким образом, общий уровень информированности о содержании различных частей ООП среди магистров выше,

чем среди бакалавров, однако уровень самостоятельного интереса выше проявлен среди студентов-бакалавров.

Опрошенным магистрам было предложено сформулировать основные наиболее значимые для них компетенции (табл. 2). Около трети магистров затруднились это сделать, что говорит от некотором несоответствии реального уровня информированности о содержании и сути новых ООП уровню, который магистры демонстрировали в ходе опроса. В число часто упоминаемых компетенций вошли: способность, умение применять полученные знания в практической профессиональной деятельности и специальные компетенции, хорошее знание теоретических и прикладных дисциплин. Наименее значимыми по ответам магистров оказались умение грамотно ставить цели и выполнять задачи в определенной предметной области, а также соответствие уровню образования высокого качества.

Таблица 2

Основные наиболее значимые компетенции для студентов

Компетенции	Число упоминаний, %
Способность, умение применять полученные знания в практической профессиональной деятельности	30
Специальные компетенции, хорошее знание теоретических и прикладных дисциплин	18
Образованность, культурный уровень	10
Хорошие навыки исследовательской работы	8
Характеристика определенных человеческих навыков (коммуникабельность, пунктуальность, обучаемость)	6
Ориентация на дальнейший профессиональный рост, переквалификацию, продолжение обучения	6
Профессиональные навыки, знания, умения	4
Компетенции – это перечень, совокупность качеств, навыков, которыми должен обладать выпускник	3
Умение грамотно ставить цели и выполнять задачи в определенной предметной области	3
Соответствие уровню образования высокого качества	3
Затрудняюсь ответить	28

Дальнейший анализ данных опроса показал, что процент информированности студентов г. Саратова о том, что такое зачетная единица достаточно низок. Так, лишь четверть бакалавров и 34% магистров отметили, что в вузе проводилось специальное пояснение сути зачетной единицы (табл. 3). Вероятно, это связано с тем, что переход

на новые образовательные стандарты в саратовских вузах еще не завершен и требует серьезного анализа динамики данного процесса, его сложностей и особенностей. Данный вывод подтверждает и то, что 33% бакалавров и 50% магистров указали, что объем выполненной учебной работы измеряется и в академических часах, и в зачетных единицах.

Таблица 3

В каких единицах деканатом (учебной частью) измеряется объем выполненной Вами учебной работы по освоению компонентов образовательной программы (дисциплин, модулей, практик и др.)?

Единицы учета объема учебной работы	Бакалавры		Магистры	
	Частота	%	Частота	%
В академических часах и зачётных единицах	132	33,0	50	50,0
В академических часах	113	28,3	25	25,0
В зачётных единицах	54	13,5	13	13,0
Затрудняюсь ответить	101	25,3	12	12,0

Объем и оценка выполненной учебной работы студентов фиксируется в зачетной книжке и в ведомостях учебной части. На это указало большинство опрошенных студентов (табл. 4). Такую форму регистрации, как индивидуальный учебный план, упоминали 12,5% бакалавров

и 18% магистров. Таким образом, учет объема работы студента саратовских вузов достаточно традиционен, что свидетельствует о пока низком уровне использования инновационных технологий в образовательном процессе. Вероятно, это вопрос времени.

Таблица 4

Где фиксируется объем выполненной Вами учебной работы по освоению компонентов образовательной программы (дисциплин, модулей, практик и др.)?

Способ фиксации	Бакалавры		Магистры	
	Частота	%	Частота	%
В зачетной книжке	330	82,5	3,0	93
В ведомостях учебной части	272	68,0	5,0	65
В индивидуальном учебном плане	49	12,3	8,0	18
На личной странице студента в автоматизированном ресурсе вуза/структурного подразделения	7	1,8	0	0

Формирование учебного плана магистров – процесс более персонифицированный, чем для бакалавриата, что, в свою очередь, требует значительного участия самого студента. В ходе опроса магистров была выявлена мера подобного участия. Так, 73% указали на то, что вообще не участвуют в формировании учебного плана, 17% определяют самостоятельно те дисциплины, которые предложены на выбор, и 7% отметили, что в целом формируют учебный план сами. При этом из числа тех, кто все же формирует свой учебный план, 50% делают это абсолютно самостоятельно, 39% – с помощью научного руководителя. Все это свидетельствует о достаточно низком уровне участия магистров в процессе формирования учебного плана. Вероятно, это связано не только с недостаточно отлаженными механизмами подобной работы в вузах, но и низким

уровнем интереса самих студентов к подобному планированию. На наш взгляд, это вполне объяснимо временными характеристиками практики реализации новых ООП в г. Саратове.

Наиболее часто используемыми формами аудиторных занятий в вузах г. Саратова являются беседы и дискуссии (табл. 5). В группу наименее популярных попали лекции одновременно двух лекторов и лекции с заранее запланированными ошибками. Следует отметить, однако, что деловые и ролевые игры, анализ ситуаций профессиональной деятельности, а также кейс-метод в реализации образовательной программы магистров используются чаще, чем в реализации программ бакалавров, что, на наш взгляд, вполне логично и обосновано требованиями новых стандартов в образовании.

Таблица 5

Какие формы аудиторных занятий используются в Вашей образовательной программе? (% от числа ответов)

Формы	Бакалавры	Магистры
Деловая игра	42,0	59,0
Ролевая игра	31,0	38,0
Организационно-деятельностная игра	40,0	35,0
Беседа	94,3	91,0
Дискуссия	93,4	94,0
Мозговой штурм	52,0	53,0
Брифинг	28,0	20,0
Тренинг	45,5	37,0
Анализ ситуаций профессиональной деятельности	59,0	65,0
Кейс-метод	14,8	43,0
Метод проектов	59,0	57,0
Лекция одновременно двух лекторов	9,8	10,0
Лекция с заранее запланированными ошибками	11,0	9,0
Мастер-классы	26,5	23,0

Формы внеаудиторной самостоятельной работы саратовских студентов достаточно разнообразны. При этом наиболее распространенными остаются традиционные, такие как: подготовка рефератов и эссе, выполнение практических заданий и упражнений, подготовка презентаций для докладов (табл. 6). Реже других используются разработка сценариев ролевых и деловых игр и подготовка глоссария.

Объем самостоятельной работы является одной из важных составляющих новых образовательных программ. Результаты нашего исследования показали, что подобный вид работы в ходе учебного процесса реализуется в достаточно большом объеме. Так, около 55% бакалавров указали на то, что на их самостоятельную работу приходится около 50% времени, затрачиваемого на учебу; четверть опрошенных бакалавров отметили, что этот вид работы занимает от 50 до 70% учебного времени. Объем самостоятельной работы магистров значительно выше, что вполне

объяснимо спецификой программ этого образовательного уровня. Половина всех опрошенных магистров отметили, что от 50 до 70% учебной занятости приходится именно на самостоятельную работу. Таким образом, требования к формированию и реализации новых ООП относительно объемов различных видов работ выполняются в полной мере.

Наиболее часто используемыми источниками учебной информации является Интернет в силу его универсальностью с точки зрения разнообразия информации и временных характеристик ее получения (табл. 7). Лекции преподавателей остаются также одним из важных источников учебной информации саратовских студентов.

Несмотря на высокий уровень информированности студентов о различных частях ООП, программы учебных дисциплин используются для подготовки к занятиям лишь половиной опрошенных студентов, как бакалавров, так и магистров.

Таблица 6

Какие формы внеаудиторной самостоятельной работы Вы используете при освоении основной образовательной программы (ООП)? (% от числа ответов)

Формы самостоятельной работы	Бакалавры	Магистры
Подготовка и написание рефератов, докладов, эссе на заданные темы, подготовка к дискуссии	95,5	97,0
Решение ситуационных, проблемных и других задач (кейс-стади)	32,5	50,0
Проведение самоконтроля (компьютерное тестирование и т. д.), самодиагностики	68,0	55,0
Решение задач, примеров, выполнение упражнений практических и аналитических заданий, самотренинг	86,0	76,0
Работа с первоисточниками и периодической печатью, перевод текстов (не для занятий по иностранному языку)	52,0	78,0
Работа с базами данных, изучение официальной, статистической, периодической научной информации, составление аннотированного списка статей по проблеме, подготовка тематических обзоров по периодике	47,3	72,0
Подготовка рецензий на статью, доклад, выступление	63,0	61,0
Подготовка к участию в научно-практических конференциях, смотрах, олимпиадах и др.	51,3	71,0
Оформление мультимедийных презентаций учебных разделов и тем, плакатов и буклетов, наглядных пособий, макетов, слайдового сопровождения докладов с использованием компьютерных технологий	84,3	74,0
Разработка сценариев ролевых (деловых) игр, оформление их результатов	19,5	19,0
Подготовка глоссария, кроссвордов	28,0	21,0
Поиск и анализ видеоматериала по заданной проблематике	36,5	35,0
Участие в комплексных научных исследованиях, выполнение микроисследований	–	46,0

Таблица 7

Какие источники учебной информации Вы чаще всего используете в обучении? (% от числа ответов)

Источники учебной информации	Бакалавры	Магистры
Интернет	94,3	96,0
Лекции преподавателей	81,0	76,0
Учебники и учебные пособия на бумажных носителях	63,0	74,0
Научные монографии и статьи на бумажных носителях	12,5	41,0
Другое	1,3	4,0

Наиболее часто используемыми частями программы при подготовке к занятиям являются контрольные вопросы и задания, рекомендуемая литература и электронные материалы (табл. 8). В связи с этим необходимо, на наш взгляд, преподавателям вузов серьезное внимание уделять формированию именно этих частей программы, поскольку для студентов они выполняют главную вспомогательную роль при подготовке к занятиям. Чуть менее значимыми оказались такие части программы, как: тематический план учебной дисциплины и краткое содержание разделов дисциплины – для бакалавров, рекомендации по самостоятельной работе и тематический план дисциплины – для магистров.

Как показали результаты опроса, балльно-рейтинговая система оценки успеваемости студентов чаще используется при реализации программ бакалавриата. Так, более 60% опрошенных бакалавров указали на это. Среди магистров, знакомых с балльно-рейтинговой системой, – лишь 38%. Однако при том более 50% опрошенных магистров считают, что эта система способствует лучшему усвоению учебного материала по сравнению с традиционной. Почти четверть магистров за-

труднились с оценкой значимости рейтингов, что говорит о несформированности мнения студентов и неоднозначности результатов реализации новых образовательных стандартов. Широта использования балльно-рейтинговой системы в процессе реализации программ бакалавриата и магистратуры также отличается: во всех группах, на всех курсах – отметили около 50% бакалавров и 29% магистров, в части групп – 34% бакалавров и 16% магистров (табл. 9). Таким образом, данная система оценки пока не нашла достаточного широкого применения в саратовских вузах.

Уровень доступности электронной библиотеки вузов саратовских студентов достаточно высок. Около 75% как бакалавров, так и магистров отметили, что электронные библиотеки вуза и его структурных подразделений студентам доступны. При этом около трети студентов не пользуются этим информационным ресурсом. Большинство обращается к электронной библиотеке вуза один-два раза в месяц и реже (табл. 10). Вероятно, это связано с популярностью и универсальностью интернет-ресурса, который в большинстве случаев удовлетворяет информационные потребности современного студента.

Таблица 8

Какими разделами Программ учебных дисциплин Вы пользуетесь? (% от числа ответов)

Разделы программы	Бакалавры	Магистры
Цели и задачи курса	72,9	66,0
Формируемые компетенции и ожидаемые результаты обучения	40,4	43,4
Тематический план учебной дисциплины	76,4	73,6
Краткое содержание разделов учебной дисциплины	77,7	71,7
Контрольные вопросы и задания	92,6	84,9
Рекомендации по самостоятельной работе	64,0	75,5
Рекомендуемая литература и электронные материалы	84,2	88,7

Таблица 9

Как широко, по Вашим сведениям, балльно-рейтинговая система оценки успеваемости студентов используется в Вашем структурном подразделении (факультет/институт)? (%)

Широта использования системы оценки	Бакалавры	Магистры
Во всех группах, на всех курсах	49,8	29,0
В части групп, на некоторых курсах	34,0	16,0
Не знаю	16,2	18,0
Не используется	–	37,0

Таблица 10

Частота использования электронных библиотек СГУ (%)

Частота использования	Бакалавры	Магистры
Реже одного раза в месяц	25,7	21,8
Один-два раза в месяц	21,2	21,8
Примерно один раз в неделю	13,2	17,9
Несколько раз в неделю	10,1	12,8
Не пользуюсь	29,9	25,6

Реализация программ магистратуры предполагает непосредственное участие работодателей в этом процессе. Магистров попросили отметить формы участия работодателей в учебном процессе вуза. Наиболее распространенными формами оказались: руководство практикой, предоставление базы для проведения практик (в организации, на предприятии, в научно-исследовательском институте и т. д.) и преподавание отдельных дисциплин/модулей специалистами-практиками (табл. 11).

Виды научно-исследовательской деятельности магистров также разнообразны. Наиболее распространенными из них являются практика на предприятиях (64% магистров указали этот вид деятельности) и посещение дисциплин, которые преподают специалисты-практики (58%) (табл. 12).

Реализация новых образовательных программ предполагает возможность освоения

студентом части основной образовательной программы в другом вузе. Уровень информированности саратовских студентов-магистров об этой возможности достаточно низок. Практически половина всех опрошенных об этом не знают; 21% респондентов указали на то, что порядок организации образовательного процесса в их структурном подразделении (факультет/институт) предполагает возможность освоения студентом части основной образовательной программы в другом вузе; чуть больше трети указали на отсутствие подобной возможности.

В большинстве случаев (52,4%) опрошенные отмечали отдельные дисциплины, как возможные для освоения студентом части ООП в другом вузе (табл. 13). Около 50% указали такие элементы ООП, как практики и научно-исследовательскую работу.

Таблица 11

Какие формы участия работодателей в учебном процессе Вы наблюдали в Вашем структурном подразделении (факультет/институт)?

Формы участия работодателей в учебном процессе вуза	% упоминаний
Преподавание отдельных дисциплин/модулей специалистами-практиками	51
Чтение отдельных лекций дисциплины/модуля специалистами-практиками	45
Предоставление базы для проведения практик (в организации, на предприятии, в научно-исследовательском институте и т. д.)	56
Руководство практикой	63
Предоставление базы для научно-исследовательской работы обучающихся и руководство этой работой	44
Руководство курсовыми работами	43
Разовые выступления по актуальным профессиональным проблемам	42

Таблица 12

В каких видах учебной деятельности Вам приходилось лично участвовать?

Виды учебной деятельности	% упоминаний
Посещали/посещаете дисциплины/модули, которые преподают специалисты-практики	58
Проходили практику в организации, на предприятии, в научно-исследовательском институте и т. д.	64
Проводили научно-исследовательскую работу в организации, на предприятии, в научно-исследовательском институте и т. д.	38
Выполняете курсовую работу под руководством специалиста-практика	46
Присутствовали на лекции (встрече) специалиста-практика по актуальным профессиональным проблемам	55

Таблица 13

Какие элементы основной образовательной программы студент может освоить в другом вузе?

Элементы ООП	% упоминаний
Отдельные дисциплины	52,4
Практики	42,9
Научно-исследовательская работа	42,9
Модули	19,0
Другое	4,8
Не знаю	9,5

Уровень реализации возможности освоения части образовательных программ в другом вузе в практике саратовских вузов очень низок. Лишь 4 магистра из числа опрошенных указали на то, что участвовали в подобной практике: двое из них – в российских вузах, двое – в зарубежных. Вероятно, организация подобных практик имеет определенные сложности, что в свою очередь требует времени и опыта.

Основными трудностями, с которыми столкнулись студенты, осваивавшие часть образовательных программ в других вузах, являлись психологические, связанные с адаптацией. Упоминались организационные вопросы и проблемы с перезачетом освоенных дисциплин. Более 50% магистров не планируют в будущем осваивать часть программ в других вузах, что, на наш взгляд, связано с низким уровнем распространенности такой практики в России, отсутствием информации об успешности подобных практик и психологическим страхом перед возможными сложностями этого процесса. Из 17% студентов, планирующих посетить другие вузы для освоения части учебных программ, около половины предполагают, что это будет зарубежный вуз, 23,5% – российский и 35% не определились с выбором.

Таким образом, опрос студентов показал, что большая часть инновационных стандартов и образовательных технологий в саратовских вузах реализуется успешно, однако давать оценки эффективности начавшихся процессов в системе образования пока рано. Для этого необходимо системно изучать данные процессы в динамике,

чтобы иметь объективный материал для экспертных заключений.

Реализация новых ООП и на сегодняшний день имеет ряд сложностей. О некоторых из них говорят преподаватели вузов. В ходе нашего исследования было опрошено 200 преподавателей, большинство из которых – кандидаты наук, доценты, имеющие стаж работы от 11 до 20 лет. Практически все респонденты участвуют в реализации учебных программ бакалавриата, 40% – в подготовке специалистов и 33% – магистров. Более 70% опрошенных преподавателей указали на то, что в их структурном подразделении (факультет/институт) была создана специальная группа для разработки основных образовательных программ на основе ФГОС ВПО. При этом 17% вообще об этом не слышали.

Большинство преподавателей (92,5%) вовлечены в процесс разработки программ учебных дисциплин, значительно меньше участвовали в разработке программ практик (46%), учебного плана и календарного графика учебного процесса (43,5%), компетентностной модели выпускника (36,5%) и средств оценки их сформированности (38%) (табл. 14). В разработке цели/миссии ООП участвовали 22% преподавателей. Не противоречат этому данные об уровне информированности о содержании элементов основных образовательных программ. Так, большинство (99,5%) ознакомлены с программами учебных дисциплин, учебным планом и календарным графиком учебного процесса (табл. 15). Чуть более 70% преподавателей знакомы с содержанием компетентностной модели, программами практик, миссией ООП.

Таблица 14

В разработке каких элементов ООП на основе ФГОС ВПО Вы принимали участие?

Элементы ООП	% упоминаний
Программы учебных дисциплин	92,5
Программы практик	46,0
Цель/миссия ООП	22,0
Учебный план и календарный график учебного процесса	43,5
Компетентностная модель выпускника	36,5
Средства оценки сформированности компетенций	38,0

Таблица 15

С какими элементами ООП на основе ФГОС ВПО Вы ознакомлены?

Элементы ООП	% упоминаний
Программы учебных дисциплин	99,5
Программы практик	72,0
Цель/миссия ООП	71,5
Учебный план и календарный график учебного процесса	94,0
Компетентностная модель выпускника	74,0
Матрица соответствия структуры учебного плана компетентностной модели выпускника	49,5
Программа итоговой государственной аттестации	61,0

Одной из самых распространенных форм информационно-методической поддержки преподавателей при разработке программ учебных дисциплин на базе ФГОС ВПО являлись консультации сотрудников учебно-методических подразделений вуза, специальные информационно-консультационные разделы на сайте вуза и методические издания по проблемам реализации ФГОС (табл. 16).

Одним из наиболее важных преимуществ ООП, разработанных на базе ФГОС ВПО, по мнению преподавателей, является возможность

реализации совместных с российскими вузами образовательных программ. В числе значимых отмечены ориентация на потребности рынка труда, возможность формирования гибких образовательных траекторий, а также развитие академической мобильности студентов (табл. 17). Все эти преимущества являются важными составляющими элементами Болонского процесса. Это свидетельствует о понимании значимости процесса принятия Россией мировых образовательных стандартов.

Таблица 16

Формы информационно-методической поддержки при разработке программ учебных дисциплин на базе ФГОС ВПО

Формы поддержки	% упоминаний
Прошли повышение квалификации преподавательского состава, организованное ректоратом на основе комплексного плана	30,5
Получали консультации сотрудников учебно-методических подразделений вуза	83,0
Участвовали в постоянном методическом семинаре, организованном учебно-методической службой вуза (факультета, института)	33,0
Пользовались вузовскими методическими изданиями по проблемам реализации ФГОС	57,0
Пользовались методическими изданиями по проблемам реализации ФГОС приобретенными в других вузах, УМО	45,0
Пользовались специальным информационно-консультационным разделом на сайте вуза	63,0
Пользовались методическими материалами, размещенными на сайтах учебно-методических объединений (советов)	45,5

Таблица 17

Преимущества ООП, разработанных на основе ФГОС ВПО

Преимущества	% от ответов
Ориентация на потребности рынка труда	56,5
Возможность реализации совместных образовательных программ с российскими вузами	61,0
Возможность реализации совместных образовательных программ с зарубежными вузами	47,5
Возможность формирования гибких (индивидуальных) образовательных траекторий	56,0
Развитие академической мобильности студентов	56,0
Развитие академической мобильности преподавателей	47,5

Интерпретация понятия «компетенция» для 15% опрошенных преподавателей оказалась затруднительной. Это свидетельствует о недостаточности информационной базы, источников, а также технологий информирования субъектов образовательного процесса об особенностях и принципах новой образовательной системы в России. Компетенция – это способность и умение применять полученные знания в практической профессиональной деятельности (табл. 18). Данная позиция оказалась наиболее распространенной среди преподавателей саратовских вузов (30,5% упоминаний). Чуть больше четверти всех опрошенных определили компетенцию как приобретение и выработку профессиональных навыков, знаний и умений. Таким образом, понимание компетенции большинством преподавателей пока ограничено полем традиционных представлений в рамках советской образовательной системы. Компетенцию чаще отождествляют с совокупностью знаний, умений и навыков.

Чуть более 50% преподавателей вузов согласились с тем, что новые ООП соответствуют потребностям рынка труда, 15% не поддерживают данную позицию, более трети затруднились с ответом на данный вопрос. Все это еще раз свидетельствует о недостаточности сроков реализации данной системы для однозначности заключений о результатах реформирования российской образовательной системы.

Однако уже сегодня можно сказать, что принцип обучения в соответствии с компетентным подходом многих преподавателей изменился. Наиболее существенные изменения произошли в организации самостоятельной работы студентов, использовании интерактивных форм обучения, общего планирования содержания дисциплин (табл. 19). Наибольшие затруднения связаны с разработкой средств оценки уровня овладения компетенциями, что вполне логично в ситуации несформированности представления о понятии

«компетенции». Вероятно, именно этот важный аспект новой образовательной системы требует особого внимания учебно-методических комиссий в вузах.

Мнения о различиях оценок трудозатрат в академических часах и зачетных единицах также не сложилось. Лишь 19% опрошенных преподавателей понимают, в чем различия этих систем, для 34% – различия непонятны и 47% затруднились с ответом. Это свидетельствует о достаточно низком уровне информированности по данному вопросу. Около половины всех опрошенных также затруднились определить преимущества новой системы зачетных единиц. При этом большинство из числа ответивших на этот вопрос не считают, что у системы зачетных единиц вообще есть какие-либо преимущества по сравнению с системой академических часов. Позиция достаточно четкая и свидетельствует о негативном отношении пре-

подавателей саратовских вузов к новой системе зачетных единиц. Это подтверждает ранее выявленный из опроса студентов низкий уровень реализации данной системы в учебном процессе. Несмотря на это, система зачетных единиц в работе большинства преподавателей трудностей не вызывает, 41% указали на их отсутствие. Процент затруднившихся ответить на данный вопрос также высок – 38,5%. Из числа значимых проблем упомянуты: увеличение бумажной работы, траты времени, сложности соотнесения системы зачетных единиц с реально выполненной работой, необходимость распределять значимость видов работ, формировать курс под часы, затруднение объективизации оценки знаний. Все это свидетельствует о необходимости детального анализа процесса внедрения системы зачетных единиц в российских вузах и учета его особенностей в дальнейшей реализации этой системы.

Таблица 18

В ФГОС ВПО включено понятие «компетенция». Как Вы его понимаете?

Понимание «компетенции»	Частота	%
Способность, умение применять полученные знания в практической профессиональной деятельности	61	30,5
Приобретение и выработка профессиональных навыков, знаний, умений	53	26,5
Перечень, совокупность качеств, навыков, которыми должен обладать выпускник	31	15,5
Умение грамотно ставить цели и выполнять задачи в определенной предметной области	16	8,0
Уровень профессиональной подготовки	11	5,5
Комплекс представлений и знаний о предмете или проблеме	5	2,5
Мотивация на выполнение профессиональной работы, целеустремленность	4	2,0
Способность адекватно принимать решения, аналитические способности	4	2,0
Применение полученных знаний в повседневной жизни	4	2,0
Соответствие умений и навыков студента требованиям рынка труда, запросам конечных потребителей	4	2,0
Образованность, культурный уровень	4	2,0
Квалификация, только более детализированная	3	1,5
Характеристика определенных человеческих навыков (коммуникабельность, пунктуальность, обучаемость)	2	1,0
Формирование целостного представления о получаемой специальности	1	0,5
Определенные права и обязанности выпускников	1	0,5
Форма планирования учебного процесса	1	0,5
Затрудняюсь ответить	31	15,5

Таблица 19

Как изменился Ваш подход к преподаванию в соответствии с компетентностным принципом построения ООП?

Изменения	% от ответов
Планирую содержание дисциплины с позиции компетентностного подхода	75,5
Ясно вижу место моей дисциплины в структуре ООП с точки зрения межпредметных связей	77,0
Уделяю существенно больше внимания организации самостоятельной работы студентов	82,0
Больше использую активные/интерактивные формы обучения	77,5
Разрабатываю средства оценки сформированности компетенций	49,0

Несмотря на разнообразие активных и интерактивных форм обучения, применяемых в учебном процессе в саратовских вузах, наиболее часто используемыми остаются традиционные, такие как дискуссия, беседа, мозговой штурм, анализ ситуаций профессиональной деятель-

ности (табл. 20). Вероятно, длительная практика их применения свидетельствует о высокой эффективности реализации. Лекции одновременно двух преподавателей, а также лекции с заранее запланированными ошибками оказались самыми непопулярными.

Таблица 20

Используете ли Вы в своей преподавательской деятельности активные и интерактивные формы обучения?

Формы обучения	% упоминаний
Деловая игра	54,0
Ролевая игра	43,0
Организационно-деятельностная игра	37,0
Беседа	86,5
Дискуссия	92,5
Мозговой штурм	59,0
Брифинг	15,0
Тренинг	32,5
Анализ ситуаций профессиональной деятельности	59,5
Кейс-метод	32,0
Метод проектов	51,0
Лекция одновременно двух лекторов	6,5
Лекция с заранее запланированными ошибками	18,5
Мастер-классы	33,5

Новые образовательные стандарты предполагают увеличение доли самостоятельной работы студентов. Большая часть опрошенных преподавателей подтвердили, что при составлении новых программ это было учтено в полной мере. Так, 52% отметили увеличение доли самостоятельной работы не менее чем на 20%. При этом более 80% респондентов отметили, что время на самостоятельную работу увеличилось за счет сокращения количества часов аудиторных занятий. Следует отметить также, что в большинстве саратовских вузов администрация активно стимулирует преподавателей к использованию новых образовательных технологий, в которых самостоятельной работе отведена ведущая роль, а также к разработке учебно-методического обеспечения самостоятельной работы студентов и проведению ее системного контроля.

Как было выяснено из опроса студентов, балльно-рейтинговая система оценки успеваемости студентов используется далеко не во всех вузах и его структурных подразделениях. Опрос преподавателей подтвердил этот факт. Только половина респондентов указали на то, что используют данную систему в своей практике. Из числа преподавателей, использующих балльно-рейтинговую систему, чуть более половины согласились с ее более высокой эффективностью по сравнению с традиционной системой оценки знаний. Все это свидетельствует о несформированности позиции

как студентов, так и преподавателей по отношению к новой балльно-рейтинговой системе оценки успеваемости студентов. Вероятно, это вопрос времени и практики применения новой системы.

Более 85% опрошенных преподавателей не выезжали на работу в другие вузы страны или зарубежья, хотя новые стандарты предполагают высокий уровень мобильности как студентов, так и преподавателей. Указывались лишь единичные случаи подобной практики. При этом оценить позицию руководства вуза относительно выезда и работы преподавателей в других высших учебных заведениях большинство опрошенных затруднились, 28% указали на то, что подобная практика поощряется. Таким образом, уровень мобильности как студентов, так и преподавателей саратовских вузов остается достаточно низким.

Оценка преподавателями укомплектованности и доступности библиотечного фонда вуза достаточно низка. Большинство опрошенных лишь частично согласились с тем, что учебной литературы по их дисциплинам в библиотеках достаточно. Кроме того, обеспечение доступа к комплектам библиотечного фонда или электронным базам периодических отечественных и зарубежных изданий реализовано не в полной мере.

Уровень материально-технического обеспечения образовательного процесса достаточно высок: 86% преподавателей отметили наличие отдельного рабочего места, 50% – доступность

персонального компьютера, 87% – свободный доступ к сети Интернет, местам для проведения консультаций и мультимедийной технике.

Таким образом, проведенный анализ результатов опроса показал, что основные принципы новых Федеральных государственных образовательных стандартов в саратовских вузах реализуются достаточно успешно. Однако этот процесс не лишен ряда недоработок. В частности, наибольшие сложности вызывает реализация модульной системы распределения объемов учебных дисциплин и балльно-рейтинговой системы оценки успеваемости студентов. Кроме того, выявлен недостаток информационной базы о новых об-

разовательных стандартах в России. Однако все это, на наш взгляд, обусловлено темпоральными характеристиками процесса внедрения новых образовательных стандартов. Это актуализирует необходимость лонгитюдной диагностики изучаемых процессов, что в среднесрочной перспективе (3–5 лет) позволит получить объективные экспертные заключения.

Примечания

- ¹ От Саратовского государственного университета в сборе и обработке данных принимал участие Центр региональных социологических исследований.

УДК 32.019.51

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: ОСНОВНЫЕ АГЕНТЫ И КАНАЛЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Е. В. Сайганова

Саратовский государственный университет
E-mail: SaiganovaEV@yandex.ru

В статье рассматриваются основные причины и факторы, политической социализации молодежи в избирательном процессе. Автор проводит исследование, анализ электоральной активности молодежи.

Ключевые слова: политическая социализация, избирательный процесс, электоральная активность, электоральная пассивность, электоральное поведение молодежи.

Political Socialization of Youth: the Main Agents and Channels of Formation

E. V. Saiganova

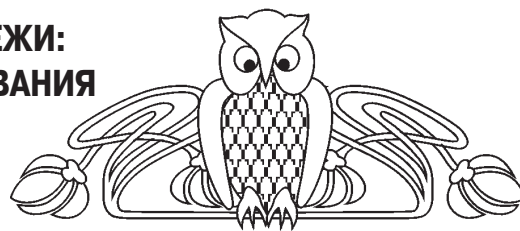
In the article the author considers the main reasons and factors of electoral activity and passiveness of the youth in electoral process. The author draws a research analysis of electoral activity of the youth.

Key words: political socialization, election process, electoral activity, electoral inactivity, electoral behavior of the youth.

В настоящее время ведущими институтами и агентами политической социализации для российской молодежи выступают: система образования, средства массовой информации, органы власти, общественные и политические организации, церковь и семья, а армия, профсоюзы и трудовые коллективы заметно ослабили свою роль в данном процессе.

Из традиционных институтов политической социализации молодежи наиболее действенными продолжают оставаться система образования и семья.

Функцию политической социализации молодежи система образования осуществляет как прямо, так и косвенно. Прямое воздействие характеризуется тем, что система образования дает

молодежи непосредственные знания о политике и той роли, которую она в ней играет, а также более конкретные представления о политической системе, политических институтах и политических отношениях.

Кроме того, образовательные учреждения передают молодежи существующие в обществе политические ценности и установки, а также способны сформировать и укрепить привязанность к политической системе и ее символам (флагу, гербу, гимну). Нередко именно школа прививает детям эмоциональную преданность к «своей» политической системе и формирует начальные патриотические чувства.

Косвенно система образования осуществляет политическую социализацию молодежи через оснащение ее неполитическими знаниями, умениями и навыками. Образование делает человека в целом более информированным, активным и ответственным, а также увеличивает чувство значимости собственного участия в политике. Политологи выявили зависимость уровня образования индивида и его политической активности. Чем выше образование человека, тем он более политически информирован и склонен принимать участие в политической жизни общества¹. Эмпирические данные подтвердили гипотезу о том, что люди с более высоким образовательным уровнем голосуют активнее, чем люди с более низким уровнем образования². По данным опроса ФОМ, политикой интересуются 37% молодежи и почти две трети молодых граждан (62%) не проявляют интереса к этой сфере. Наиболее аполитичная группа – молодежь в возрасте от 18 до 29 лет. Большой интерес к политике проявляют

персонального компьютера, 87% – свободный доступ к сети Интернет, местам для проведения консультаций и мультимедийной технике.

Таким образом, проведенный анализ результатов опроса показал, что основные принципы новых Федеральных государственных образовательных стандартов в саратовских вузах реализуются достаточно успешно. Однако этот процесс не лишен ряда недоработок. В частности, наибольшие сложности вызывает реализация модульной системы распределения объемов учебных дисциплин и балльно-рейтинговой системы оценки успеваемости студентов. Кроме того, выявлен недостаток информационной базы о новых об-

разовательных стандартах в России. Однако все это, на наш взгляд, обусловлено темпоральными характеристиками процесса внедрения новых образовательных стандартов. Это актуализирует необходимость лонгитюдной диагностики изучаемых процессов, что в среднесрочной перспективе (3–5 лет) позволит получить объективные экспертные заключения.

Примечания

- ¹ От Саратовского государственного университета в сборе и обработке данных принимал участие Центр региональных социологических исследований.

УДК 32.019.51

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: ОСНОВНЫЕ АГЕНТЫ И КАНАЛЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Е. В. Сайганова

Саратовский государственный университет
E-mail: SaiganovaEV@yandex.ru

В статье рассматриваются основные причины и факторы, политической социализации молодежи в избирательном процессе. Автор проводит исследование, анализ электоральной активности молодежи.

Ключевые слова: политическая социализация, избирательный процесс, электоральная активность, электоральная пассивность, электоральное поведение молодежи.

Political Socialization of Youth: the Main Agents and Channels of Formation

E. V. Saiganova

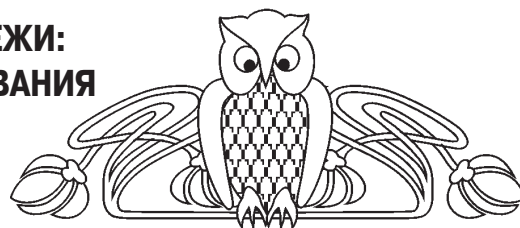
In the article the author considers the main reasons and factors of electoral activity and passiveness of the youth in electoral process. The author draws a research analysis of electoral activity of the youth.

Key words: political socialization, election process, electoral activity, electoral inactivity, electoral behavior of the youth.

В настоящее время ведущими институтами и агентами политической социализации для российской молодежи выступают: система образования, средства массовой информации, органы власти, общественные и политические организации, церковь и семья, а армия, профсоюзы и трудовые коллективы заметно ослабили свою роль в данном процессе.

Из традиционных институтов политической социализации молодежи наиболее действенными продолжают оставаться система образования и семья.

Функцию политической социализации молодежи система образования осуществляет как прямо, так и косвенно. Прямое воздействие характеризуется тем, что система образования дает

молодежи непосредственные знания о политике и той роли, которую она в ней играет, а также более конкретные представления о политической системе, политических институтах и политических отношениях.

Кроме того, образовательные учреждения передают молодежи существующие в обществе политические ценности и установки, а также способны сформировать и укрепить привязанность к политической системе и ее символам (флагу, гербу, гимну). Нередко именно школа прививает детям эмоциональную преданность к «своей» политической системе и формирует начальные патриотические чувства.

Косвенно система образования осуществляет политическую социализацию молодежи через оснащение ее неполитическими знаниями, умениями и навыками. Образование делает человека в целом более информированным, активным и ответственным, а также увеличивает чувство значимости собственного участия в политике. Политологи выявили зависимость уровня образования индивида и его политической активности. Чем выше образование человека, тем он более политически информирован и склонен принимать участие в политической жизни общества¹. Эмпирические данные подтвердили гипотезу о том, что люди с более высоким образовательным уровнем голосуют активнее, чем люди с более низким уровнем образования². По данным опроса ФОМ, политикой интересуются 37% молодежи и почти две трети молодых граждан (62%) не проявляют интереса к этой сфере. Наиболее аполитичная группа – молодежь в возрасте от 18 до 29 лет. Большой интерес к политике проявляют

также молодые люди с высшим образованием, сравнительно состоятельные, они чаще обсуждают политические события со сверстниками. Это значит, что высокоресурсные группы молодежи не только чаще низкоресурсных воспринимают политическую информацию, но транслируют, интерпретируют ее в своем кругу. Между работающей и учащейся молодежью значимых отличий не обнаружено, но и первые, и вторые больше включены в информационное пространство политики, чем те, кто не работает и не учится³.

Таким образом, можно сказать, что интерес молодежи к политике связан с социальным капиталом: более образованные, состоятельные, добившиеся некоторого положения в обществе молодые люди начинают чаще интересоваться политикой, чем те, кто просто борется за выживание, заняв учебной или семей.

Роль системы образования в политической социализации молодежи во многом определяется характером политической системы общества и особенностями политического режима страны. В нашей стране все более отчетливо проявляется тенденция по формированию у молодежи качеств гражданской политико-правовой культуры и патриотизма.

Значимая роль в социализации молодежи, особенно на ранних этапах жизни, продолжает принадлежать семье. Она играет важную роль и в политической социализации подрастающего поколения. Именно в ней человек приобщается к политике, и именно от родителей дети получают первые политические знания и стереотипы поведения. В процессе политической социализации семья воспитывает в ребенке восприимчивость к тому, что он изучает в школе, смотрит по телевидению и с чем сталкивается в повседневной жизни.

Семья оказывает ощутимое воздействие на формирование установок по отношению к власти. Нередко политические предпочтения семьи и ее включенности в политическую жизнь влияют на начальные политические ориентации ребенка. Учеными отмечено, что участие детей в семейном принятии решений способно усилить в них ощущение политической компетенции, обеспечить необходимые для политического взаимодействия навыки и стимулировать активное включение в политическую систему во взрослом возрасте. Аналогичным образом слепое повиновение решениям родителей может выработать у ребенка предрасположенность к выполнению роли политического подданного.

Но несмотря на то что в последнее время происходит усиление роли семьи в процессе политической социализации российской молодежи, многие дети формируют свои политические предпочтения независимо от родителей. Так, на примере электоральной активности видно, что политические установки старшего поколения, направленные на участие в выборах, перестают воспроизводиться или воспроизводятся слабо у

нового поколения⁴. Другая причина осложнения протекания политической социализации в семье связана с нестабильностью института семьи в современной России. Значительная часть молодежи в нашей стране не имеет возможности полноценно специализироваться в семье. Миллионы детей воспитываются в неполных семьях, более 800 тыс. находятся в интернатах и детских домах, от 1 до 2 млн детей – беспризорники.

Особую роль в процессе политической социализации российской молодежи играют средства массовой информации, включающие в себя печатные и электронные СМИ. Их роль в процессе политической социализации в последние десятилетия все возрастает. По данным опросов студентов, ведущим источником получения политической информации для них является телевидение⁵, сила воздействия которого определяется тем, что оно одновременно затрагивает слух и зрение, оказывая мощное эмоциональное воздействие на широкую аудиторию. В процессе политической социализации медийные структуры не только предоставляют молодежи точную и свежую информацию о политике и политиках, но также прямо или косвенно навязывают ей политические ценности и установки. В авторитарных и тоталитарных государствах контролируемые ими средства массовой информации становятся мощным орудием формирования политических убеждений. В современной России СМИ стали важным средством политической социализации молодежи. Однако их влияние на политическую социализацию молодежи значительно меньше, чем на социализацию других возрастных групп. Это связано, во-первых, с тем, что целостная система политического воздействия осуществляется на телевидении на крупных федеральных каналах: Первом, «Россия», НТВ, ТВЦ, а молодежь предпочитает просмотр других, менее политизированных, музыкальных и развлекательных каналов. Во-вторых, современные отечественные СМИ не отражают реального плюрализма политических мнений и часто необъективны в политических оценках, что лишает их доверия у молодежной аудитории и не способствует выполнению роли целостной социализации. Вместе с тем в последнее время наметилась четкая тенденция, когда электронные и печатные СМИ становятся рупором государства в проведении официальной государственной политики и действенным механизмом скрытого управления политическим сознанием и поведением человека. Активно воздействуют СМИ и на процесс формирования общественного мнения и политических предпочтений молодежи.

Важную роль в воздействии на политическое сознание и поведение молодежи в современной России начинают играть политические институты и агенты политической социализации – органы власти (государство), партии и общественные организации, общественные деятели и политическая элита.

Роль государства (органов власти) в процессе политической социализации в последние годы значительно усиливается. И именно оно все больше задает формат процесса политической социализации молодежи, структурируя и направляя различные общественные и политические институты на выполнение этой роли.

Наиболее очевидный пример – реформирование избирательной и партийной систем с целью укрепления данных институтов и усиления их роли в стабилизировавшейся политической системе страны.

Среди непосредственных агентов и институтов политической социализации ведущие позиции занимают политические партии. Такое положение вытекает из статуса и функций политической партии в политической системе общества. За последние пять–семь лет значительно возросло влияние российских партий и общественных организаций на политическую социализацию молодежи.

Последние годы все ведущие российские партии стали формировать действенную, а не номинальную молодежную политику с целью не только привлечь молодежь в качестве пассивного участника политического процесса, но и создать для нее условия политической самореализации и реального вхождения во власть. За последние годы в связи с переходом на пропорциональную и смешенную систему выборов в региональные парламенты число молодых депутатов (до 30 лет) значительно возросло по сравнению с периодом 10-летней давности. Партии для молодежи все больше становятся не только институтами политической социализации, но и каналами карьерного роста и своеобразными социальными лифтами.

На сегодняшний день можно утверждать, что политические партии обладают одними из самых эффективных и универсальных механизмов политической социализации. При этом, высоко оценивая роль политических партий в деле политической социализации, важно отметить, что она с каждым годом заметно растет.

Если деятельность партий непосредственно направлена на формирование политических установок, взглядов и образцов политического поведения, то общественные объединения и организации являются не менее значимыми агентами политической социализации. Например, в политическом воздействии на сознание и поведение молодежи нередко прослеживается большее влияние общественных организаций («Наши», «Местные», «Россия молодая», «Молодая гвардия Единой России»), чем некоторых существующих партий. В наибольшей степени роль современных партий значима при формировании политических предпочтений молодежи и ее электоральных ориентаций.

Немаловажную роль для осуществления политической социализации играют творческая интеллигенция и политическая элита. Именно они распространяют образцы и модели политического поведения, определяют политические настроения,

формируют политические взгляды и ценности. Нередко деятели искусства, культуры и спорта становятся активными участниками политических и избирательных процессов.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что политическая социализация современной российской молодежи начинает проходить как упорядоченный и структурированный процесс, отличаясь как от советского типа политической социализации, так и от либеральной социализации середины 1990-х гг.

Процесс вхождения молодежи в политику в настоящее время проходит в обстановке политического и идеологического плюрализма, что выражается как в разнообразии существующих в обществе позиций и ориентации, так и в их напряженной полемике и соперничестве, в условиях расширения демократии. У российской молодежи появились реальные возможности действенной интеграции в политическую систему общества через политические институты, принимая соответствующие нормы и идентифицируя себя с определенными группами, участвующими в политических процессах и отношениях.

Нынешняя ситуация в стране дает молодежи новые возможности для политической самореализации, раскрытия их потенциала и открывает простор для политического развития и деятельности.

Однако, несмотря на это, процесс политической социализации современной российской молодежи не является бесконфликтным и линейным, содержит в себе сложности и противоречия переходного периода и продолжающейся трансформации политической системы страны.

Таким образом, изучение политической социализации молодежи в современном российском обществе значимо в ракурсе прогнозирования возможностей тех или иных инвариантов общественного развития. Это требует от всех участников процесса политического становления молодежи и последовательной реализации подходов, ориентированных на прямое вовлечение молодых людей в решение общенациональных и локальных задач. Успешная политическая социализация, процесс вовлечения молодых людей в политическую жизнь, освоение ими норм и практик политической сферы являются одними из основных гарантов стабильности политической системы и показателем эффективности ее развития.

В формировании политического сознания молодежи участвуют институциональные и латентные механизмы. Представляя собой организованную систему социальных связей, социальных норм и определенный набор целесообразно ориентированных стандартов поведения в конкретных ситуациях, социальные институты формируют институциональную основу формализованного и неформального взаимодействия различных сфер человеческой деятельности, оказывая непосредственное влияние на сознание молодежи. Оно осуществляется с помощью ценностных систем

и культурных символов, которые являются содержанием общественного сознания. Поэтому функции институциональных механизмов заключаются в формировании ценностей и ценностных ориентаций, позволяющих молодым людям ориентироваться в общественно-политическом пространстве, содействии становлению молодежи как субъекта общественно-политического взаимодействия⁶.

Таким образом, политическое сознание, с одной стороны, формируется вследствие целенаправленного воспитания и обучения, что приводит к формированию знаний, норм, требований, представлений и идеалов, с другой – является результатом социально-политических условий, отражает особенности положения молодежи в этих условиях и реальные политические отношения в обществе, которые часто приобретают спонтанный и противоречивый характер. Это происходит, во-первых, в силу состояния самой общественно-политической системы; из-за размытости политического пространства; действия не столько реальных политических сил, сколько их симулякров, возникающих и распадающихся, на время создающих впечатление политической борьбы и объединяющихся в единые блоки, где основными действующими силами выступают не столько идейные позиции, сколько узко корпоративные интересы, а также формирующих состояние неопределенности; неразвитая структура и неясность политического пространства не позволяют найти определение в политическом сознании молодежи.

Во-вторых, в силу изменения механизмов либерализации и эмансипации, понимаемых как высвобождение молодежи из-под общественно-политического контроля, открывших путь новым формам ее политического участия. Они повлекли изменения в процессе интеграции молодежи в политическую сферу российского общества, выразившиеся в создании множества молодежных организаций, формировании молодежных секций в рамках основных политических партий и др.

Однако исследователи отмечают в целом низкое доверие представителей молодого поколения к действующим властным институтам, политическим партиям и большинству их молодежных лидеров. Оно становится следствием противоречий между молодежью и институтом политики, что связано, как правило, с нерешенностью глубинных социальных проблем молодежи, невозможностью реализации на практике провозглашаемых идей, их декларативно-популистским характером, которые способствуют отчуждению молодежи, снижению ее роли в системе социально-политических отношений. Все это приводит к личностной дезорганизации, росту нигилизма в умах подрастающего поколения. В этих условиях в сознании молодежи укрепляются ориентации. Подобные

тенденции не являются исключительной особенностью российского общества, а отмечаются и в большинстве стран Западной Европы⁷. Во многом названные тенденции – следствие слабого представительства интересов большинства молодежи в политической сфере, отсутствия реальных политических сил, отстаивающих ее интересы.

В-третьих, противоречивость политического сознания молодежи, отсутствие четких политических ориентаций связаны с размытостью социальных позиций молодежи и их отражением в сознании как традиционных оснований политической идентификации. «В условиях неопределенности социальные позиции и сфера сознания слабо структурированы, следовательно, размыты статусы и представления о них, не осмыслены с точки зрения общности и групповые интересы»⁸. Поэтому не складываются и соответствующие солидарности в политической сфере.

В условиях трансформации общества среди особенностей политического сознания молодежи можно выделить лабильность, фрагментацию и мозаичность, низкий уровень доверия политическим институтам, эмоциональную составляющую сознания, отказ от традиционных политических ценностей, индивидуальность.

Современное развитие России немислимо без адекватной системы политической социализации. Это обусловлено многими факторами, и прежде всего тем, что процессы демократических преобразований объективно предполагают активное участие в них широких слоев населения. Практика развитых демократических государств показывает, что именно политическая социализация и, как ее следствие, формирование политической культуры являются основой стабильности общества и динамичного функционирования всех его важнейших сфер.

Примечания

- 1 См.: Конода И. Политическая социализация в современном российском обществе // Власть. 2007. № 4. С. 98.
- 2 См.: Гудана Ю. В. Активность российских избирателей : теоретические модели и практика // Полис. 2009. № 1. С. 112.
- 3 Анализ результатов исследований электоральной активности молодежи по данным разовых и периодических опросов Фонда «Общественное мнение» (ФОМ).
- 4 См.: Гудана Ю. В. Указ. соч. С. 113.
- 5 См.: Щеглов И. А. Политическая социализация в России // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 5. С. 36.
- 6 См.: Сорокин О. В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи // Власть. № 8. 2007. С. 48.
- 7 См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М. : Наука, 2010. С. 25.
- 8 Зубок Ю. Л. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М. : Мысль, 2007. С. 192.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.344.24

КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Н. Н. Огурцова

Саратовский государственный университет
E-mail: ogur-natali@mail.ru

Статья посвящена изучению качества трудовой жизни студенческой молодежи по результатам социологического исследования профессиональных стратегий студентов вузов города Саратова.

Ключевые слова: качество трудовой жизни, молодежь, студенчество.

Students Youth Labour Activity Quality in Regional Context

N. N. Ogurtsova

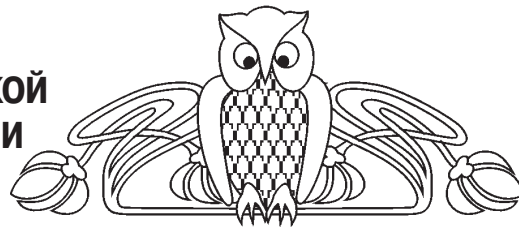
The article is devoted to the study of students youth labour activity Quality. The investigation is based on the results of sociological studies of Saratov students professional strategies.

Key words: labour activity quality, youth, students.

Участие человека в экономической деятельности характеризуется его потребностями и возможностями их удовлетворения, которые обусловлены характеристиками человеческого потенциала: здоровьем, нравственностью, творческими способностями, образованием, профессионализмом. Таким образом, человек в рыночной экономике выступает, с одной стороны, как потребитель экономических благ, производимых организациями, а с другой – как обладатель способностей, знаний и навыков, необходимых организациям, государственным и общественным органам.

Оценка населением своего реального социально-экономического состояния основывается в числе прочего на качестве трудовой жизни, поскольку на работе человек проводит большую часть активного времени. При этом трудовая деятельность выступает источником удовлетворения основных материальных и нематериальных потребностей. Качество трудовой жизни является интегральным понятием, характеризующим уровень жизни и степень благосостояния работников. Оно оценивается как на макроуровне, с учетом отраслевой, возрастной или региональной специфики, так и на микроуровне – применительно к отдельной организации¹ или конкретному человеку.

Следует отметить, что в современной науке еще не сложилось единого подхода к определению сущности, содержания и механизма оценки понятия «качество трудовой жизни»². В социологической литературе можно выделить два основных подхода к определению данного тер-

мина. Качество трудовой жизни в рамках первого подхода понимается как совокупность свойств, характеризующих условия и организацию труда. Согласно второму – это уровень удовлетворения потребностей работника через трудовую деятельность в рамках конкретной организации. Однако данный термин очень сложен в анализе, поскольку он может изучаться при помощи различных индикаторов и показателей, как объективных, так и субъективных.

Концепция качества трудовой жизни основывается на создании условий, обеспечивающих оптимальное использование трудового потенциала человека. В первую очередь, это соблюдение работодателем трудового законодательства, обеспечивающего работнику безопасность деятельности в организации, а также его социальную защиту.

Одной из наиболее уязвимых на рынке труда и подверженных влиянию социума считается такая категория населения, как молодежь, характеризующаяся, прежде всего, стремлением к профессиональному образованию, что продиктовано также вступлением человечества в эпоху информационного общества, где главенствующую роль играют знания и компетенции. Современное общество как сосредоточие политических, культурно-просветительских, информационных и других организаций и институтов создает потенциальные возможности для реализации устремлений и жизненных планов личности, базовой точкой которых можно считать получение высшего образования. Эта характеристика позволяет говорить в дальнейшем о такой многочисленной в современном обществе социальной группе, как студенчество.

Студенчество представляет собой часть молодежи, которая имеет как общие со всей молодежью черты, так и специфические особенности³. Термин «студенчество» обозначает собственно студентов как социально-демографическую группу, характеризующуюся определенной численностью, половозрастной структурой, территориальным распределением и т. д. Их отличает переходное общественное положение, ученические роль и статус. Одновременно это особая фаза социализации (студенческие годы), которую проходит значительная часть молодежи.

С повышением социальной значимости высшего образования роль студенчества в жизни общества возрастает и увеличивается его количество. Студенчество является не только источником пополнения квалифицированных кадров, интел-

лигенции, но и само составляет довольно многочисленную и важную социальную группу. Растущая массовость высшего образования подрывает его былую эгалитарность, делает студенчество более демократическим по социальному происхождению. Определенные сдвиги происходят и в половозрастной структуре – в настоящее время доля девушек в студенчестве выше доли парней.

Несмотря на различия социального происхождения, материальных возможностей, студенчество связано общим видом деятельности и образует в этом смысле определенную социально-профессиональную группу. Общая деятельность в сочетании с территориальным сосредоточением порождает у студенчества известную общность интересов, групповое самосознание, специфическую субкультуру и образ жизни, причем это дополняется и усиливается возрастной однородностью, которой не имеют другие социально-профессиональные группы.

Одной из самых приоритетных проблем для студентов считаются финансовые трудности. Это связано с тем, что главной целью студенчества является обучение, развитие в интеллектуальном плане, причем процесс обучения не означает лишь посещение лекционных и практических занятий, кроме этого в него включено самообразование, которое занимает значительное количество времени студентов. Они сильно зависимы от материального положения своих родителей, которое, как известно, не у всех достаточно высокое. Поэтому студентам зачастую приходится искать работу и зарабатывать деньги самостоятельно, делая это в ущерб своему образованию. При этом и качество трудовой жизни у них находится на достаточно низком уровне⁴.

В 2012 г. в городе Саратове было проведено социологическое исследование, проведенное методом анкетирования, целью которого стало изучение профессиональных стратегий студенческой молодежи (общий объем выборки составил 200 респондентов в соответствии с квотно-стратификационной выборкой по четырем ведущим вузам г. Саратова). В рамках данного исследования было изучено качество трудовой жизни студенческой молодежи. Было выявлено, что на момент проведения анкетирования лишь 19% от общего числа опрошенных трудоустроены, 63% респондентов находились в поиске работы, 18% не работали и желали в ближайшем времени ее искать. В 2007 г. в г. Саратове количество работающих студентов равнялось 34%, что почти в 2 раза больше, чем в настоящее время. По данным социологов, число работающих студентов в период с 1995 по 2006 г. колеблется в пределах 40–45%⁵. По данным Росстата, в июне 2010 г. лица моложе 25 лет составляли 27,8% от всех безработных. В среднем из россиян в возрасте 15–24 не имел работы примерно каждый шестой⁶. Наблюдается постепенный спад вторичной занятости, на что, вероятнее всего, повлиял экономический кризис в стране, что поставило под удар, в первую очередь,

не имеющих стажа и опыта работы студентов.

Трудовую жизнь любого работника определяет ряд объективных и субъективных факторов: содержание труда, характер труда, заработная плата, совокупный и личный доход, соблюдение трудового законодательства, удовлетворенность работой. Именно данные показатели будут анализироваться с позиции определения качества трудовой жизни студенческой молодежи.

В ходе исследования было выявлено, что основная часть вторично занятых студентов являются рабочими (57%), специалистами в различных организациях – одна четвертая часть респондентов, 16% подрабатывали служащими и только 3% уже нашли свой путь на рынке труда и открыли свой бизнес. При этом средняя заработная плата студентов составляет 5001–10000 руб. в месяц.

При этом определено влияние должностного статуса на личный доход респондента. Самую большую заработную плату имеют студенты, работающие специалистами, доход рабочих чуть ниже, зарплата служащих в половине случаев составляет 3001–5000 руб., что позволяет поставить данную категорию на третье место по уровню дохода. Студенты, имеющие свой бизнес, отказались говорить о своей заработной плате.

При анализе качества трудовой жизни необходимо изучить характер труда. Стаж работы является одной из характеристик, отражающих стратегические мотивы поиска и наличия работы. Однако у большинства респондентов стаж менее 3 месяцев (31%), что подчеркивает преобладание тактических мотивов – с целью заработка, и невысокую заинтересованность работодателей в трудоустройстве студентов в своей организации. Четверть всех опрошенных работает от 3 месяцев до полугода, от полугода до года – 21%, более года работают 24% студентов.

Наличие работы, однако, негативно влияет на получение студентом высшего образования, так как он не посещает занятия в университете в связи с занятостью. Этот тезис подтверждают данные о количестве часов в сутки, посвященных работе. Большинство студентов (56%) работают практически в полный рабочий день – от шести до десяти часов, 39% – от одного часа до пяти в день, продолжительность рабочего дня составляет свыше одиннадцати часов у 5% опрошенных.

Наличие у респондента работы по специальности говорит о правильности выбора факультета, на котором он обучается. Работа по специальности помогает ему приобрести практические навыки, которые облегчат понимание теоретических знаний. Однако данные исследования показывают, что большинство студентов (76,3%) реализовали себя совершенно в других областях, никак не относящихся в получаемой ими специальности в вузе, и лишь 23,7% респондентов работают по специальности.

Одним из основных условий, обеспечивающих оптимальное использование трудового потен-

циала человека на рабочем месте, является соблюдение работодателем трудового законодательства, обеспечивающего работнику безопасность труда, а также удовлетворенность своей деятельностью. В ходе исследования было выявлено, что наиболее часто среди всех положений Трудового кодекса работодатель соблюдает следующие: оформляет трудовой договор с записью в трудовой книжке (30%), а также выплачивает полную официальную заработную плату с учетом всех налогов (20%). Такое положение ТК, как отпуск в полном объеме, соблюдается у 15% опрошенных. Оплата больничных листов производится у 11,3% работающих студентов. Работодатель предоставляет услуги по медицинскому страхованию и производит выплату отпускных в полном объеме и в установленный ТК срок 7,5% респондентов. Своевременно выплачивают зарплату 2,5% от общего числа опрошенных. Работают неофициально 2,5% студентов. Таким образом, вторично занятые студенты практически не защищены на рынке труда, работодатель далеко не всегда соблюдает все положения Трудового кодекса в отношении этой социальной группы. Данные показывают, что наибольший уровень социальной защиты на предприятии имеют те студенты, которые зарабатывают от 3001 до 20 000 руб. При этом, чем больше заработная плата, тем выше уровень социальной защиты. У студентов, зарабатывающих в месяц 1000–3000 руб., соблюдается минимум положений Трудового кодекса, такие как предоставление услуг по медицинскому страхованию, полная заработная плата с учетом всех налогов и отпуск в полном объеме.

Способ нахождения работы респондентом также влияет на уровень социальной защиты: большинство студентов нашли работу при помощи родителей, родственников, друзей, знакомых (39,5%), 5,3% опрошенных смогли трудоустроиться через объявление на улице, 2,6% – через газетное объявление, 2,6% студентов смогли зарекомендовать себя на рабочем месте в период прохождения практики, после чего их приняли на постоянную должность. Следует отметить, что среди респондентов, имеющих максимальный доход среди опрошенных (25 000–30 000 руб.), все нашли работу через друзей по личным связям.

По сравнению с исследованием, проведенным московскими учеными в 2000 г., можно заметить, что в настоящее время частично утратили свое значение в нахождении работы для студентов специализированные государственные институты рынка труда. Помощь государственных структур по трудоустройству, молодежных, студенческих бирж труда, кадровых отделов вузов практически не оказывается современному студенту. Но возросла роль средств массовых коммуникаций, Интернета⁷.

Хотя у работающих студентов уровень социальной защиты ниже, чем у других категорий населения, стаж работы недостаточно большой,

они заняты низкооплачиваемым трудом, а продолжительность рабочего дня от 6 до 10 часов в среднем, все же у данной социальной группы достаточно высокая степень удовлетворенности работой. Полностью удовлетворены и скорее удовлетворены, чем не удовлетворены, 26,3 и 34,2% соответственно, что составляет большинство всех опрошенных. Удовлетворены настолько, насколько и не удовлетворены, 26,3% студентов. Частично не довольны занимаемой должностью и условиями труда 2,6% от общего числа респондентов. И совсем не устраивает рабочее место 10,5% студентов.

При анализе степени удовлетворенности важно понять, что они понимают под работой в целом, определить мотивацию занятости. Основным мотивом нахождения работы для студентов является дополнительный заработок, так как именно этот аспект они выделяют главным при трактовке понятия «работа» (57,9%). Работа является возможностью реализации себя как личности и своего творческого потенциала для 18,4% респондентов. Для 15,8% студентов работа – это возможность карьерного роста, для 5,3% – способ повысить свой социальный статус, 2,6% респондентов включают в понятие работы все вышеперечисленное.

При определении зависимости степени удовлетворенности респондента работой от отрасли знания факультета и наличия работы по специальности были получены следующие результаты. Среди гуманитариев, работающих по специальности, все полностью удовлетворены своей работой (100%), а среди тех, кто работает не по специальности, 14,3% не довольны работой, 35,7% скорее довольны, чем не довольны, 21,4% респондентов полностью удовлетворены своей работой.

Среди студентов, обучающихся в сфере естественных наук, нет таких, кто работает по специальности, а среди тех, кто трудоустроился в другой области, большинство частично и полностью удовлетворенных (по 42,9% соответственно). Доля удовлетворенных своей работой немного снизилась среди тех студентов, кто обучается в сфере технических наук. Каждый четвертый студент, работающий по специальности, частично и полностью удовлетворен, 12,5% респондентов не довольны своей работой. Среди студентов технических специальностей, работающих в других сферах, 37,5% скорее удовлетворены, чем не удовлетворены, по 12,5% соответственно тех, кто не доволен совсем и полностью удовлетворен. Таким образом, наиболее удовлетворены своей работой студенты гуманитарных наук, работающие по специальности, и естественных наук, работающие в другой сфере.

По итогам исследования был сформирован социальный портрет работающего студента. В данной группе в равной степени присутствуют представители обоих полов, преимущественно обучающиеся на старших курсах. Доля людей, состоящих в браке, не очень большая, но по срав-

нению с неработающими студентами в данной группе женатых и замужних гораздо больше. Представители этого типа достаточно обеспечены в материальном плане, но самостоятельно осуществить некоторые покупки в виде квартиры, машины пока не в состоянии. В основном живут на самостоятельно заработанные деньги, хотя материальная поддержка родителей им оказывается, но в незначительном объеме. Работу находили по личным связям при помощи друзей и родственников, имеют должности рабочего или специалиста. Их доход колеблется от 3 до 10 000 руб. в месяц. Большая часть студентов работает не по специальности (76%). При этом выявилась следующая закономерность: удовлетворены своей работой все студенты гуманитарных наук, работающие по специальности (100 %) и студенты естественных наук, работающие в других сферах (86 %). Успеваемость работающих студентов высока (учатся на 4 и 5), хотя пропуски занятий имеются. Причем самый большой процент обучающихся на оценку «отлично» именно в этой группе. Среди ценностных ориентаций главенствующими выступают хорошее материальное благополучие, самореализация себя как личности, теплые и заботливые отношения с людьми. Студенты этого типа в большем количестве обучаются в СГТУ (50%).

Результаты нашего исследования подтвердили выводы ранее проведенных⁸ о том, что студенчество не занимает самостоятельного места в системе производства, студенческий статус является заведомо временным, а общественное положение студента и его специфические проблемы определяются характером общественного строя и конкретизируются в зависимости от уровня социально-экономического и культурного развития страны, включая и национальные особенности системы высшего образования. При оценке качества

трудовой жизни студенческой молодежи города Саратова было выявлено, что большая часть студентов в целом удовлетворена своей работой, их устраивают условия, предоставляемые работодателем, заработная плата, должностной статус, хотя уровень социальной защиты недостаточно высок, работодатель выполняет не все положения Трудового кодекса. Однако чем выше заработная плата и уровень дохода, тем выше и уровень социальной защищенности. При этом работают респонденты преимущественно не по специальности. Основной стаж работы у многих студентов составляет не более трех месяцев, что является показателем временного трудоустройства с целью быстрого заработка, а не построения карьеры.

Примечания

- 1 См.: *Салахутдинова Р. Р.* Качество трудовой жизни работников сельского хозяйства // Социс. 2009. № 11. С. 46.
- 2 См.: *Каз М.* Лакуны в структуре экономического знания и неоклассическая рациональность // Вопр. экономики. 2007. № 6. С. 45–63.
- 3 См.: *Иконникова С. Н.* Социология молодежи. Л. : Знание, 1985.
- 4 См.: *Сергеев Р. В.* Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа // Вестн. Адыг. гос. ун-та : сетевое научное издание. 2010. № 2. URL : http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2010.2/948/sergeev2010_2.pdf (дата обращения: 18.09.2013).
- 5 См.: *Ворона М. А.* Мотивы студенческой занятости // Социс. 2008. № 8. С. 107.
- 6 См.: Глобальные тенденции молодежного рынка труда – 2010 : МОТ от 15 августа 2010 г. // Ведомости. 2010. С. 12.
- 7 См.: *Ворона М. А.* Указ. соч. С. 111.
- 8 См.: *Сергеев Р. В.* Указ. соч.

УДК 316. 334.2-053.81(470.44)

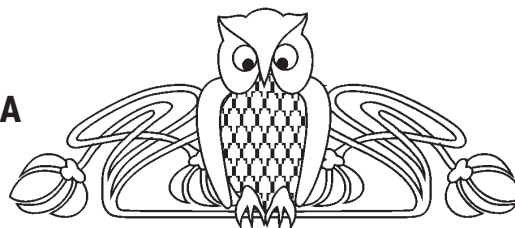
МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА

И. В. Лопаткин

Саратовский государственный университет
E-mail: LopatkinIja@rambler.ru

Статья посвящена современному молодежному рынку труда. Рассматриваются социальные механизмы, адаптирующие молодежь к рыночным условиям, так как современная ситуация в сфере труда и занятости ставит ее в очень сложное положение.

Ключевые слова: молодежный рынок труда, адаптация, занятость.

Mechanisms of Adaptation of Modern Russian Youth in the Labor Market

I. V. Lopatkin

This article is devoted a modern youth labor market. Social mechanisms adapting youth to market conditions as the modern

нению с неработающими студентами в данной группе женатых и замужних гораздо больше. Представители этого типа достаточно обеспечены в материальном плане, но самостоятельно осуществить некоторые покупки в виде квартиры, машины пока не в состоянии. В основном живут на самостоятельно заработанные деньги, хотя материальная поддержка родителей им оказывается, но в незначительном объеме. Работу находили по личным связям при помощи друзей и родственников, имеют должности рабочего или специалиста. Их доход колеблется от 3 до 10 000 руб. в месяц. Большая часть студентов работает не по специальности (76%). При этом выявилась следующая закономерность: удовлетворены своей работой все студенты гуманитарных наук, работающие по специальности (100 %) и студенты естественных наук, работающие в других сферах (86 %). Успеваемость работающих студентов высока (учатся на 4 и 5), хотя пропуски занятий имеются. Причем самый большой процент обучающихся на оценку «отлично» именно в этой группе. Среди ценностных ориентаций главенствующими выступают хорошее материальное благополучие, самореализация себя как личности, теплые и заботливые отношения с людьми. Студенты этого типа в большем количестве обучаются в СГТУ (50%).

Результаты нашего исследования подтвердили выводы ранее проведенных⁸ о том, что студенчество не занимает самостоятельного места в системе производства, студенческий статус является заведомо временным, а общественное положение студента и его специфические проблемы определяются характером общественного строя и конкретизируются в зависимости от уровня социально-экономического и культурного развития страны, включая и национальные особенности системы высшего образования. При оценке качества

трудовой жизни студенческой молодежи города Саратова было выявлено, что большая часть студентов в целом удовлетворена своей работой, их устраивают условия, предоставляемые работодателем, заработная плата, должностной статус, хотя уровень социальной защиты недостаточно высок, работодатель выполняет не все положения Трудового кодекса. Однако чем выше заработная плата и уровень дохода, тем выше и уровень социальной защищенности. При этом работают респонденты преимущественно не по специальности. Основной стаж работы у многих студентов составляет не более трех месяцев, что является показателем временного трудоустройства с целью быстрого заработка, а не построения карьеры.

Примечания

- 1 См.: *Салахутдинова Р. Р.* Качество трудовой жизни работников сельского хозяйства // Социс. 2009. № 11. С. 46.
- 2 См.: *Каз М.* Лакуны в структуре экономического знания и неоклассическая рациональность // Вопр. экономики. 2007. № 6. С. 45–63.
- 3 См.: *Иконникова С. Н.* Социология молодежи. Л. : Знание, 1985.
- 4 См.: *Сергеев Р. В.* Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа // Вестн. Адыг. гос. ун-та : сетевое научное издание. 2010. № 2. URL : http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2010.2/948/sergeev2010_2.pdf (дата обращения: 18.09.2013).
- 5 См.: *Ворона М. А.* Мотивы студенческой занятости // Социс. 2008. № 8. С. 107.
- 6 См.: Глобальные тенденции молодежного рынка труда – 2010 : МОТ от 15 августа 2010 г. // Ведомости. 2010. С. 12.
- 7 См.: *Ворона М. А.* Указ. соч. С. 111.
- 8 См.: *Сергеев Р. В.* Указ. соч.

УДК 316. 334.2-053.81(470.44)

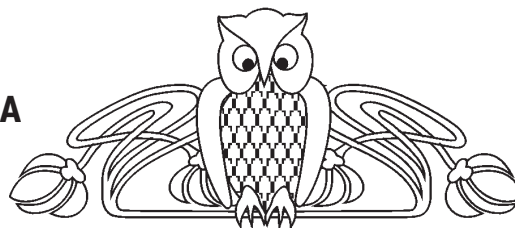
МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА

И. В. Лопаткин

Саратовский государственный университет
E-mail: LopatkinIja@rambler.ru

Статья посвящена современному молодежному рынку труда. Рассматриваются социальные механизмы, адаптирующие молодежь к рыночным условиям, так как современная ситуация в сфере труда и занятости ставит ее в очень сложное положение.

Ключевые слова: молодежный рынок труда, адаптация, занятость.

Mechanisms of Adaptation of Modern Russian Youth in the Labor Market

I. V. Lopatkin

This article is devoted a modern youth labor market. Social mechanisms adapting youth to market conditions as the modern

situation in work and employment sphere puts youth in very difficult situation are considered.

Key words: youth labour market, adaptation, employment.

В условиях современного российского рынка труда люди разных возрастных групп столкнулись с новыми реалиями, и особенно остро это почувствовали молодые люди в возрасте до 29 лет, которые определены законодательством как категория «молодежь». Переход к рыночным отношениям в сфере труда и занятости особенно болезненно сказался на ней, не подготовленной к такой ситуации. Реалиями дня стали такие явления, как резкое сокращение производства, безработица, сбои в системе социальной защиты. Молодежь оказалась в парадоксальной ситуации: возрастная группа, которая, казалась бы, должна больше других выигрывать от перемен, стала их жертвой. Она остро переживает катаклизмы рыночных отношений, дестабилизируется и превращается, по мнению социологов, в неустойчивую массу со сниженными духовно-культурными потребностями. Сегодня фактически каждый второй безработный – это человек в молодом возрасте, преимущественно 20–24 лет, а незанятость молодых людей ведет к негативным последствиям как в сфере экономики, так и в сфере социальной жизни общества¹. Таким образом, проблема занятости молодежи является актуальной и требует особого внимания как со стороны государственной власти, так и со стороны общества в целом.

Сегодня найти работу молодым людям сложно, ведь работодатель требует не только высокую квалификацию, но и опыт работы, которого у молодежи практически нет. Отсутствие у молодежи необходимых навыков практического использования полученных знаний делает ее уязвимой на рынке труда. Возникает проблема так называемого «порочного круга»: предприятия требуют от молодого кандидата на вакантное рабочее место практический опыт, который он может приобрести только в процессе работы. Работодатель, ориентированный на выпуск конкурентоспособной продукции, предъявляет высокие критерии оценки к молодому специалисту, прежде всего в отношении уровня профессиональной подготовки, умения использовать современные информационные технологии, способности адаптироваться к меняющимся условиям и содержанию труда, наличия определенных личностных качеств.

Следует заметить противоречие, характерное для молодежного рынка труда, – увеличивающийся разрыв между притязаниями молодых людей и возможностью их удовлетворения. Происходит снижение социальной ценности производительного труда и изменение трудовой мотивации – приоритет отдается не интенсивному, содержательному труду на производстве, а труду с низкой интенсивностью, направленному, в первую очередь, на получение материальной выгоды любым путем.

Сегодня рынок образовательных услуг не соответствует рынку труда, так как он неоперативно реагирует на качественные изменения спроса на рабочую силу. Учитывая рост числа нетрудоустроенной молодежи, главным сегодня является действие социальных механизмов адаптации, таких как корректировка профилей, введение новых профессий, специальностей в связи с изменениями ситуации на рынке труда, сокращение приема в учебные заведения по невостребованным профессиям и многим другим.

Для дальнейшего рассмотрения вопроса необходимо охарактеризовать основные понятия, такие как «социальная адаптация», «механизм», «социальный механизм».

Социальная адаптация – процесс приспособления, освоения, как правило, активного, личностью либо группой новых для нее социальных условий или социальной среды. В современной социологии социальная адаптация в большинстве случаев понимается как такой социальный процесс, в котором и адаптант (личность, социальная группа), и социальная среда являются адаптивно-адаптирующими системами, то есть активно взаимодействуют, оказывают активное воздействие друг на друга в процессе социальной адаптации².

Сам термин «механизм» означает внутреннее устройство, систему функционирования чего-нибудь, аппарат какого-нибудь вида деятельности.

Обращаясь к рассмотрению понятия «социальный механизм», следует отметить то обстоятельство, что, в отличие от технического устройства, социальное не имеет четко выраженных (очерченных) внешних границ и его рассмотрение в силу этого возможно только при условии его сопоставления с механизмами, действующими в других средах и условиях³.

Для решения одной из основных проблем молодежного рынка труда совершенно необходима деятельность государственной системы профессиональной ориентации среди молодежи, основанной на принципах планирования профессиональной карьеры и непрерывного обучения. При отсутствии необходимой информации многие выпускники школ поступают в учебные заведения, не имея четкого представления о выбранной профессии. Вопрос о престижности и рейтинге образовательных учреждений не всегда связан в сознании молодого человека с перспективой реального трудоустройства по будущей профессии. В итоге слабые профессиональные мотивации становятся причиной незанятости дипломированных специалистов. Часто молодежь неадекватно оценивает собственные профессиональные интересы и возмощности, слабо информирована о состоянии рынка труда, спросе на конкретные профессии и специальности, возможностях профессионального обучения.

Таким образом, молодежный рынок труда в настоящее время характеризуется следующими признаками:

- несформированность профессиональных интересов у молодежи;
- деформация профессиональных намерений молодежи;
- завышенные притязания у части молодых людей;
- отсутствие на большинстве предприятий и организаций программ адаптации молодых специалистов и рабочих;
- ограниченные финансовые возможности молодежи для трудовой мобильности на региональном и межрегиональном рынках труда и для занятости в сфере предпринимательства;
- возрастающие масштабы платности за образование, дисбаланс спроса и предложения, несоответствие уровня квалификации требованиям работодателей.

В целях повышения востребованности молодых специалистов предпринимаются следующие меры:

- формируются новые факультеты и специальности, востребованные в регионе;
- расширяется спектр специальностей на прежних факультетах; создается и развивается сеть своих филиалов;
- ведется подготовка местных кадров и кадров регионального распределения; проводятся ежегодные ярмарки выпускаемых специалистов для потребителей и работодателей;
- поддерживается постоянная связь и развивается сотрудничество со всеми вузами.

Среди перечисленных мер хотелось бы сделать акцент на активно осуществляемом предоставлении государственной услуги по профессиональной ориентации различным категориям населения, где по итогам 2012 г в Саратовской области молодежь составила 17 876 человек (42,0%), в том числе подростки – 7693 человека (18,1%)⁴.

Данная мера реализуется в соответствии с Законом Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032–1 «О занятости населения в Российской Федерации», Положением о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации, долгосрочной областной целевой программой «Содействие занятости населения Саратовской области» на 2012–2014 гг., утвержденной постановлением Правительства Саратовской области от 30 декабря 2011 г. № 788-П, а также в соответствии с административными процедурами, установленными Административным регламентом по организации профессиональной ориентации граждан в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства, профессионального обучения, утвержденным приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ 1 ноября 2007 г. № 680⁵.

При организации профориентационной работы центры занятости населения взаимодействовали с разными заинтересованными

структурами: органами исполнительной власти, образования, социальной защиты, военкоматами, Региональным центром комплексного социального обслуживания детей и молодежи «Молодежь Плюс», центром «Семья», центрами социального обслуживания населения, учреждениями исполнения наказаний, работодателями, учебными заведениями и др.

В рамках реализации мероприятий по содействию занятости населения Саратовской области работа по профессиональной ориентации безработных граждан осуществлялась по следующим направлениям:

- содействие трудоустройству безработных граждан (разработка индивидуального профессионального плана и способов его реализации);
- консультирование безработных граждан в первые 10 дней (период получения статуса безработного), через 3, 6 месяцев, в период нахождения их на учете в службе занятости более года;
- консультирование безработных граждан, особо нуждающихся в социальной защите и испытывающих трудности в поиске подходящей работы, с целью содействия их трудоустройству;
- консультирование безработных граждан перед направлением и в процессе обучения в учебных заведениях дополнительного образования;
- консультирование безработных граждан, планирующих заняться индивидуальной трудовой деятельностью;
- оказание профориентационных услуг учащимся образовательных учреждений, а также гражданам⁶.

Ежегодно в Саратовской области проводится областная межведомственная профориентационная акция для учащейся молодежи «Фестиваль профессий», цель которой – оказание помощи выпускникам школ в профессиональном самоопределении. В 2012 г. в рамках Фестиваля центрами занятости населения было проведено 591 мероприятие, в которых приняли участие 26 345 человек, из них 1311 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, 289 детей-инвалидов, 1225 «трудных» подростков⁷.

Эффективной мерой содействия занятости молодежи так же является организация ярмарок вакансий и учебных рабочих мест. В 2012 г. центрами занятости населения организовано 68 специализированных ярмарок для молодежи и выпускников учебных заведений, в которых приняли участие 5,6 тыс. молодых людей, и 45 ярмарок для подростков (2,6 тыс. чел.)⁸.

Таким образом, необходимо дальнейшее продуктивное движение в направлении реформирования образования, совершенствования механизмов профориентации, а также помощи в трудоустройстве как подросткового сегмента общества, так и выпускников средних специальных и высших учебных заведений. Эффективность описанных методов определяется их комплексностью и взаимным дополнением⁹.

Примечания

- 1 См.: Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Ушакова. М., 1996. Т. 2. С. 204.
- 2 См.: Социология : энциклопедия. М., 2003. С. 968.
- 3 См.: Толковый словарь русского языка. Т. 2. С. 204
- 4 См.: Аникин Л. С. Становление местного самоуправления в Российской Федерации : Опыт социологического исследования. Саратов, 1997. С. 118.

УДК 316.346.32-053.6(316.473)

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЧАСТЬЯ

Н. В. Качур

Саратовский государственный университет
E-mail: natalya.ka4ur@yandex.ru

В статье уточняется эволюция социальных представлений о счастье, проводится сравнительный анализ социологических, философских, этических, психологических, теоретико-методологических подходов к научной интерпретации счастья и предлагается социологическое определение счастья.

Ключевые слова: счастье, социальные науки, социология эмоций, социологическая интерпретация счастья.

The Evolution of the Sociological Interpretation of Happiness

N. V. Kachur

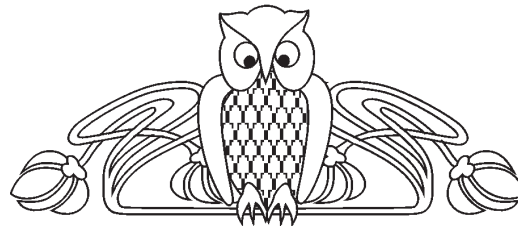
This article clarifies the evolution of social attitudes about happiness, comparative analysis of sociological, philosophical, ethical, psychological theoretical and methodological approaches to scientific interpretation of happiness and offers the sociological definition of happiness.

Key words: happiness, social science, sociology of emotions, sociological interpretation of happiness.

Счастье – это вопрос, издавна волнующий человечество начиная от древнегреческих философов. Однако только в 1973 г. впервые в предметном указателе основных справочных изданий появилась категория «счастье». Траектория развития психологических подходов к счастью сходна с траекторией развития философских воззрений на него¹, в которых отмечается, что счастье ситуативно, переменчиво; границы его размыты². «Это побудительный мотив действий всех людей, включая самоубийц», – заключает Б. Паскаль³.

Своим появлением слово «счастье» обязано хлебу. В древности по случаю рождения ребенка выпекали хлеб или каравай. Его делили на части для всех членов семьи и гостей. Новорожденному также выделяли его часть. С этого момента он жил с «частью» блага, то есть счастьем⁴. Другие исследователи выводят происхождение этого термина от слов «часть», «участь», «участник»,

- 5 См.: Федеральная служба государственной статистики по Саратовской области : [офиц. сайт]. URL : www.srtv.gks.ru (дата обращения: 05.08.2013).
- 6 См.: Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области : [офиц. сайт]. URL : www.mintrud.saratov.gov.ru (дата обращения: 03.08.2013).
- 7 См.: Федеральная служба государственной статистики по Саратовской : [офиц. сайт]. URL : www.srtv.gks.ru (дата обращения: 05.08.2013).
- 8 Там же.

«причастность», «причастие», «удача». «Удача» в русском языке имеет также несколько значений – это успех, желанный случай, неожиданно успешный исход дела, а также внезапное счастье, хотя ранним значением этого слова была покорность, уступчивость судьбе. То есть, слова «удача» и «счастье» с течением времени стали синонимами («удача привалила») и означают нахождение под покровительством неких высших сил. Приставка «с» в слове «счастье» означает соединение с чем-либо, совместное бытие, сопричастие чему-то. Таким образом, получается, что понятие «счастье» в данном контексте можно понимать как соединение с некоей частью, со своей собственной долей, то есть осознание своей судьбы, своего места и назначения. В таком понимании оно имеет также оттенок влияния счастливой судьбы и социальной сопричастности, интегрированности, солидарности со своими близкими. Но есть еще и третий вариант: счастье – благоденствие, благополучие, покой и довольство; жизнь без горя и забот⁵. Таким образом, социальные представления о счастье эволюционировали от знака судьбы в направлении индивидуализма, высокой степени удовлетворенности жизнью, ее благами. Однако противоречивое, личностное, подчас иррациональное восприятие счастья делало невозможным его научное рассмотрение с точки зрения социологии.

В социологической науке понятие «счастье» изначально проявилось в первых работах об эмоциях как научной категории, объясняющей социальные явления. Интерес к эмоциям возник в основном в рамках субъективистской социологии конца XIX – начала XX в. Так, в работе Гюстава Лебона «Толпа» основной акцент делался на патологических проявлениях негативных эмоций, которые имели разрушительные последствия⁶. Счастливые люди не объединяются. При всей ограниченности этого подхода его заслугой яви-

Примечания

- 1 См.: Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Ушакова. М., 1996. Т. 2. С. 204.
- 2 См.: Социология : энциклопедия. М., 2003. С. 968.
- 3 См.: Толковый словарь русского языка. Т. 2. С. 204
- 4 См.: Аникин Л. С. Становление местного самоуправления в Российской Федерации : Опыт социологического исследования. Саратов, 1997. С. 118.

УДК 316.346.32-053.6(316.473)

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЧАСТЬЯ

Н. В. Качур

Саратовский государственный университет
E-mail: natalya.ka4ur@yandex.ru

В статье уточняется эволюция социальных представлений о счастье, проводится сравнительный анализ социологических, философских, этических, психологических, теоретико-методологических подходов к научной интерпретации счастья и предлагается социологическое определение счастья.

Ключевые слова: счастье, социальные науки, социология эмоций, социологическая интерпретация счастья.

The Evolution of the Sociological Interpretation of Happiness

N. V. Kachur

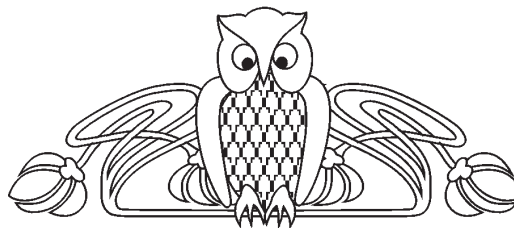
This article clarifies the evolution of social attitudes about happiness, comparative analysis of sociological, philosophical, ethical, psychological theoretical and methodological approaches to scientific interpretation of happiness and offers the sociological definition of happiness.

Key words: happiness, social science, sociology of emotions, sociological interpretation of happiness.

Счастье – это вопрос, издавна волнующий человечество начиная от древнегреческих философов. Однако только в 1973 г. впервые в предметном указателе основных справочных изданий появилась категория «счастье». Траектория развития психологических подходов к счастью сходна с траекторией развития философских воззрений на него¹, в которых отмечается, что счастье ситуативно, переменчиво; границы его размыты². «Это побудительный мотив действий всех людей, включая самоубийц», – заключает Б. Паскаль³.

Своим появлением слово «счастье» обязано хлебу. В древности по случаю рождения ребенка выпекали хлеб или каравай. Его делили на части для всех членов семьи и гостей. Новорожденному также выделяли его часть. С этого момента он жил с «частью» блага, то есть счастьем⁴. Другие исследователи выводят происхождение этого термина от слов «часть», «участь», «участник»,

- 5 См.: Федеральная служба государственной статистики по Саратовской области : [официальный сайт]. URL : www.srtv.gks.ru (дата обращения: 05.08.2013).
- 6 См.: Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области : [официальный сайт]. URL : www.mintrud.saratov.gov.ru (дата обращения: 03.08.2013).
- 7 См.: Федеральная служба государственной статистики по Саратовской : [официальный сайт]. URL : www.srtv.gks.ru (дата обращения: 05.08.2013).
- 8 Там же.

«причастность», «причастие», «удача». «Удача» в русском языке имеет также несколько значений – это успех, желанный случай, неожиданно успешный исход дела, а также внезапное счастье, хотя ранним значением этого слова была покорность, уступчивость судьбе. То есть, слова «удача» и «счастье» с течением времени стали синонимами («удача привалила») и означают нахождение под покровительством неких высших сил. Приставка «с» в слове «счастье» означает соединение с чем-либо, совместное бытие, сопричастие чему-то. Таким образом, получается, что понятие «счастье» в данном контексте можно понимать как соединение с некоей частью, со своей собственной долей, то есть осознание своей судьбы, своего места и назначения. В таком понимании оно имеет также оттенок влияния счастливой судьбы и социальной сопричастности, интегрированности, солидарности со своими близкими. Но есть еще и третий вариант: счастье – благоденствие, благополучие, покой и довольство; жизнь без горя и забот⁵. Таким образом, социальные представления о счастье эволюционировали от знака судьбы в направлении индивидуализма, высокой степени удовлетворенности жизнью, ее благами. Однако противоречивое, личностное, подчас иррациональное восприятие счастья делало невозможным его научное рассмотрение с точки зрения социологии.

В социологической науке понятие «счастье» изначально проявилось в первых работах об эмоциях как научной категории, объясняющей социальные явления. Интерес к эмоциям возник в основном в рамках субъективистской социологии конца XIX – начала XX в. Так, в работе Гюстава Лебона «Толпа» основной акцент делался на патологических проявлениях негативных эмоций, которые имели разрушительные последствия⁶. Счастливые люди не объединяются. При всей ограниченности этого подхода его заслугой яви-

лось то, что авторы открыто поставили вопрос о роли эмоций в социальных процессах и необходимости их социологического изучения. М. Вебер выделял аффективный тип, то есть действие, обусловленное аффектами или эмоциональным состоянием индивида⁷. Использование категории эмоций, в том числе счастья, для объяснения социальных процессов и отношений также встречается в трудах Ф. Гиддингса, У. Мак-Дугалла Ф. Тенниса, П. А. Сорокина⁸. Марксизм, выступив с идеей борьбы за счастье для всего человечества, тем не менее, отрицательно относится к стремлению человека к личному счастью, оторванному от общественных целей, усматривая в этом эгоизм.

Э. Дюркгейм, не обращаясь к анализу счастья личности напрямую, затрагивает эту тему в разных контекстах. Рассуждая об эмоции самоубийц, он рассматривает связь, существующую между социальными условиями жизни и определенными чувствами индивидов и их действиями⁹. Проводя анализ причин возникновения религий, Дюркгейм пытается определить, каким образом социальное конструируется через эмоциональное, посредством концепции солидарности¹⁰. Иными словами, социальное определяется им как причина эмоционально окрашенных переживаний. Дюркгейм рассматривает эмоции в многообразии их проявления, выступающих как конструктивная форма социальной действительности, когда счастье одних людей влияет на счастье других. Существует – в определенных границах – солидарность между счастьем людей. Однако индивидуальное счастье субъективно и не подлежит социологическому изучению.

Г. Зиммель придерживался иной позиции и утверждал, что счастье как эмоция нуждается в серьезном социологическом анализе¹¹. Он различал две возможные перспективы исследования эмоций, в том числе счастья. К первой относятся социальные отношения, продуцирующие специфические (вторичные) эмоции как реакции личности на возникающие разногласия между оценочными структурами и социальными раздражителями или на удовлетворенность ими. Вторую перспективу Г. Зиммель определял понятием «первичные эмоции», под которыми понимал конструктивные формы чувств, разделяющие социальную действительность на важное и неважное для индивида во взаимодействии с другими людьми. Таким образом, по Г. Зиммелю, счастье как переживание, присущее отдельной личности, вплетаясь в ткань социального взаимодействия, переходит в ряд надиндивидуальных, социальных явлений и требует социологического анализа.

Первый анкетный опрос, выделяющий источники счастья, был проведен американским исследователем Дж. Б. Уотсоном в начале XX в.¹² В последующих работах ученые все чаще привлекают счастье как социологическую категорию. В начале 1940-х гг. Э. Л. Торндайк составил перечень социальных и прочих факторов удовлетворенности

жизнью и ощущением счастья. Проблема счастья становится предметом анализа в социокультурной традиции (Д. Мерфи, Н. Уэлш, Сан-Лайт, Д. Чопра, Л. Хей, Бхагаван Шри Раджниш (Ошо), М. Айванхов, Р. Бах, Г. Шипов, В. Казначеев, А. Акимов, В. Тихоплав, Т. Тихоплав). С позиций изучения «качества жизни», субъективного мира личности феномен счастья отражается в теориях А. Маслоу, Г. Олпорта, Э. Эриксона, К. Роджерса, И. Джидарьяна¹³, в концепции «дисциплины эмоций» Н. Элиаса¹⁴.

Структуралистские исследования Н. Лумана доказывают не только универсальность таких базисных эмоций, как радость, удивление, удовлетворение, счастье, но и их культурную вариационность. Одно и то же событие в разных культурах может иметь различные значения и вести к появлению и выражению разнообразных эмоций, в том числе счастья. Каждая культура имеет свои изобразительные правила для его выражения. Общим для всех культур является то, что счастье проявляется невербально и структурируется в языке¹⁵. Развивая идеи интеракционизма, А. Хохшильд утверждает, что эмоции счастья имеют социальное значение и становятся символами, которые широко признаны и используются личностью для управления собой и выражения себя в социальном взаимодействии¹⁶. В концепции габитуса П. Бурдьё эмоциональные эталоны счастья, усвоенные в процессе социализации, входят в структуру габитуса¹⁷.

Новые аспекты в анализе счастья выделяет Р. Коллинз, демонстрируя синтетический подход, в котором объединяются макросоциология (общественный строй, конфликт и стратификации) и микроуровень эмоций, в том числе счастья. По его мнению, эмоции должны быть привнесены в центральные вопросы социологии, так как именно солидарность, стремление к счастью сплачивают общество в единое целое, а энергия мобилизации групповых эмоций детерминирует конфликт. Если мы можем объяснить условия, которые заставляют людей чувствовать эти виды эмоций, мы будем иметь главную часть основы реалистической социологической теории... с учетом динамики¹⁸. Т. Кемпер полагает, что власть и статус составляют сетку социальных отношений, которая лежит в основе всех социальных взаимодействий, предоставляя человеку большее или меньшее количество эмоциональных ресурсов для ощущения счастья или отсутствия такового. Один актер соглашается со статусом другого через действия, признающие его ценность. В награду получает удовлетворение, ощущение счастья¹⁹.

В современном социологическом дискурсе все чаще появляются работы, которые анализируют эмоции не в целом, а рассматривая вклад конкретных их разновидностей (стыда, зависти, гордости и пр.) в развитие социальных отношений²⁰. М. Аргайл, напротив, смещает акцент на анализ факторов счастья. Причем факторы вы-

ступают также и как источники, и как условия, и как области удовлетворенности жизнью, а иногда и как характеристики самого субъекта – совокупность личностных черт жизни индивида, которые поддаются определению, замеру и обнаруживают статистически значимую связь с удовлетворенностью жизнью. Аргайл понимает счастье как состояние переживания удовлетворенности жизнью в целом, общую рефлексивную оценку человеком своего прошлого и настоящего, а также частоту и интенсивность положительных эмоций. Этот взгляд имеет исторические корни в традиции античного эвдемонизма. Он показывает зависимость счастья от социальных связей, основной значимостью которых является социально-сетевая поддержка, которую оказывают индивиду близкие люди, от наличия интересной, разнообразной работы, характера досуга, состояния здоровья, общения, а также статуса, уровня образования и материального благосостояния²¹.

М. Селигман вывел свою формулу счастья²²: счастье = индивидуальный диапазон + внешние обстоятельства + волевой контроль, где, индивидуальный диапазон – генетически предопределенный уровень счастья, который остается относительно стабильным на протяжении жизни и к которому мы возвращаемся вскоре после большинства значительных событий в нашей жизни. Индивидуальный диапазон определяет счастье приблизительно на 50 %, внешние жизненные обстоятельства (семья, дети, религия, повседневная деятельность) – на 10%. Волевой контроль – факторы, поддающиеся волевому контролю, то есть сознательные, намеренные и требующие усилий действия, которые человек может выбрать для себя (определяют счастье на 40%).

В дореволюционной России идеи о счастье представлены в трудах Н. В. Шелгунова, Н. Чернышевского, Л. Толстого, В. Несмелова, П. Флоренского, С. Франка, И. Ильина, Л. И. Петражицкого, Б. Вышеславцева. В XIX – начале XX в. в российской религиозной мысли развернулась интенсивная критика идеи счастья как главного основания и объяснительного принципа жизни человека. В. Соловьев утверждал, что понятие счастья (как и понятия пользы и наслаждения) не имеет нравственной природы. Принцип стремления к счастью бессодержателен: из него выводятся абсолютно противоречащие друг другу учения, счастье эквивалентно остановке всех стремлений и неведению добра и зла. По этой же причине идея счастья не может служить объяснением человеческой жизни, а мысль человека об устройении своем на земле по принципу счастья является ложной. В. Розанов, Н. Бердяев, А. Введенский и другие философы противопоставили принципу стремления к счастью принцип стремления к смыслу как направленности на что-то ценное в мире. Счастье ими рассматривалось как субъективное переживание, но уже не замкнутое в себе, а переживание,

порождаемое открытием и реализацией смысла посредством действий в мире. Иными словами, счастье воспринималось как эмоциональное состояние и именно в этом качестве изучалось психологией, а затем и социологией.

В российской социологии последних десятилетий наибольшее освещение получила эмоция страха²³ асоциального индивидуализма и мистицизма²⁴, противоречия в эмоциональной сфере²⁵ в политике²⁶. Противостояние эмоционального и рационального связано с общими тенденциями общественного развития, которое представляет собой процесс возрастания рациональности, вытесняющей из жизни эмоции и ощущение счастья²⁷. Тем не менее проблемы счастья в той или иной степени затрагиваются в работах, обращенных к социологии личности, эмоций, идентичности²⁸, поскольку социальная идентичность, будучи одной из структурных характеристик общества, эмпирически определяется через чувства принадлежности индивида к какой-либо общности его уникальности, уверенности в себе и степени ощущения себя счастливым.

Разработкой проблемы счастья занимались Р. М. Айдинян, В. Н. Бажин, М. В. Бахтин, М. Б. Беркинблит, А. Д. Гойко, Ю. Джумбаев, Э. Диннер, Е. П. Ильин, О. Е. Кошелева, П. А. Ландесман, О. Д. Лаптенок, Е. А. Мишутина, В. Г. Немировский, А. В. Петровский, В. О. Татаркевич, В. Терехович и др.²⁹ В их работах сосуществуют старые и новые подходы к пониманию счастья сквозь призму смысла жизни, общественного сознания, социальной и индивидуальной субъектности индивида. Так, в исследованиях Л. К. Гришанова, К. Муздыбаева, Ю. П. Петрова счастье связано с одобрением деятельности трудящегося со стороны его товарищей, коллектива, а значит, и общества в целом. Б. Н. Попов, Е. А. Парадиз указывают на внутреннюю взаимосвязь смысла жизни и счастья. В. Г. Немировский полагает, что главным условием обретения человеческого счастья является наличие цели в жизни человека. Чем значительнее для человека достигнутая цель, тем острее ощущение счастья.

Счастье нередко рассматривается как высшее эмоциональное состояние радости, чувство упоения от обретенности предмета, удовлетворенного сильного желания, восторженной (глубокой) удовлетворенности от того, что цель достигнута³⁰. В других случаях понятие счастья увязывается с нравственной жизнью человека³¹, его моральным сознанием, полнотой и осмысленностью жизни, наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своей жизнедеятельности или осознанием совершенного блага³².

Эта многозначность обусловлена тем, как истолковывается назначение и смысл человеческой жизни³³. Но преобладающее в отечественной философии и этике определение счастья как нравственной категории сводит его понимание к моральной удовлетворенности личности. Важ-

ным моментом в представленном понимании счастья является его определение как результата деятельности. Счастье предполагает сознательную творческую или целенаправленную деятельность, поскольку именно такая деятельность дает человеку наиболее глубокое чувство удовлетворения³⁴.

Иными словами, счастье – это эмоция, чувство (довольства, кратковременной радости, удовлетворенности жизнью, ее условиями), интегральное состояние (положительная самооценка жизненного пути). Кроме того счастье является чувственно-эмоциональной формой идеала, но в отличие от нее означает не устремление личности, а исполнения этих устремлений. Понятие счастья не просто характеризует определенное конкретное положение или субъективное состояние человека, но и выражает представление о том, какой должна быть вся жизнь, что именно является для него блаженством. Поэтому данное понятие носит еще и нормативно-ценностный характер³⁵. Таким образом, имеются по крайней мере четыре основных значения счастья: счастливым, является во-первых, тот, кому сопутствует счастливая судьба; во-вторых, тот, кто познал самые сильные радости; в-третьих, тот, кто обладал наивысшими благами или, во всяком случае, положительным балансом жизни; и, в-четвертых, тот, кто доволен жизнью. Эта многозначность является источником путаницы, ибо все понятия, обозначенные одним словом, имеют тенденцию к взаимопроникновению в сознании и образованию одного понятия неопределенного содержания, не соответствующего в точности ни одному из четырех значений³⁶.

Исходя из этого, можно сформулировать социологическое определение счастья как доминирующей направленности группового и индивидуального сознания, которая имеет социальную ценность, нормативный характер и непосредственно проявляется в высокой степени удовлетворенности личности своей деятельностью, условиями и образом жизни как гражданина, представителя того или иного общества, класса, социальной группы, в позитивных эмоциях радости. Такое определение позволяет интегрировать различные трактовки счастья и определить его социальные функции, необходимые условия, факторы.

Примечания

- ¹ См.: Горбунова М. Ю., Фиглин Л. А. Эмоции как объект социологических исследований : библиографический анализ // Социс. 2010. № 6. С. 13–14.
- ² См.: Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека / сост. и пер. с польск. Л. В. Коноваловой ; предисл. и общ. ред. проф. Л. М. Архангельского. М., 1981. URL : www.vusnet.ru/biblio (дата обращения: 25.05.2013).
- ³ Цит. по: Паскаль Б. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., 1890–1907.

- ⁴ См.: Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб., 2002. С. 56.
- ⁵ См.: Брилинг Е. Е., Требина Т. М. Понимание счастья в философии. 2005. URL : http://www.psi.lib.ru/filosof/briling/schaste1.htm (дата обращения: 25.05.2013).
- ⁶ См.: Лебон Г. Толпотворение // Новое время. 1998. № 3. С. 98 ; Он же. Психология толп // Психология толп. М., 1998. С. 222–225.
- ⁷ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- ⁸ См.: Горбунова М. Ю., Фиглин Л. А. Указ. соч. С. 13–22.
- ⁹ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство : Социологический этюд. М., 1994.
- ¹⁰ См.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
- ¹¹ См.: Зиммель Г. Избранное : в 2 т. М., 1996.
- ¹² См.: История социологии в Западной Европе и США : учебник для вузов / отв. ред. Г. В. Осипов. М., 2001. С. 61.
- ¹³ См.: Татаркевич В. Указ. соч.
- ¹⁴ См.: Элиас Н. О процессе цивилизации : в 2 т. М. ; СПб., 2001.
- ¹⁵ См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
- ¹⁶ Подробнее см.: Горбунова М. Ю., Фиглин Л. А. Указ. соч. С. 17.
- ¹⁷ См.: Бурдьё П. Начала. М., 1994.
- ¹⁸ См.: Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 69.
- ¹⁹ Цит. по : Горбунова М. Ю., Фиглин Л. А. Указ. соч. С. 18.
- ²⁰ Подробнее см.: Горбунова М. Ю., Фиглин Л. А. Указ. соч. С. 18 ; Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 3. С. 31–42 ; Шёк Г. Зависть : теория социального поведения. М., 2008.
- ²¹ См.: Аргайл М. Психология счастья. СПб., 2008. С. 15–24.
- ²² См.: Селигман М. В поисках счастья. Как получать удовольствие от жизни каждый день. М., 2010. С. 74–112.
- ²³ См.: Ядов В. А. Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 77–91 ; Шубкин В. Н., Иванова В. А. Страхи, тревоги, способность противостоять им // Россия – трансформирующееся общество / под ред. В. А. Язова. М., 2001. С. 348–358 ; Витковская М. И. Теоретико-методологические проблемы изучения страха в социологии // Вестн. РУДН. 2003. № 4–5. С. 86–91 ; Шубкин В. Н., Иванова В. А. Страхи и тревоги россиян. СПб., 2004 ; Чего опасаются россияне? : информ. анализ. бюлл. / Институт социологии РАН. М., 2008 ; Россия на новом переломе : страхи и тревоги / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М., 2009.
- ²⁴ См.: Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века / под ред. В. Шляпентоха. М., 1999.
- ²⁵ См.: Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2008.
- ²⁶ См.: Урнов М. Ю. Эмоции в политическом поведении. М., 2008.
- ²⁷ См.: Бреслав Г. М. Психология эмоций. М., 2006. С. 93.

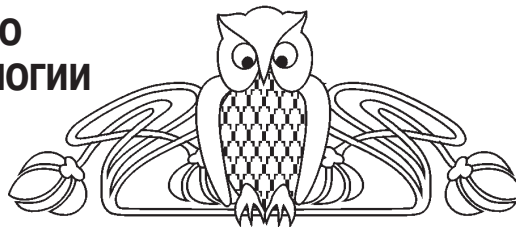
- ²⁸ См.: Симонова О. А. Актуальные тенденции в современной социологии : открытие эмоциональности // Современная социология – современной России : сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. памяти А. О. Крыштановского / науч. ред.: А. Б. Гофман, Г. В. Градосельская, И. Ф. Девятко, Д. Х. Ибрагимов, И. М. Козина, Л. Я. Косалс, В. А. Мансуров, В. Г. Николаев, О. А. Оберемко, Н. Е. Покровский, Ю. Н. Толстова, А. Ю. Чепуренко, Е. Р. Ярская-Смирнова. М., 2012. С. 411–423.
- ²⁹ См.: Айдинян Р. М. Трактат о счастье. СПб., 2008 ; Бахтин М. В. Вечные ориентиры счастья. Полное собрание сочинений. М., 2001–2003. Т. 1 ; Беркинблит М. Б., Петровский А. В. Фантазия и реальность. М., 1996 ; Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании : опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002 ; Джулебаев Ю. Проблема счастья в максимстско-ленинской этике : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ташкент, 1964 ; Диннер Э. Поговорим и счастье. М., 2003 ; Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб., 2002 ; Кошелева О. Е. Ракурсы «счастья» в России XVII–XVIII веков // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2002. Вып. 4. С. 108–118 ; Мишутина Е. А. Философия счастья // Социальная философия. 2009. № 4. С. 23 ; Петровский А. В. Психология и время. СПб., 2007 ; Татаркевич В. О. Указ. соч.
- ³⁰ См.: Понимание счастья. По материалам сайта психологического центра Просвет. URL: <http://www.vprosvet.ru> (дата обращения: 15.06.2013).
- ³¹ См.: Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М., 1998. С. 295 ; Попов Л. А. Этика. Курс лекций. М., 1998. С. 77.
- ³² См.: Терехович В. Формула смысла. Исследование мнений о смысле существования человека. СПб., 2012.
- ³³ См.: Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М., 1975. С. 303.
- ³⁴ См.: Татаркевич В. Указ. соч.
- ³⁵ См.: Словарь по этике. С. 303.
- ³⁶ См.: Татаркевич В. Указ. соч.

УДК 316.485.26

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

И. В. Воронин

Саратовский государственный университет
E-mail: voroninigor@gmail.com

Статья посвящена исследованию основных особенностей изучения современного терроризма в российской социологии. Внимание уделяется краткому обзору дореволюционного, советского и постсоветского периодов изучения терроризма. Особое внимание уделено профилактике и поиску причин терроризма, его взаимосвязи с глобализацией, преступностью, социальной стратификацией.

Ключевые слова: терроризм, государство, глобализация, бедность, насилие, профилактика.

Features of Studying of Modern Terrorism in Domestic Sociology

I. V. Voronin

Article is devoted to research of the main features of studying of modern terrorism in the Russian sociology. The attention is paid to the short review of the pre-revolutionary, Soviet and Post-Soviet periods of studying of terrorism. The special attention is paid to prevention and search of the reasons of terrorism, its interrelation with globalization, crime, social stratification.

Key words: terrorism, state, globalization, poverty, violence, prevention.

Многочисленные исследования, проводимые в настоящее время и направленные на изучение современного терроризма, сходятся в выводах о том, что угроза террористических акций, методов воздействий на общественное сознание, политическую власть как в масштабах Российской Федерации, так и в масштабе глобальном остаётся

крайне острой. Но, несмотря на множество научных исследований, публикаций по данной теме, современный терроризм является недостаточно изученным. Следовательно, создаётся опасность того, что противодействие ему находится на уровне, который не соответствует угрозе.

Причина недостаточной изученности терроризма заключается в его сложности, неоднозначности и политизированности подходов к изучению, отсутствию чётко выработанной единой системы терминов и понятийного аппарата и выработке двойных стандартов в отношении к такому насилию.

Необходимо проанализировать особенности изучения, историю изучения и достижения отечественной социологической науки в этой области с целью дальнейших эффективных исследований. В ходе написания данной статьи были определены основные особенности изучения терроризма.

Первая особенность состоит в единомыслии исследователей по поводу того, что терроризм является особо сложным явлением в целом, в частности – сложно его определение. Присутствует существование политического контекста в определении терроризма официальными представителями власти разных государств и их объединений. Справедливо утверждать, что терроризм проявляет свои отличия в зависимости от исторического и культурного развития того или иного общества¹. Феномен современного терроризма носит ис-

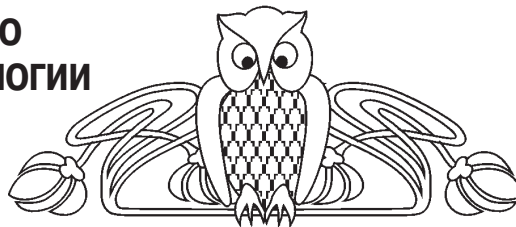
- ²⁸ См.: *Симонова О. А.* Актуальные тенденции в современной социологии : открытие эмоциональности // Современная социология – современной России : сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. памяти А. О. Крыштановского / науч. ред.: А. Б. Гофман, Г. В. Градосельская, И. Ф. Девятко, Д. Х. Ибрагимов, И. М. Козина, Л. Я. Косалс, В. А. Мансуров, В. Г. Николаев, О. А. Оберемко, Н. Е. Покровский, Ю. Н. Толстова, А. Ю. Чепуренко, Е. Р. Ярская-Смирнова. М., 2012. С. 411–423.
- ²⁹ См.: *Айдинян Р. М.* Трактат о счастье. СПб., 2008 ; *Бахтин М. В.* Вечные ориентиры счастья. Полное собрание сочинений. М., 2001–2003. Т. 1 ; *Беркинблит М. Б., Петровский А. В.* Фантазия и реальность. М., 1996 ; *Воркачев С. Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании : опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002 ; *Джулебаев Ю.* Проблема счастья в максимстско-ленинской этике : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ташкент, 1964 ; *Диннер Э.* Поговорим и счастье. М., 2003 ; *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. СПб., 2002 ; *Кошелева О. Е.* Ракурсы «счастья» в России XVII–XVIII веков // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2002. Вып. 4. С. 108–118 ; *Мишутина Е. А.* Философия счастья // Социальная философия. 2009. № 4. С. 23 ; *Петровский А. В.* Психология и время. СПб., 2007 ; *Татаркевич В. О.* Указ. соч.
- ³⁰ См.: Понимание счастья. По материалам сайта психологического центра Просвет. URL: <http://www.vprosvet.ru> (дата обращения: 15.06.2013).
- ³¹ См.: *Гусейнов А. А., Апресян Р. Г.* Этика. М., 1998. С. 295 ; *Попов Л. А.* Этика. Курс лекций. М., 1998. С. 77.
- ³² См.: *Терехович В.* Формула смысла. Исследование мнений о смысле существования человека. СПб., 2012.
- ³³ См.: Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М., 1975. С. 303.
- ³⁴ См.: *Татаркевич В.* Указ. соч.
- ³⁵ См.: Словарь по этике. С. 303.
- ³⁶ См.: *Татаркевич В.* Указ. соч.

УДК 316.485.26

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

И. В. Воронин

Саратовский государственный университет
E-mail: woroninigor@gmail.com

Статья посвящена исследованию основных особенностей изучения современного терроризма в российской социологии. Внимание уделяется краткому обзору дореволюционного, советского и постсоветского периодов изучения терроризма. Особое внимание уделено профилактике и поиску причин терроризма, его взаимосвязи с глобализацией, преступностью, социальной стратификацией.

Ключевые слова: терроризм, государство, глобализация, бедность, насилие, профилактика.

Features of Studying of Modern Terrorism in Domestic Sociology

I. V. Voronin

Article is devoted to research of the main features of studying of modern terrorism in the Russian sociology. The attention is paid to the short review of the pre-revolutionary, Soviet and Post-Soviet periods of studying of terrorism. The special attention is paid to prevention and search of the reasons of terrorism, its interrelation with globalization, crime, social stratification.

Key words: terrorism, state, globalization, poverty, violence, prevention.

Многочисленные исследования, проводимые в настоящее время и направленные на изучение современного терроризма, сходятся в выводах о том, что угроза террористических акций, методов воздействий на общественное сознание, политическую власть как в масштабах Российской Федерации, так и в масштабе глобальном остаётся

крайне острой. Но, несмотря на множество научных исследований, публикаций по данной теме, современный терроризм является недостаточно изученным. Следовательно, создаётся опасность того, что противодействие ему находится на уровне, который не соответствует угрозе.

Причина недостаточной изученности терроризма заключается в его сложности, неоднозначности и политизированности подходов к изучению, отсутствию чётко выработанной единой системы терминов и понятийного аппарата и выработке двойных стандартов в отношении к такому насилию.

Необходимо проанализировать особенности изучения, историю изучения и достижения отечественной социологической науки в этой области с целью дальнейших эффективных исследований. В ходе написания данной статьи были определены основные особенности изучения терроризма.

Первая особенность состоит в единомыслии исследователей по поводу того, что терроризм является особо сложным явлением в целом, в частности – сложно его определение. Присутствует существование политического контекста в определении терроризма официальными представителями власти разных государств и их объединений. Справедливо утверждать, что терроризм проявляет свои отличия в зависимости от исторического и культурного развития того или иного общества¹. Феномен современного терроризма носит ис-

ключительный характер, в то же время он многообразен, меняется в зависимости от множества условий. Изучение обусловленности современного терроризма, его развития, усложнения в ходе исторического процесса затруднено ещё и тем, что причины терроризма могут скрываться преступниками, не желающими выявлять планы и методы террористической деятельности. К тому же открытый доступ к этой проблематике может негативно сказаться на деятельности борьбы с терроризмом различных масштабов². На данный момент ни научное, ни международное сообщества не могут сойтись в едином, исчерпывающем определении терроризма, что затрудняет исследовательскую, законодательскую, исполнительную и иные виды деятельности в сфере противодействия терроризму. Дело осложнено тем, что отдельные государства, сгруппированные по политическому и пространственному признаку, намеренно препятствуют выработке чёткого понимания и единого определения терроризма. Основная цель – оставить возможность для практики двойных стандартов в отношении терроризма. Это препятствие характерно, например, для США³. В период событий 11 сентября 2001 г. лучшего результата в определении терроризма добились чилийские авторы (передав 15 ноября 2001 г. в комиссию по подготовке межамериканской конвенции по борьбе с терроризмом собственный проект конвенции) и авторы стран ШОС (в принятой ими 15 июня 2001 г. конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом), выработав схожие определения, несмотря на то что работа велась раздельно⁴.

Вторая особенность следует из первой и состоит в признании учёными политики двойных стандартов в отношении террористического насилия. То есть, исходя из политических интересов, разные государства имеют противоречивое, неустойчивое отношение к разным проявлениям террористической активности, отдельным терактам и организациям, их осуществляющим. Это значит, что правительственные органы и иные политические субъекты государств в одних случаях определяют террористическую активность как преступную и угрожающую обществу, а в других случаях она признаётся оправданной, осуществляющие её имеют право на подобные действия (в этом случае её называют национально-освободительной борьбой, сопротивлением). Стала часто употребляемой фраза «One man's terrorist is another man's freedom fighter» («Террорист для одних – борец за свободу для других»).

Третья особенность связана со второй, логически следует за ней и состоит в признании существования государственного терроризма и терроризма с государственной поддержкой, а также использования их как инструментов политического влияния и управления странами противного идеологического блока или полюса. Проанализировав различные исследования и под-

ходы к описываемому феномену, мы можем заключить, что государственный терроризм является, по сути, проявлением издержек репрессивного аппарата государства, его средств принуждения, легитимного насилия с одной важной особенностью – государственный аппарат преступает черту соблюдения законности, прав и свобод граждан, то есть злоупотребляет возможностью совершать насилие в отношении гражданских лиц, исходя также из политических соображений руководящей власти. Совершение терактов спецслужбами также является государственным терроризмом. Отличен от него терроризм с государственной поддержкой, который представляет собой всевозможную помощь правительств в совершении терактов террористическими организациями (как правило, против жителей на территории других государств), контроль над ними. Главным деятелем государственного терроризма отечественными исследователями признаются США. Также основными государственными акторами признаны Израиль и Великобритания. Далее отметим Афганистан, Ирак, Иран, Сирию, Пакистан, Ливию, Кубу, Судан, Северную Корею, Францию.

В-четвёртых, исследование современного терроризма в социологической науке прямо или косвенно связано с изучением спектра проблем глобализации в современном мире, а также множества факторов, связанных с ней: социально-экономических, культурных, этнокультурных, политических. Рост влияния глобальных компаний, транснациональных корпораций в международном пространстве, форсированная концентрация управленческих сил и возможных решений, методов воздействия на современную экономико-политическую обстановку в их «руках», а также создание однополюсного мира не может не сказаться на трансформации и росте политической агрессии. Дальнейшее развитие глобализационных процессов влечёт за собой рост угрозы современного терроризма. Такие негативные последствия современных политико-экономических процессов, как бедность, голод, нищета, безработица, отсутствие жизненных перспектив, наряду с ними неуклонно растущий разрыв между бедностью и богатством, несовершенство системы образования и подготовки кадров, отсутствие доступного жилья, ущемление национальных и религиозных чувств, ослабление семейных и социальных связей, недостатки воспитания, негативные последствия миграции, разрушение культурной самобытности, нехватка объектов культурно-бытового значения, а также распространение СМИ идей и взглядов, ведущих к росту насилия, неравенства и нетерпимости, обуславливают террористическую активность там, где эти негативные факторы наиболее выражены. В силу причин развития этих тенденций и их последствий оснований для оптимистических настроений в вопросах борьбы с международным терроризмом пока нет⁵.

В-пятых, современный терроризм имеет международный характер. Таким образом, он имеет сложную организацию, сетевую структуру без единого центра управления, а главным выражением его международного характера является признание разными государствами, в том числе вышеперечисленными, идеологии террористических действий как пути установления социальной справедливости в мире. Вторым основным свойством международного терроризма является пересечение национальных границ одного государства при проявлении террористических действий. Терроризм становится международным, пишет Лидия Моджорян, когда:

1) как террорист, так и жертвы терроризма, являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами этих государств;

2) террористический акт направлен против лиц, пользующихся международной защитой;

3) подготовка к террористическому акту ведется в одном государстве, а осуществляется в другом;

4) совершив террористический акт в одном государстве, террорист укрывается в другом и встает вопрос о его выдаче⁶;

В-шестых, в сложившихся условиях современного системного кризиса (кризиса идеологии и государственно-правовой системы⁷ в первую очередь) на международном пространстве появление, действие и протекающее изменение терроризма закономерно.

Не отрицая существования целого комплекса причин возникновения терроризма, автор исследования, в свою очередь, считает социально-экономическую предпосылку основной. Авторы коллективной монографии «Основы социологии терроризма» привели следующую социально-экономическую статистику: 10% богатых людей богаче 10% бедных в 60–79 раз. В подобных условиях «слабое» большинство не находит другого выхода, кроме незаконного устранения «сильного» меньшинства насильственными методами, когда исчерпаны все возможные легальные попытки обратить внимание на собственные проблемы, в том числе ведением политического диалога⁸.

В-седьмых, современный терроризм претерпел сращивание с международной организованной и вообще уголовной преступностью во всём мире. Терроризм имеет разветвлённые связи со следующими проявлениями⁹:

1) экономические преступления в сфере налогообложения и финансовых операций;

2) преступления в сфере компьютерной информации (кибертерроризм, хакерство);

3) незаконный оборот наркотиков;

4) незаконная торговля оружием;

5) торговля людьми и работоторговля;

6) коррупция и сращивание официальных властных структур (в том числе и правоохрани-

тельных органов) с преступными группировками. Их связь с легальным бизнесом.

В-восьмых, отмечен небывалый масштаб угрозы ввиду обладания террористами химическим, биологическим и ядерным оружием (ОМП), высокого количества жертв терроризма и особой жестокости его актов. Сложная внутренняя структура крупных террористических организаций, практически не поддающаяся полной её ликвидации, с могущественной технической оснащённостью, вооружением (иногда сравнимыми с оснащением спецслужб), в том числе новейшими информационными технологиями, частота проявления терактов и огромный, небывалый в истории ущерб для разных объектов, инфраструктуры для цивилизованного сообщества, его сознания делает современный терроризм важнейшей проблемой для современного общества.

В-девятых, и, пожалуй, самая продуктивная особенность из всех перечисленных – это приоритет профилактических мер в противодействии терроризму. На сегодняшний день успешность противодействия терроризму зависит в первую очередь и в огромной мере от предупреждения и пресечения незаконных намерений террористов. То есть приоритетным направлением является ликвидация различных условий возникновения и существования терроризма, в первую очередь политических и социально-экономических, посредством определенных мероприятий. Основные мероприятия в политической сфере: нормализация общественно-политической ситуации, разрешение социальных конфликтов, снижение уровня социально-политической напряженности, осуществление международного сотрудничества в области противодействия терроризму. В социально-экономической сфере необходимо оздоровление экономики регионов Российской Федерации и выравнивание уровня их развития, сокращение масштабов маргинализации общества, его социального и имущественного расслоения и дифференциации, обеспечение социальной защиты населения¹⁰. Затем идёт профилактика терактов, которые могут быть осуществлены отдельными лицами, их группами и организациями. В последнюю очередь идёт выявление совершённых терактов с последующими действиями правоохранительных органов. То есть, как правило, приоритет отдается (хотя бы номинально) ликвидации условий, корней, по причине которых возникает и существует терроризм. Борьба со следствиями терактов, по сути, не приносит желаемого эффекта по искоренению этого явления. Она подобна собаке, пытающейся поймать собственный хвост в непрерывной погоне за ним.

Практически все исследователи и общественно-политические деятели, сколько-нибудь серьёзно подошедшие к рассмотрению этого вопроса, сходятся во мнении, что разрешение проблемы современного международного терроризма

возможно исключительно во взаимодействии и консолидации усилий всего гражданского общества: правительств, правоохранительных органов и спецслужб, неправительственных организаций и прочих объединений, а также самих граждан. Стоит особо отметить, что мы имеем множество свидетельств того, что террористические действия и ответные меры имеют часто негативные следствия для обеих сторон. Для самих террористов – ужесточение контроля, сокращение гражданских свобод¹¹. Для антитеррористических структур – ответное насилие. «Эта схема – своего рода “порочный круг”, из которого практически невозможно вырваться, поскольку в ней действует известный “принцип домино”, когда падение одной пластины неотвратимо влечет за собой падение следующей и т. д. Действие рождает заранее запрограммированное противодействие, насилие порождает насилие, на удар следует ответ ударом. Причем “принцип домино” подсказывает и другое: формы противодействия, в целом, соответствуют формам действия»¹².

Важно отметить тот факт, что множество исследователей небезосновательно отмечают в качестве причин возникновения терроризма бедность, нищету, отсутствие благоприятных социально-экономических условий и возможных перспектив. Однако в отдельных исследованиях существует гипотеза, что прямой связи террористической активности как с бедностью, так и с богатством нет, ведь есть множество примеров, когда террористы были выходцами и из бедных слоёв, из низов общества, и из обеспеченных семей¹³.

Научная мысль в досоветский период изучала терроризм в рамках, отличных от предметной области современной отечественной социологии, исследуя революционное движение в России. До 60-х гг. XX вв. предметная область изучения терроризма в Советском Союзе также отличалась от той, с которой мы имеем дело в настоящее время. Во второй половине XX в. исследования терроризма часто были направлены на выявление террористической политики США и Израиля, а также других капиталистических государств. В этот период издаётся большое количество публикаций по данной теме. Значительное количество плодотворных работ по исследованию терроризма появляются после распада СССР, когда степень актуальности тер-

рористической угрозы в постсоветском обществе резко подскочила вверх.

Как видно, современный терроризм имеет прочные связи с преступностью, чаще организованной и уголовной, является одним из опасных следствий современных глобализационных процессов. Несмотря на множество научных исследований, терроризм представляется недостаточно изученным явлением, в точном определении которого не могут сойтись ни научное, ни политическое сообщество.

Примечания

- ¹ См.: *Кара-Мурза С. Г.* Второе предупреждение. Неполадки в русском доме. URL: <http://www.kara-murza.ru/referat/politology/Nepoladki050.html> (дата обращения: 27.02.2011).
- ² См.: Web-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/barishnikov/terror.html> (дата обращения: 27.02.2011).
- ³ См.: Трансграничный терроризм : угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества (латиноамериканский вектор). М. : Наука, 2006. С. 16.
- ⁴ Там же. С. 17, 18.
- ⁵ См.: *Дробот Г. А.* Международный терроризм как объект изучения // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 80.
- ⁶ См.: *Моджорян Л. А.* Терроризм : правда и вымысел. 2-е изд. М. : Юрид. лит., 1986. С. 14.
- ⁷ См.: Основы социологии терроризма / под ред. В. Н. Кузнецова. М., 2008. С. 85.
- ⁸ Там же. С. 165.
- ⁹ См.: *Кортунов С. В.* Мировая политика в условиях кризиса. URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/mejdunarodnyiy-terrorizm-organizovannaya.html> (дата обращения: 17.08.2013).
- ¹⁰ См.: Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Рос. газ. Федер. вып. № 5032. 2009. 20 окт.
- ¹¹ См.: *Ковалёв Э. В., Малышев В. В.* Террор : вдохновители и исполнители. Очерки о подрывной деятельности ЦРУ в Западной Европе. М. : Политиздат, 1984. С. 8.
- ¹² См.: *Ольшанский Д. В.* Психология терроризма. СПб. : Питер, 2002. С. 203.
- ¹³ См.: Сибирский юридический вестник. 2002. № 2. URL : <http://www.twirpx.com/file/388964> (дата обращения: 27.02.2011).

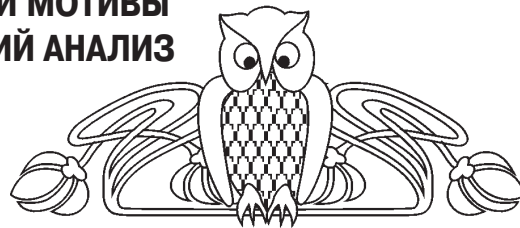

УДК 316

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТУДЕНТОВ И МОТИВЫ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ф. Р. Сафиуллина

Центр перспективных экономических исследований
Академии наук Республики Татарстан
E-mail: far491@mail.ru

В статье представлен анализ социологического исследования вовлеченности студентов г. Казани в трудовую занятость, а также рассмотрены мотивы осуществления трудовой деятельности исходя из материального положения семьи.

Ключевые слова: материальное положение, мотивы занятости, студент, трудовая занятость.

Financial Position of the Students and the Motives of Employment: Sociological Analysis

F. R. Safiullina

The paper presents an analysis of the sociological study of involvement of students in the city of Kazan employment situation and discusses the motives of the work based on the financial situation of the family.

Key words: financial situation, reasons of employment, student, employment.

Студенческая трудовая занятость была и остается актуальной социально-экономической проблемой, довольно широко рассматриваемой социологами и экономистами в различных ее аспектах. Анализ научного дискурса по проблеме показывает, что исследователи едины в одном – мотивационную основу трудовой занятости студенческой молодежи составляет материальная неудовлетворенность, вынуждающая студентов в период обучения в вузе искать дополнительные источники дохода.

Особенностью современной России является рост количества студентов, совмещающих учебу и работу. Этому способствуют такие факторы, как низкий уровень стипендий, не позволяющий обеспечить даже потребительский минимум, сокращение бюджетных мест и отсутствие ощутимой социальной поддержки со стороны государства. Интересным является и то, что вне зависимости от материального достатка семьи большинство студентов стремятся вступить в трудовые отношения еще во время обучения в вузе. Безусловно, мотивационная система студентов различных социальных групп сильно отличается – от физического выживания и необходимости оплачивать обучение в вузе до желания приобрести опыт и навыки практической работы.

Опрос, проведенный в вузах г. Казани, позволил выяснить мотивы трудовой занятости студентов. Анкетирование проводилось в марте – сентябре 2012 г., объем выборочной совокупности

составил 1000 человек (40,8 % из них – юноши и 59,2 % – девушки). В выборку вошли пять государственных вузов: Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казанский государственный медицинский университет (КГМУ), Казанский государственный архитектурно-строительный университет (КГАСУ), Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казанский государственный технологический университет – КНИТУ (КХТИ)), Казанский государственный энергетический университет (КГЭУ), а также два негосударственных вуза: Институт социальных и гуманитарных знаний (ИСГЗ) и Институт экономики, управления и права (ИЭУП). Материальное положение своей семьи студенты оценили следующим образом: 44,2% из них относятся к группе «ограниченные в средствах», денег хватает только на приобретение необходимых продуктов и одежды, покупка товаров длительного пользования вызывает затруднения; 40,4% – «обеспеченные», у них покупка товаров длительного пользования (телевизор, холодильник) не вызывает затруднений, но на дачу, машину и прочее приходится копить; 6,8% – «богатые», они могут себе позволить купить товары длительного пользования, такие как машина, дача; 5,9% – «малоимущие» студенты, у них денег хватает только на приобретение продуктов питания; для 2,7% участников опроса проблематичным является покупка самых необходимых вещей – у них не хватает денег даже на продукты питания, они относятся к группе «бедные» (рис. 1).

В трудовую занятость вовлечены студенты с различным уровнем достатка. Так, в группе «малоимущих» и «бедных» заняты более трети опрошенных (38,6 и 34,6 % соответственно). Примерно одинаковое число студентов, относящихся к «ограниченным в средствах» (26,4 %), «богатым» (24,2 %) и «обеспеченным» (21,2 %), заняты в тех или иных сферах экономической деятельности. Это свидетельствует о том, что материальное положение семьи не оказывает влияния на трудовую занятость, так как студенты с разным уровнем достатка практически в равной доле вовлечены в разные виды трудовой деятельности. Однако среди неработающих студентов есть и те, кто нуждается в работе. Так, большая часть студентов из «бедных» семей (65,4%), ис-

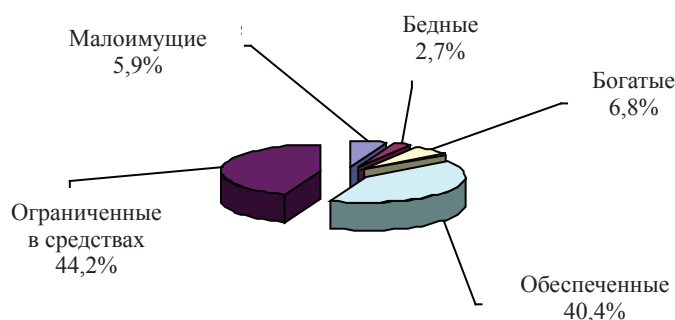

Рис. 1. Материальное положение студента и его семьи

пытывая материальные трудности, указали, что нуждаются в работе. Вероятнее всего, для остальных студентов учеба является приоритетом в настоящее время, поэтому они не нуждаются в работе (так ответили 7,7% респондентов), при этом затруднились ответить 26,9% респондентов. Более половины студентов из «малоимущих» семей (59,6%) и семей со «средним достатком» (50,6%) хотят работать, и примерно одинаковое число студентов с тем же достатком (доля среди «малоимущих» – 28,1%, из семей со «средним достатком» – 28,3%) не нуждаются в работе. При этом затруднились ответить 12,3% студентов из «малоимущих» семей и 21,1% студентов из семей

со «средним достатком». Не нуждаются в работе студенты, указавшие высокий материальный достаток своей семьи (среди «состоятельных» – 40,0%, «богатых» – 45,5%), однако примерно в равной доле студенты из «состоятельных» (41,8%) и «богатых» семей (36,4%) указали, что нуждаются в работе, при этом затруднились ответить 18,2% студентов из «состоятельных» и 18,1% студентов из «богатых» семей. Это свидетельствует о том, что «богатые» студенты не испытывают материально-бытовых трудностей, вследствие чего не стремятся выходить на рынок труда досрочно, а концентрируют свои силы на успешной учебе (рис. 2).

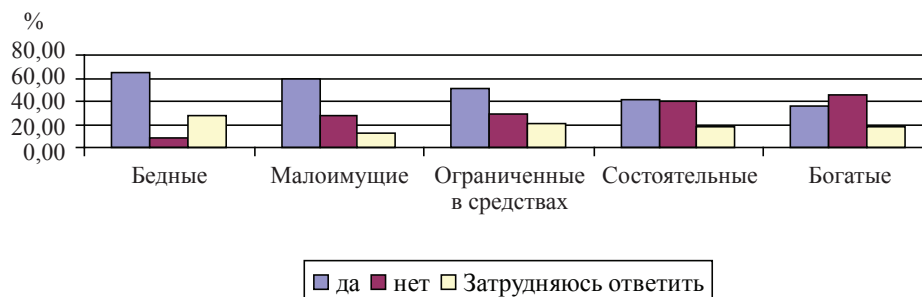

Рис. 2. Количество студентов, нуждающихся в работе

В ходе проведенного исследования было выявлено, что работающие студенты, относящиеся к различным социальным группам, преследуют различные мотивы досрочного выхода на рынок труда. Учащиеся вузов в основном рассматривают трудовую занятость в большей степени как место, где они могут решить свои материальные проблемы. Так, примерно одинаковое количество студентов из «малоимущих» (68,4%) и «ограниченных в средствах» (63,1%) семей, а также половина студентов из «состоятельных» (51,3%), «бедных» (44,4%) и «богатых» (43,8%) семей досрочно выходят на рынок труда для того, чтобы иметь материальную независимость от родителей. Родители из «богатых» семей, как правило, стараются своих детей обеспечить карманными деньгами, в связи с чем мотивация ранней трудовой деятельности в данной группе выражена меньше всего (18,8%). Менее половины студентов из «бедных» (44,4%), «ограниченных в средствах» семей (40,5%) и примерно одинаковое

количество студентов из «обеспеченных» (37,5%) и «малоимущих» семей (36,8%) причиной желания пойти работать указывают необходимость иметь собственные карманные деньги (рис. 3).

Материальная нужда толкает студентов браться за любую работу. Заинтересованность в приобретении профессиональных компетенций, опыта работы и навыков профессиональной деятельности по специальности, получаемой в вузе, отходит на второй план. Так, меньше половины студентов из «богатых» семей (43,8%) и больше половины студентов из «бедных» (77,8%), «ограниченных в средствах» (66,1%), «состоятельных» (66,1%), «малоимущих» (60,0%) выбирают трудовую деятельность, не связанную с профилем обучения в вузе. У «богатых» студентов работа чаще всего связана напрямую с будущей профессией, которую они получают в вузе, так ответили 31,3% работающих респондентов. 15,0% отметивших свое материальное положение как «малоимущие», почти

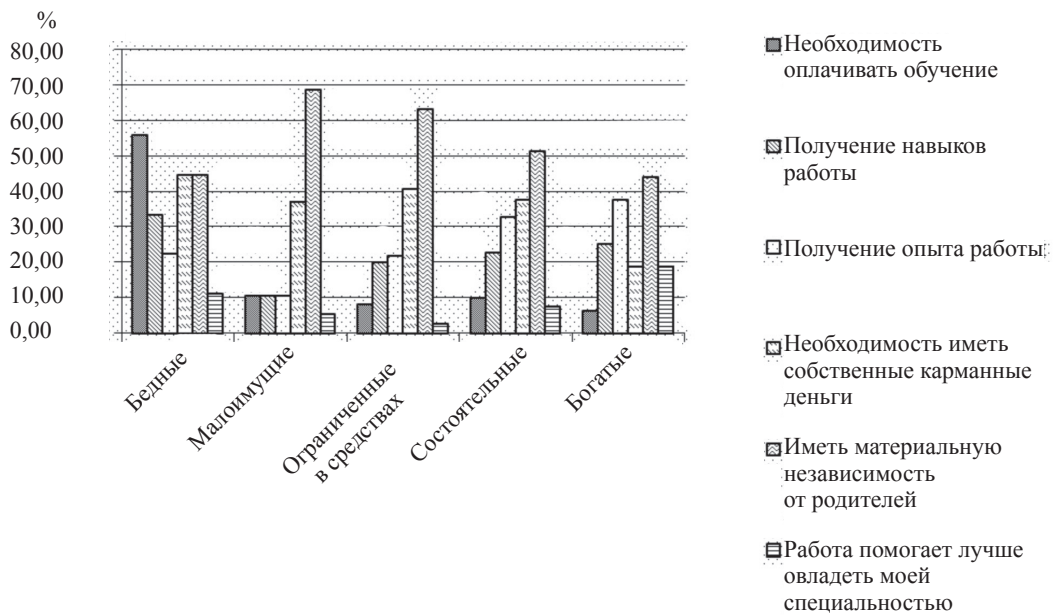

Рис. 3 Мотивы занятости студентов

каждый десятый «обеспеченный» (9,9%) и лишь двадцатый (4,6%) из «ограниченных в средствах» трудятся в той сфере профессиональной деятельности, которую они получают в вузе. Трудовая деятельность частично связана с профилем обучения у 29,3% «ограниченных в средствах», а также у 28,4% «обеспеченных», 25,0% «малоимущих», 24,9% «богатых», 22,2% «бедных». В то же время трудовая занятость по профилю обучения могла принести студентам бесценный профессиональный опыт. Это позволило бы им без особых трудностей включиться в трудовой процесс после окончания вуза, сориентироваться на рынке труда и, таким образом, минимизировать безработицу среди выпускников вузов.

Студенты из семей с высоким уровнем достатка рассматривают место своей трудовой занятости не только с точки зрения удовлетворения материальных потребностей, но и приобретения профессиональных компетенций. Так, они хотят иметь не только материальную независимость от родителей (43,8%), но и место, где могут приобрести опыт работы (37,5%), навыки профессиональной деятельности (25,0%). «Богатые» студенты (18,8%) больше, чем «бедные» (11,1%), «состоятельные» (7,5%), «малоимущие» (5,3%) и «ограниченные в средствах» (2,7%), указали, что работа по профессии помогает им лучше овладеть специальностью, которую они получают в вузе.

Несмотря на то что «бедные» (33,3%) студенты в основном трудятся там, где работа не связана с будущей профессиональной деятельностью, тем не менее, именно они больше остальных студентов («богатые» (25,0%), «состоятельные» (22,5%), «ограниченные в средствах» (19,8%), «малоимущие» (10,5%)) указали, что, работая, хотят получить необходимые трудовые навыки. Вместе с тем приобрести опыт работы в ходе трудовой деятельности хотят в большей степени студенты из «богатых» (37,5%), «состоятельных» семей (32,5%), примерно одинаковое количество студентов из «бедных» (22,2%) и «ограниченных в средствах» (21,6%), а также каждый десятый из «малоимущих» (10,5%) семей. Таким образом, чем выше материальное положение семьи, тем больше в системе мотиваций фигурирует желание приобрести необходимый профессиональный опыт работы.

Подводя итоги, заметим, что современный студент всецело включен не только в образовательный, но и в трудовой процесс. В зависимости от уровня достатка семьи студенты преследуют различные мотивы выхода на рынок труда. На наш взгляд, задачей современной системы образования является то, что вне зависимости от уровня материального положения студенты в рамках трудовой занятости должны приобрести опыт в будущей профессии и расширить свои профессиональные компетенции.

УДК 316.346.32

СОВЕТСКИЙ ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ: ОТ ПОСЛЕВОЕННОГО К ПОЗДНЕСОВЕТСКОМУ (опыт качественного исследования)

Е. В. Абашкина

Волгоградский государственный университет
E-mail: alena_abashkina@mail.ru

В статье рассматривается повседневность пионерского лагеря послевоенного и позднесоветского времени. Анализируются как обычный пионерский лагерь, так и статусный «Артек». На основании проведенных параллелей воспроизводится стандартный распорядок дня в пионерском лагере. Используются идеи И. Гофмана о тотальных институтах.

Ключевые слова: повседневность, советский пионерский лагерь, тотальный институт, детство, ритуалы.

Soviet Pioneer Camp: from the Post-war to the Late (Experience of Qualitative Research)

E. V. Abashkina

The article deals with everyday life in the pioneer camp of the late and post-war time. Regular summer camp, as well as the status «Artek» was analyzed. On the basis of the drawn parallels the standard daily routine in a summer camp is reproduced. I. Hoffman's ideas about total institutes are used.

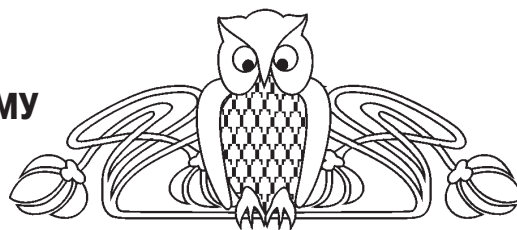
Key words: everyday life, Soviet pioneer camp, total institution, childhood, rituals.

– Дети, помните: вы – хозяйева
лагеря. Вы! А от вас что требуется,
друзья мои?

– Дис-ци-пли-на!

Из фильма Э. Климова
«Добро пожаловать, или
Посторонним вход воспрещен»
(1964 г.)

В системе образования и воспитания, созданной в советское время, главную роль в формировании советского гражданина выполняли два агента социализации – общеобразовательная школа и детская пионерская организация. Характерной отличительной чертой этих агентов была направленность на социально-идеологическое воспитание детей, вовлечение их в строительство нового общества¹. Пионерское движение зародилось в начале 20-х гг. XX в., после Октябрьской социалистической революции, и заимствовало многое от скаутских организаций, существовавших в дореволюционной России с 1909 г. Деятельность скаутских организаций была построена на основе так называемой «длительной игры», то есть в игровой форме воспроизводились события прошлых лет. Одним из видов деятельности скаутов была жизнь в лагере на природе, вне пределов сложившегося быта – лагерь, таким образом, был проверкой на

прочность членов организации. Так проводилась допризывная подготовка молодежи, в основном сельской. Скаутская организация делилась на два направления – демократическое и монархическое. Одним из идеологов скаутского демократического направления был педагог И. Н. Жуков, который после революции 1917 г. принял участие в создании пионерской организации, вошел в ее Центральное бюро и стал организатором первого пионерского отряда Бауманского района Москвы, за что получил титул «старший пионер РСФСР». По его предложению в названии новой организации появилось само слово «пионер» (pioneer), означающее в англо-саксонских странах «солдат-разведчик» или «сапер». Сам же Жуков считал, что юный пионер – это юный сапер, мосящий пути для будущего². Жуков пытался строить пионерию по методике «длительной игры», но 3 и 5-й съезды Российского коммунистического союза молодежи (1920 и 1922 гг.) выразили отрицательное отношение к скаутским организациям, и они прекратили свое существование. Позднее отвергли и «длительную игру». С этого момента пионерское движение, во-первых, стало носить всеобъемлющий и именно государственный характер, а во-вторых, в развитии движения началось полное доминирование идеологической доктрины коммунистической партии.

Также следует отметить, что по мере эволюции пионерского движения в его содержании почти полностью исчезают скаутингские составляющие, однако жизнь в лагере как вид организационной деятельности пионеров сохраняется. При этом четко прослеживается трансформация лагеря, который был неотъемлемым компонентом скаутской, а затем и пионерской жизни, от типа спортивно-палаточного к типу санаторного комплекса. Именно в 30-е гг. XX в. детские лагеря стали преобразоваться в пионерские здравницы, идеалом которых был детский комфортабельный санаторий с утепленными строениями и асфальтом, особенно хорошо это можно проследить на истории становления всесоюзного лагеря «Артек». Появившись 16 июня 1925 г. как летний палаточный лагерь-санаторий под руководством Общества Красного Креста РСФСР, уже к 1928 г. он выходит на уровень круглогодичного лагеря-санатория, заменив палатки домиками.

В научных, прежде всего педагогических, работах того периода пионерский лагерь рассматривался как место для идейно-политического воспитания подрастающего поколения. Пионер-

ское движение как основоположник становления пионерских лагерей в советском обществе соответствовало статусу одного из признанных социальных институтов воспитания и эффективно осуществляло свои задачи. А пионерская организация была призвана помогать школе в подготовке пионеров к сознательному и творческому выполнению своих обязанностей, воспитывать ответственность перед обществом. В то время для этого требовалось серьезное совершенствование сложившейся системы деятельности пионерской организации. Н. К. Крупская так охарактеризовала главную цель пионерской организации: *«Мы не раз говорили о том, что школа и пионердвижение стремятся к одной и той же цели – воспитать из ребенка борца и строителя нового строя. Но, в то время как в школе центр тяжести кладется на учебу, в пионердвижении этот центр переносится на воспитание. Обучение и воспитание тесно связаны друг с другом, дополняют одно другое, переплетаются одно с другим, но все же это две разные проблемы. В пионердвижении главная задача – задача воспитания»*³. Таким образом, в центре внимания пионерской организации была задача выработки социалистического отношения к учебе, труду и общественной работе, что означало инкорпорирование таких ценностей, как равнодушие, коллективизм, активное или деятельностное отношение к жизни.

В обществоведческой литературе в советский период уточнялось и формировалось представление о «социальной деятельности» как о деятельности, связанной непосредственно с выполнением личностью социальных функций. По мнению ученых И. В. Андреевкова, Э. С. Соколова, И. А. Филиппова и других, в социальной деятельности личность проявляет себя в разных видах активности. Было введено понятие «степень социальной активности», установлена ее зависимость от соотношения между социальными функциями личности и ее субъективными установками, от отношения человека к своим общественным обязанностям.

Признавая ценность теоретического и практического опыта воспитания социальной активности пионеров, мы все же полагаем, что пионерская организация, создаваясь изначально как инструмент идеологического, коммунистического воспитания подрастающего поколения, всегда ориентировалась на исторически конкретный «социальный (партийно-государственный) заказ»⁴. И в рассматриваемый период пионерская организация и пионерский лагерь выполняли свое социальное назначение, оставаясь, однако, политической организацией. Следовательно, в советское время пионерский лагерь рассматривается различными учеными как часть политического института пионерской организации, посредством которого правящая партия прививала подрастающему поколению идейно-нравственные установки, воспитывая тем самым советского гражданина.

В современном российском обществе летний детский лагерь продолжает свое существование, хотя пионерская организация как доминирующее детско-подростковое объединение перестала существовать с распадом СССР. В последние годы после нескольких перестроечных десятилетий незначительного внимания государства к молодежной политике и массовым воспитательным процессам государством и правящей элитой предпринимаются попытки управлять первичной социализацией, в том числе через организованный детский отдых и досуг. Цель настоящей статьи – рассмотреть повседневность летнего детского лагеря советской эпохи с тем, чтобы обнаружить особые ресурсы воздействия, скрытые в этой повседневности. При этом мы исходим из предположения, что особые ресурсы воздействия повседневности детского лагеря воспроизводятся и в сегодняшних подобных организациях.

Чтобы более детально и верно представить, что представлял собой советский пионерский лагерь, нельзя основываться лишь на официальных документах и статьях в газетах того времени. В настоящее время социологи все чаще прибегают к изучению повседневных практик, используя при этом методы качественного исследовательского подхода. Если мы хотим понять социальный мир человека, восприятие им внешней реальности и мир его самосознания, то здесь недостаточно рационального языка категорий и абстракций. Необходимо приблизиться к адекватному пониманию смыслов, которые человек вкладывает в различные суждения и действия. В своей работе исследователь с помощью методов качественного подхода концентрирует внимание на субъекте, агенте социального действия и обращается, прежде всего, к его личностному повседневному опыту, выраженному в словах, высказываниях, рассказах о собственной жизни. Анализируя данную информацию (слова, жесты, коммуникативные символы), социолог осмысливает, интерпретирует свои наблюдения, а затем переводит их на язык научных терминов для теоретической интерпретации скрытого социального смысла⁵.

В данном исследовании для более точного воспроизведения повседневности советского пионерского лагеря использовался метод обоснованной теории (grounded theory). Ее основоположниками являются Б. Г. Глейзер и А. Л. Штраус. Этот метод радикально отличается от традиционных. Если в обычном качественном исследовании сначала ставится гипотеза, а затем она подвергается эмпирической критике, то в обоснованной теории все с точностью до наоборот. Сначала исследователь собирает эмпирические данные, на основе которых в дальнейшем формулируются определенные теории. Затем из собранных данных выделяются коды, которые объединяются в более общие категории. А уже на основании их выделяется одна теоретическая концепция. Таким

образом, исследователь идет по индуктивного методу познания от простого к сложному⁶.

Целевой группой нашего исследования были люди, которые в советское время отдыхали в различных пионерских лагерях. В процессе исследования, чтобы более детально обозначить воспроизводство повседневности советского пионерского лагеря, мы их разделили на две группы:

1) показательный (статусный) лагерь «Артек»;

2) обычные лагеря (от организаций и промышленных предприятий).

Данные собирались с помощью глубинного полуструктурированного интервью (N=14). Длительность интервью в среднем составляла один час. Вопросы, задаваемые информантам, разделялись на несколько блоков: в первый блок вошли вопросы, связанные с распорядком дня в лагере, второй блок вопросов фокусировался на межличностных взаимоотношениях. Кроме того, мы использовали дневники (N=15) и рассказы о лагере в свободной форме, взятые с неофициального сайта «Артека» за период с ноября 2008 по август 2012 г.⁷ Исходя из того, что советская история отнюдь не однородный по социальным тенденциям период, а пионерский лагерь как организация находился в развитии и испытывал на себе влияние всех событий, происходивших в те или иные десятилетия, мы собирали данные о двух периодах существования лагеря – послевоенном (1946–1957 гг.) и позднесоветском (1970–1986 гг.).

Одна из идей, которая звучит в воспоминаниях тех, кто жил в пионерском лагере после войны, это сравнение повседневности лагеря с армейскими буднями. В своих интервью респонденты тех лет зачастую упоминают о распорядке дня, проводя параллель с армейским режимом.

«Работа лагеря Артек была налажена по четкому распорядку, как на серьезном предприятии. Собственно таковым он и являлся. И почти каждый день был распisan с утра и до вечера, как в регулярной армии» (дневник артековца 1954 г. пребывания в лагере)⁸.

Распорядок дня лагеря «Артек» был распisan строго по минутам и выполнялся по команде:

«Смирно! Юные пионеры, к борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!» (дневник артековца 1949 г. пребывания в лагере)⁹.

За нарушение установленного в лагере распорядка грозило серьезное наказание, вплоть до отправления домой. Определенному порядку подвергалась и культмассовая работа. Каждый год издавались методические указания для пионервожатых, где были описаны мероприятия на всю смену, на каждый день. А так как лагерь был круглогодичный, то структура смены сохранялась.

А вот что вспоминает «неартековец»:

«Подъем, зарядка, туалет и завтрак, как в армии. Мы потом в армии по такому же распорядку жили, да. Когда я попал на месяц <...>, мы проходили воинские сборы, такие есть, после

5-го курса в мединституте. Я как будто снова в лагере оказался. Только там, в пионерском лагере подъем был, по-моему, в 7 часов, а в армии в 6 часов (смеется) подъем. Ну и еще разница была, в армии, значит, может это для Вас будет откровение, строем ходили в уборную. Вот встал утром, подъем и сначала строились, потом пошли значит, трусцой-трусцой, пробежкой по стадиону, потом, иногда шагом, иногда пешком. По дороге идут в майках в туалет: «Становись! Оправиться». Оправились, опять становись. Вот этого, конечно в пионерском лагере не было, там добровольно (смеется), а в армии вот так. А потом в армии то же самое: уборка, заправлять кровать, умываются, одеваются, идут на завтрак. Так что вот этот вот распорядок дня, во всяком случае, первая часть, подъем и завтрак – так же, как в армии. Ну, а потом, то же самое, в армии после завтрака начинается учеба какая-то, ну или там мало ли, в общем, военные какие-то учебы. А у нас после завтрака начинались вот занятия» (неартековец, год посещения пионерского лагеря 1949).

Еще один атрибут армейской жизни – это перемещение отряда по лагерю строем, сопровождавшееся песнями или речевками. Строем ходили в столовую, на линейку, на экскурсии. В строем заметнее любые отличия, поэтому «строй» воспитывал у детей того времени привычку отождествлять себя с коллективом, единым организмом, где нельзя отличаться и выделяться. Хожение по лагерю строем сохранилось и в позднесоветском лагере. На все мероприятия дети собирались, строились и шли всем отрядом.

Бытовые условия, со слов респондентов, в лагере послевоенного времени тоже походили на армейские.

«Большая ровная асфальтовая площадка на уступе горы была прикрыта сверху тентом на нескольких опорных стойках. Под тентом двумя ровными рядами стояли сорок кроватей, разделенных тумбочками. Все это очень напоминало казарму на открытом воздухе. Площадка была чисто убрана, постели аккуратно заправлены, над острыми углами подушек, лежащих особым образом на кроватях, можно было протянуть нитку. Порядок был идеальный» (дневник артековца 1957 г. пребывания в лагере)¹⁰.

Таким образом, послевоенный пионерский лагерь советского времени был сродни социалистическому обществу, которое стремились построить в нашем государстве в то время. Однако существовало различие между повседневностью пионерского лагеря и советской реальностью. Все респонденты отмечают, что испытывали некое давление, тяготение от заорганизованности времяпрепровождения, которое, например, в Артеке даже получило название «Артековский режим».

«Но дома свобода, а здесь свободы нет. Вот это вот чувство, что ты не свободен, что ты все время должен подчиняться, что хочешь-не хо-

чешь, ложись спать. Хочешь-не хочешь, иди туда, иди сюда, делай это, не делай этого» (неартековец, год посещения пионерского лагеря – 1946).

Распорядок дня в лагере послевоенного времени делился на несколько составляющих. В первых следует отметить единую форму одежды, которая была введена повсеместно во всех лагерях того времени. Атрибуты были четко очерчены, и никаких лишних вещей не должно было присутствовать. Мальчики носили «короткие синие шорты, белую рубашку и пионерский галстук», а у девочек были «одинаковые кремовые платья, голубые пояпочки, голубые, с белыми полосками, воротники и береты, или панамы, а также красный галстук»¹¹. Галстук завязывался по утрам, на каждое построение, а также во время официальных мероприятий.

«На линейке все отряды строятся, все в красных галстуках, в белой, форме, обязательно выдерживали. Это уже все заранее<...>, форму не давали, это родителям просто говорили, чтобы заранее светлый “верх”, темный “низ”, чтобы это было» (неартековец, год посещения пионерского лагеря 1951).

К такой потере индивидуальности относились по-разному: мальчики воспринимали переодевание относительно спокойно, однако девочкам было намного сложнее. Они все равно пытались хоть как-то выделяться, придумывая различные способы: от складок на платье до различных узлов на галстуке. Единственным различием лагеря «Артек» от обычных пионерских лагерей по данной категории являлось лишь то, что в «Артеке» форма была совершенно одинаковая и ее выдавали бесплатно, тогда как в другие лагеря нужно было брать с собой лишь вещи определенного формата.

В позднесоветское время в «Артеке» форма одежды осталась прежней и ее также выдавали школьникам на всю смену. А вот в обычных лагерях позднесоветского времени произошли изменения: теперь пионерскую форму и галстук нужно было одевать лишь на официальные мероприятия, в остальное же время носить ее было необязательно.

Ношение формы, в частности пионерской, безусловно, является способом социального нормирования и контроля. Поэтому необязательность формы в пионерском лагере 1970–1980-х гг. свидетельствует об уменьшении идеологического «накала» в обществе в целом. При этом сохранение формы в «Артеке» имело, думается, все-таки не контролирующей, а привилегированный смысл. Этот лагерь был «визитной карточкой» страны, и единая, бесплатно выдаваемая форма представляла «советское детство» в обобщенном виде.

Особым и самым главным ритуалом повседневности пионерского лагеря была линейка или построение всех отрядов.

«Линейка, значит, старший пионервожатый, такая должность раньше была, старший пионервожатый докладывает, вот отряд такой-

то, столько человек, такие-то происшествия произошли или не произошли, сколько в наличии, в санчасти, с расстроеными животами. Ну, вот такое, кто уехал, кто приехал, такое всегда в лагере. Потом, ну тоже какое-то задание дается, объявляют распорядок дня, вот вы говорите как, вот обычно на линейке и все, значит, сегодня вот такой-то, такой-то, такой-то будет порядок» (неартековец, год посещения пионерского лагеря 1952).

Каждый день в лагере начинался и заканчивался линейкой. На это мероприятие обязательно нужно было надевать пионерский галстук. На линейке отчитывались за прошедший день, а также оглашался распорядок текущего дня.

Досуг в пионерском лагере – еще одна важная характеристика повседневности. Формы проведения досуга были различны и многообразны. Были обязательные мероприятия, такие как: «Зарница», спартакиада, конкурс патриотической или военной песни и т. п. Работали для детей специальные кружки и секции. Но респонденты особенно отмечают не столько сами направления и кружки, в которых они занимались, сколько качество проведения данных занятий. Стоит заметить, что данный аспект указывался как респондентами, отдохнувшими в лагере в послевоенное время, так и теми, кто был там в позднесоветский период.

«Специально вот этими кружками руководили, как вам сказать, профессионалами. Не учителя, учителя были в роли воспитателей. Кружками руководили, как правило, руководители соответствующих кружков из домов культуры, из клубов. Не то, что с улицы там какой-то человек пришел или там навязали какому-нибудь школьному учителю» (неартековец, год посещения пионерского лагеря 1948).

«С нами работали профессиональные режиссеры, профессиональные танцоры, постановщики танцев, профессиональные воспитатели с дипломами и т. д. Если это постановщик танцев, то это профессиональный балетмейстер из Москвы. Если это касается песен, то с нами работал профессиональный звукорежиссер из Москвы или профессиональный постановщик песен опять же, аккомпаниатор какой-нибудь. Если же это касается спортивных мероприятий, то это профессиональный тренер какой-нибудь из Москвы, хороший и т. д. То есть по каждому направлению работы с нами занимался именно профессионал своего дела. Не любитель, на все руки мастер, а именно профессионал» (артековец, год посещения пионерского лагеря – 1986).

Интересен и тот факт, что каждый респондент чему-то научился в пионерском лагере у этих «профессионалов», связывая свои умения не только с заслугами своих преподавателей, но и с соответствующей инфраструктурой.

«А вот спорт, футбол, мне как-то очень... Я почувствовал признание, вот, признание там нашел. А в школе нет, какой там футбол, только

уличный. Тогда и стадионов не было, вот» (неартековец, год посещения пионерского лагеря 1952).

«Нас учили спортивным танцам, кстати говоря, очень неплохо научился танцевать в этот месяц, что я был в «Артеке», безусловно. Я никогда не танцевал профессионально. А тогда нас всех...» (артековец, год посещения пионерского лагеря 1983).

В целом, идея советского лагеря была такова, чтобы у детей было минимум свободного времени. Их занимали различными играми, спортивными мероприятиями, походами, купанием и пр. Но все же существовал и некоторый разрыв повседневной лагерной жизни. Ребенку предоставлялась свобода в выборе проведения своего досуга, в частности, в свободе творчества. Многие находили свою нишу, занимаясь так называемой самостоятельностью. Всегда можно было изменить рутинность пребывания в лагере участием в различных мероприятиях. Также особое внимание в своих воспоминаниях респонденты уделяют разным шалостям, которые совершались как бы назло «системе».

Обобщая все вышеизложенное, можно обратиться к концепции тотального института И. Гофмана. Гофман, вводя понятие «тотальный институт», имел в виду, что основной договоренностью в обществе является то, что мы спим, играем и работаем в различных местах, под различным руководством и без рационального плана. Однако есть некоторые организации, и именно они «тотальны», поскольку внутри них происходит расстройство так называемых барьеров, разделяющих эти три сферы жизни. Во-первых, все виды жизнедеятельности сосредоточены в одном и том же месте и под одним и тем же руководством. Во-вторых, ежедневная деятельность участника тотального института выполняется совместно с другими участниками. Наконец, наличие различных принужденных действий объединено как части единственного рационального плана, разработанного, чтобы выполнить официальные цели учреждения¹².

Детский летний лагерь можно рассматривать как тотальный институт. В лагере происходит сосредоточение всех видов деятельности и управления ими в одном месте и единой иерархически построенной системе отношений. Здесь четко очерчены институциональные рамки и нормы, которые проникают во все сферы жизнедеятельности. Ребенок, попадая в лагерь, оказывается

включенным в данную систему, он обязан подчиняться принятым здесь нормам и правилам поведения, личное пространство сведено к минимуму (кровать и тумбочка), свободного времени почти нет. Личная и общественная жизнь участника тотального института протекает по единым правилам. В таких условиях даже в короткие периоды лагерных смен социализирующее воздействие «обобщенных других» происходит очень интенсивно. Структура повседневности лагеря такова, что лагерь является фильтром, эффективно отсекающим неправильное поведение, тем самым проверяя лояльность по отношению к культурным образцам эпохи. Думаем, что это распространяется и на повседневность современных детских лагерей.

Примечания

- 1 См.: Жуков И. Н. Игра и детское движение : В помощь организаторам детского движения и педагогам / сост. и автор вступ. ст. И. В. Руденко. М., 1992.
- 2 Там же.
- 3 Крупская Н. К. Педагогические сочинения : в 10 т. Т. 5. Детское коммунистическое движение. Пионерская и комсомольская работа. Внешкольная работа с детьми. М., 1959. С. 204.
- 4 См.: Фарафанова Л. Н. Идея воспитания социальной активности личности в деятельности пионерской организации в советской педагогике 60-х – середины 70-х годов : дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2000. С. 9.
- 5 См.: Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. М., 2007.
- 6 См.: Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования : обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесл. Т. С. Васильевой. М., 2001.
- 7 См.: Неофициальный сайт лагеря Артек. URL: <http://www.artekovetc.ru/> (дата обращения: 12.07.2013).
- 8 См.: Форум лагеря Артек. URL: <http://phorum.artek.org/> (дата обращения: 15.07.2013).
- 9 Там же.
- 10 Чекмарев К. «Неизвестный Артек» 1957 г. URL: http://www.artekovetc.ru/0kip1957_1.html (дата обращения: 17.07.2013).
- 11 Форум лагеря «Артек». URL: <http://phorum.artek.org/> (дата обращения: 15.07.2013).
- 12 См.: Гофман Э. Об особенностях тотальных институций / пер. с англ. О. А. Власовой // Личность // Культура. Общество. 2008. № 3–4. С. 38–50.

УДК 316.344.8

ТАЙПОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РАКУРСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С. Ш. Жемчурева

Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова
E-mail: sedazz@mail.ru

В статье предпринята попытка провести анализ результатов прикладного социологического исследования, посвященного проблеме многоуровневой идентичности студенческой молодежи Чеченской Республики. Выявлены роль и место тайповой принадлежности в «портфеле идентичностей» современных чеченцев.

Ключевые слова: идентичность, чеченский тайп, чеченцы, тайповая идентичность, иерархия идентичностей.

**Taypovy Identity of Youth of the Chechen Republic
in the Foreshortening of the Sociological Analysis**

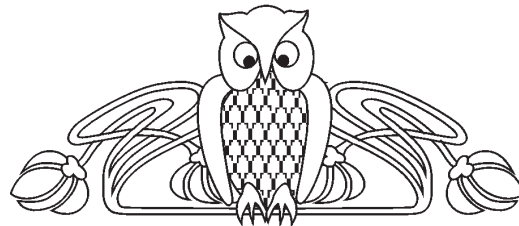
S. Sh. Zhemchuraeva

In article attempt to carry out the analysis of results of the applied sociological research devoted to a problem of multilevel identity to student's youth of ChR is made. The role and place of taypovy accessory in «a portfolio of identity» modern Chechens is revealed.

Key words: identity, Chechens, taypovy identity, hierarchy of identity.

Разработка проблем идентичности и идентификации началась в середине XX в. Интерес к интерпретации понятия «идентичность» проявился после того, как этот термин получил широкое распространение в различных отраслях научного знания в связи с утверждением в них неклассической парадигмы социального исследования¹.

С этого периода она традиционно связывается с общепсихологическими и социальными исследованиями. По мнению Л. М. Дробижевой, центром внимания социологического подхода к анализу идентичности является «соотнесение личности с группой, представления о группе, социальные механизмы самоопределения индивидов в многообразных группах <...> Каждая из них включает в себя индивидуальную и коллективную идентичности разного масштаба и содержания»². Она выделяет следующие компоненты социальной идентичности: «...самоидентификация (отнесение себя к этнической группе, локальной, государственной общности), представления о своей группе – «образ мы» и интересы, которые связывают эмоционально окрашенное отношение к таким образам с поведением людей и групп (регулятивная составляющая идентичности). В «образ мы» включаются автостереотипы (представления о себе), которые формируются на основании соотнесения с гетеростереотипами (представления о

других), а также представления о культуре, языке, территории проживания, историческом прошлом, государственности. Весь этот набор представлений, как правило, присутствует на групповом уровне идентичности»³. Вопрос «кто мы?» – это вопрос о системе приоритетов и символах, способных сплотить общности, народы в единое национальное целое⁴.

Возникновение у чеченцев тайпа как социального института сопряжено с длительными историческими и социально-экономическими трансформациями, происходившими в чеченском обществе. Само слово тайфа – арабское и означает совокупность людей, проживающих на территории определенного участка земли⁵. Общественно-политическая организация чеченцев, основанная на родовых отношениях, являла собой устойчивое социальное образование, способное противостоять любым проявлениям вмешательства в их жизнь.

Чеченский тайп – это группа людей или семейств, выросших на основе общих производственных отношений. Члены его, пользуясь одинаковыми личными правами, были связаны между собой кровным родством по отцовской линии. Свобода, равенство, братство, хотя никем не были сформулированы, являлись основой общественных связей чеченцев⁶.

В настоящее время институт тайпа утратил свои социальные функции и является братством, основанным на мифической памяти. Данная гипотеза была выдвинута сотрудниками лаборатории по исследованию социально-политических, правовых и духовных процессов КНИИ РАН имени Х. И. Ибрагимова (Грозный) в процессе формирования программы прикладного социологического исследования на тему «Тайп в восприятии современной студенческой молодежи Чеченской Республики». Опрошено 750 респондентов – студенты трех государственных вузов Чеченской Республики (ГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова, ЧГУ, ЧГПИ). Исследование проводилось в течение 2012 года. Выборка квотная, с вероятностным отбором респондентов, репрезентирующая социально-возрастную группу по полу, возрасту и образованию. В нее вошли студенты разных курсов обучения, гуманитарного, технического и естественного профилей, проживающие в разных районах республики, городах Аргун, Шали, Грозный. Анкета включала в себя 25 вопросов, из которых 4 открытых.

Основные результаты, полученные в ходе исследования, выглядят следующим образом. В целях выявления степени удовлетворенности жизнью чеченских студентов им был предложен вопрос «*Насколько Вы удовлетворены тем, как в настоящее время складывается Ваша жизнь?*».

Первичный анализ ответов показал, что почти треть респондентов (34,5%) затруднились ответить; 33,6% выбрали вариант ответа «полностью не удовлетворен»; 9,7% оказались в группе «в основном не удовлетворенных» и только 22,2% студентов показали достаточную степень удовлетворенности жизнью (14,2% в основном удовлетворены и 8% полностью удовлетворены).

Интерес к изучению проблем социального самочувствия населения возник в отечественной социологии в 80-е гг. XX в. Сегодня существуют различные интерпретации как самого понятия «социальное самочувствие» людей, так и критериев его оценки. Чаще всего социальное самочувствие понимается как «общая интегральная удовлетворенность жизнью», своего рода субъективное эмоциональное отражение образа жизни.

Такую трактовку социального самочувствия можно найти, к примеру, в публикациях Л. А. Орловой и Е. В. Давыдовой⁷. Согласно этому подходу общая интегральная удовлетворенность жизнью складывается из удовлетворенности различными сторонами жизни человека – трудовой, бытовой, духовной, социально-политической и т. д.

Другой подход предлагает Л. Е. Петрова⁸, которая рассматривает социальное самочувствие как «интегральную характеристику жизненной стратегии личности», отражающую соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта.

В концепции Ж. Т. Тощенко и С. Харченко социальное самочувствие является базовым элементом социального настроения, отражающим общий эмоциональный фон и настрой личности⁹.

Я. Н. Крупец предлагает интерпретировать социальное самочувствие как интегральный показатель социальной адаптации населения к реформам, общий индикатор успешности процесса адаптации¹⁰.

Практически все авторы отмечают комплексный интегральный характер феномена социального самочувствия, который отражает общую оценку удовлетворенности собственной жизнью, основанную на достигнутой степени адаптации к социальным изменениям и уровне удовлетворения потребностей личности.

Студенчество – это особая социальная общность и огромная инновационная сила, находящаяся в стадии становления и формирования своей структуры ценностной системы, и здесь одним из главных средств социализации молодежи выступает культура, включающая в себя накопленные человечеством знания, ценности, нормы и образцы, представляющие духовный мир отдельных

индивидов, социальных групп, общностей и всего общества¹¹.

Попытка обнаружить наиболее значимые для студентов качества, через которые проявляется культура человека, привела к следующим результатам: наибольшее число респондентов (37,2%) считают главным качеством «знание искусства (эрудиция)»; на втором месте по степени значимости (21,7%) оказалась «терпимость к чужим взглядам и поступкам»; почти такой же процент респондентов (21,1%) выбрали вариант ответа «в уважении к чужим взглядам и поступкам»; в том, что культура проявляется «в уважении к традициям своего народа», уверены 9,4% опрошенных; «порядочность и честность» являются отражением культуры для 5% студентов; две группы респондентов равнозначно полагают, что главным проявлением культуры является «воспитание и вежливость» и «уважение к старикам, инвалидам» (по 2,8% соответственно). Толерантное отношение чеченской молодежи, проявляющееся в ответах на данный вопрос, является положительным показателем. Однако уважение к традициям своего народа, честность и порядочность оставались важнейшими маркерами идентичности чеченцев на протяжении многих веков. Отсутствие должного внимания со стороны молодого поколения чеченцев к этнокультурным особенностям, на наш взгляд, является крайне тревожной тенденцией в развитии современного чеченского общества.

В опросный лист был включен вопрос относительно индивидуально-личностной тайповой самоидентификации (тип вопроса – альтернативный, закрытый), имеющий собственную смысловую нагрузку (информация о тайповой идентичности): «*Ощущаете ли Вы свою принадлежность к какому-либо тайпу?*»

В самом вопросе, как мы видим, содержится указание на эмоционально-чувственную природу кровнородственного: о своей тайповой принадлежности люди не думают, ее либо ощущают, либо не ощущают¹². Так, на данный вопрос 67,1% студентов ответили положительно, однако 32,9% не идентифицируют себя ни с одним тайпом. Большинство опрошенных, указавших свою тождественность с определенным тайпом, положительно относятся к тайповой принадлежности. Испытывающих чувство гордости от своей тайповой идентичности оказалось 56,4% респондентов; 25,1% опрошенных рады, что принадлежат к своему тайпу; 13,7% студентов высказали безразличие по отношению к тайповой принадлежности; указали, что не разделяют людей по тайповой принадлежности, 1,9% респондентов; «главное, я – мусульманин» ответили 1,2% чеченцев и среди негативно относящихся к своей тайповой идентичности оказалось 1,7% респондентов.

Свое мнение относительно межтайповых отношений респонденты выразили по-разному. Большинство (54,8%) согласны с тем, чтобы их близкий родственник(ца) вступил в брак с пред-

ставительницей (представителем) другого тайпа; 18,1% от общего числа опрошенных предпочли бы, чтобы в их доме жили люди только их тайпа; 10,9% за то, чтобы в их городе (селе) жили люди только их тайпа; работать или учиться со своими «однотайповцами» предпочли бы 8,6% от совокупного числа участников опроса; общению с людьми своего тайпа отдают предпочтение 7,7% опрошенных. Такие показатели еще раз подтверждают незначительную роль тайповой принадлежности в коммуникативном пространстве чеченских студентов, а также их нацеленность на толерантное взаимодействие с представителями различных тайпов.

Для получения развернутой картины социокультурных идентичностей студенческой молодежи ЧР респондентам был предложен вопрос «Укажите, пожалуйста, степень важности перечисленных ниже определений». В качестве вариантов ответа предлагались наиболее значимые социокультурные идентичности. Распределение ответов важно для верификации (подтверждения) исходной гипотезы. В частности, нами прогнозировалась незначительная степень важности тайповой идентичности. Распределение ответов на этот вопрос выглядит следующим образом.

Практически равными по степени значимости для респондентов оказались конфессиональная и семейная идентичности (21,4 и 21,3% соответственно). Существенной для них является и национальная (этническая идентичность), как важную ее определили 16,8% респондентов. Второстепенное значение для студентов чеченских вузов имеют такие идентичности как «житель своей республики» (13,2%), «представитель своего тайпа» (12,8%). Результаты исследования, бесспорно, свидетельствуют о преемственности поколений и роли семьи в конструировании религиозной идентичности студенческой молодежи ЧР. Этническая идентичность находится в тесном взаимодействии с конфессиональной идентичностью. Очевидно, что тайповая идентичность значительно уступает по уровню значимости этноконфессиональной и даже региональной идентичностям.

На открытый вопрос «Как бы Вы ответили, ради чего Вы сейчас живете?» почти треть респондентов (34,1%) назвали семью. Очевидно, что семья остается важнейшей ценностью для чеченской молодежи. Затруднились ответить на поставленный вопрос 25,9% опрошенных студентов. Такой показатель людей, не имеющих определенного представления о смысле своего существования, является тревожным признаком. Следующей смысловозначимой позицией является религия – ислам, которая способствует молодым людям очертить жизненные ориентиры (13,1% выбрали этот вариант ответа). Примечательно, что считают себя живущими ради народа, нации, страны 6,2% респондентов; 4,5% считают честь и достоинство смыслообразующими характери-

стикам. К сожалению, сакральное отношение к своему народу, родине, а также фундаментальные духовные ценности, которые были присущи чеченскому этносу на протяжении многих веков, передаваясь из поколения в поколение и являясь важнейшими маркерами их идентичности, в настоящее время утрачивают былое значение. Эгоистичные качества проявились у 4,3% опрошенных, ответивших, что живут ради себя. Занимательно, что среди студентов высших учебных заведений, то есть будущих специалистов, целеустремленность и направленность на достижение карьеры не выражены (3,4 и 3,8 % соответственно). Отметим себя живущими ради будущего 3,1% респондентов. Задумываются о достойном уходе из жизни 7 респондентов и 5 человек отметили, что живут ради славы, денег и развлечений.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что тайп в восприятии современной чеченской молодежи является мифическим родством, основанном на тайповой памяти. В настоящее время он не обладает реальными социальными функциями, но выполняет функции родственной солидарности. Подтвердилась выдвинутая гипотеза о незначительной роли тайповой идентичности в иерархии идентичностей респондентов, данная идентичность существенно уступает религиозной, семейной и этнической идентичностям.

Примечания

- 1 См.: Жаде З. А. Векторы геополитической идентичности. Ростов н/Д, 2007. С. 48.
- 2 Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 336.
- 3 Там же.
- 4 См.: Жаде З. А. Указ. соч. С. 65.
- 5 См.: Нанаева Б. Б. Политические традиции чеченцев. Грозный, 2008. С. 49.
- 6 См.: Там же. С. 50.
- 7 См.: Орлова Л. А. О социальном самочувствии учителей Московской области // Социс. 1998. № 8. С. 89 ; Давыдова Е. В. Измерение социального самочувствия молодежи. М., 1992.
- 8 См.: Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социс. 2000. № 12. С. 51.
- 9 См.: Тощенко Ж. Т., Харченко С. Социальное настроение. М., 1996.
- 10 См.: Крупец Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социс. 2003. № 4. С. 143–144.
- 11 См.: Азарова Р. Н. Педагогическая модель организации досуга обучающейся молодежи // Педагогика. 2005. № 1. С. 27–32.
- 12 См.: Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 131.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.172

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@mail.ru

В статье рассмотрены основные научные подходы правоведов к нравственным принципам, заложенным в Конституции Российской Федерации, и предложена политологическая версия анализа форс-мажорных условий ее принятия и фактов правоприменения на основе принципа политической целесообразности во взаимосвязи с нравственным кризисом современного российского общества.

Ключевые слова: политическая целесообразность, нравственные основы Конституции РФ, нравственный кризис, нравственные ориентиры, нравственные идеалы, образ будущего, мотивация политического поведения.

Political Expediency and Moral Bases of Constitution of the Russian Federation

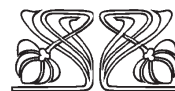
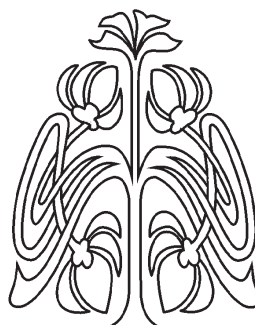
A. A. Vilkov

Main juristic approaches to moral principles of the Constitution of the Russian Federation are considered in this article. The author offers political version of analysis of force majeure conditions the Constitution was adopted in as well as the facts of its usage on the basis of political expediency in the context of moral crisis of contemporary Russian society.

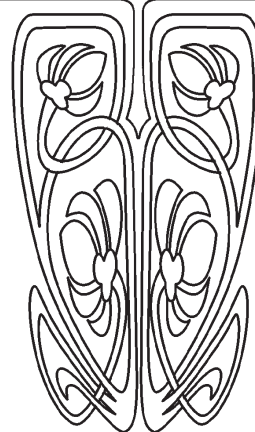
Key words: political expediency, moral bases of the Constitution of the Russian Federation, moral crisis, moral benchmarks, ethical landmarks, image of the future, motivation of political behavior.

Современная российская Конституция была принята в очень сложных условиях политического, социально-экономического и духовного кризиса. Страна в начале 1990-х гг. была расколота по самым разным основаниям: от идеологического, социального, этноконфессионального и до регионального. Напряженность социально-политической ситуации осложнялась резким конфликтом внутри правящего класса, который институционально был выражен в противостоянии Президента РФ, Конституционного суда РФ и Верховного Совета РФ. Оно завершилось расстрелом последнего и последовавшей формальной легитимацией победы Б. Н. Ельцина и его сторонников в ходе выборов двух палат нового российского парламента и в результате одновременного референдума по принятию новой Конституции Российской Федерации.

Политико-правовые последствия ее принятия исследованы юристами и политологами за прошедшие два десятилетия до мельчайших деталей¹. Несмотря на различные оценки и противоположные мнения в характеристиках ее отдельных норм, структурной сбалансированности, внутренней противоречивости и т. д., важнейшее значение имеет неоспоримый факт – действующая Конституция РФ позволила избежать повторения масштабных политических кризисов, грозящих гражданской войной, и создала нормативные предпосылки для функционирования механизма сдержек и противовесов и институционального регулирования конфликтов между ветвями власти в современной России.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Однако недостаточно исследованной оказалась взаимосвязь конституционных норм, которые законодательно закрепляли вектор развития страны в этот период, с эволюцией морального состояния российского общества, без которой невозможно объективно оценить степень социальной прогрессивности преобразований, проведенных в постсоветской России. Понятно, что морально-нравственные характеристики общества определяются не только нормами Конституции, но и многими другими факторами: социально-экономическими параметрами, системой политической социализации и духовно-нравственного и патриотического воспитания, функциональностью СМИ, демографической ситуацией и т. д. Переход от советской системы (где морально-нравственные нормы предписывались не только Конституцией, но подкреплялись всеобъемлющей и всеохватной системой политической социализации и идеологического воспитания) к плюрализму идеологий и полной свободе СМИ привел к перманентному морально-нравственному кризису российского общества, который не был разрешен принятием Конституции РФ в 1993 г. и не закончился в период стабилизации социально-экономической ситуации в 2000-е гг.

Либералы-реформаторы попытались обосновать замену советских нравственных ориентиров идеалами свободы, гуманизма, толерантности и других индивидуалистических либеральных ценностей, но не смогли предложить ничего системно завершенного и работоспособного. Обусловлено это было не только их стремлением максимально порвать с наследием коммунистической идеологии (которая инкорпорировала в себя и интерпретировала многие традиционалистские вечные ценности, в том числе и религиозные заповеди), но и разочарованием большинства населения в социально-экономических преобразованиях, проведенных под либеральными лозунгами.

Этот нравственный кризис не закончился до сих пор и являет собой одно из самых страшных последних десятилетий преобразований последних десятилетий, ставящих под сомнение их социальную прогрессивность и перспективность.

Конечно, современная ситуация отличается от периода «вседозволенности» 1990-х гг., когда, по выражению певца И. Талькова, «все что было аморально, стало не аморально»; когда публично высшие официальные лица призывали нас не считать деньги в чужом кармане и не интересоваться источниками их происхождения; когда одна из древнейших (но не почтенных во все времена) профессий получила социально значимый статус «путаны»; когда рабочие и крестьяне, напротив, получили презрительный статус «совки»; и т. д. Но и сегодня, оправданные с позиций социальной справедливости вопросы о том, как чиновнику с достаточно скромной зарплатой удастся построить многомиллионный особняк в престижном районе и ездить на самом дорогом лимузине,

повисают в воздухе. Их не задают прокуратора и следственный комитет, а если и задают, то удовлетворяются ответом, что особняк и автомобиль принадлежат папе-пенсионеру, или гражданской жене, или сыну и т. д., которые заработали их «непосильным трудом» в ходе занятий коммерческой или иной прибыльной деятельностью.

Взаимосвязь системообразующей роли российской Конституции с нравственным состоянием российского общества не столь очевидна, как с политическим состоянием. Политико-правовое значение принятия Конституции РФ многократно и всесторонне проанализировано политологами и юристами, но ее противоречивое воздействие на морально-психологические характеристики российского населения рассматривается реже и менее системно². Обусловлено это тем, что, в отличие от традиционных обществ (в которых проблемы социальной справедливости, морали, права и политики были неразрывными элементами единого религиозного мировоззрения), модернизирующееся общество основывается на дифференциации религии, политики, морали и права: «Для общества современного типа характерна большая степень рационализации и дифференциации ценностных сфер, их разделение, в результате которого каждая из них начинает существовать в соответствии со своей логикой, критериями, оценками»³. Поэтому в большинстве имеющихся работ данная проблема рассматривается в более широком контексте моральных оснований функционирования права и в рамках отраслевого законодательства⁴.

В философии права, в рамках которой рассматриваются фундаментальные вопросы об этико-правовых основаниях справедливого общественного устройства, акцент делается на универсализме общечеловеческих ценностей и моральных принципов. Среди юристов имеет место дискуссия о возможностях, пределах и ограничениях воздействия моральных норм и принципов на нормы права и правоприменительную практику. С одной стороны, это максимально широкая трактовка и позиция, официально представленная Конституционным судом в целом ряде своих решений и в публикациях судей КС. Суть ее сводится к тому, что нравственные принципы (например социальной справедливости и общего блага) носят универсальный характер, определяют содержание конституционных норм и, соответственно, носят общеобязательный характер. Данный универсализм и нужно, прежде всего, иметь в виду судьям КС при рассмотрении разнообразных конфликтных политико-правовых ситуаций.

Но, «требования, которые предъявляет право, – по мнению Ю. М. Батурина, – всегда имеют строго определенные границы, доступные всем <...> В противоположность этому требования нравственности беспредельны. Здесь каждый достигнутый уровень служит лишь ступенью дальнейшего совершенствования и точкой отсчета

новых требований»⁵. В этой связи В. В. Лапаева утверждает, что Конституционный суд «без достаточно ясных правовых критериев решает, соразмерны ли ограничения того или иного права соответствующим конституционным ценностям и сохраняется ли при этом существо и реальное содержание права»⁶. По ее мнению, «критерии правомерности ограничения прав человека должны не привноситься судом из собственной практики или практики европейского правосудия, а выводиться из текста Конституции РФ»⁷.

Думается, данная дискуссия представляет собой не схоластический спор о том, что первично: «яйцо, или курица», правовые максимы или нравственные, а отражение различных методологических позиций в понимании инструментальной функциональности конституционных норм. Одна позиция обуславливает разрешать правовые коллизии только на основе текста Конституции РФ, исходя из ее норм в максимально абстрагированном виде; а другая – с учетом конкретных политико-правовых обстоятельств появления данной коллизии и их толкования с точки зрения конституционно закрепленных нравственных ценностей. Но и в той и в другой позиции есть определенный методологический изъян, позволяющий делать конституционные нормы определенным политическим инструментом для заинтересованных субъектов социально-политических отношений. В рамках первой позиции правовые максимы в содержании Конституции РФ становятся доминирующими по отношению к нравственным максимам и могут выхолостить их содержание своим максимальным формализмом и абстрагированием от реальной жизни и постоянно меняющихся условий применения права. Вторая позиция, внешне более социально справедливая и динамичная, создает предпосылки для усиления роли прецедентного права. О его сильных и слабых сторонах пусть судят праведы, но для политолога важно обратить внимание на возможные негативные последствия произвольного использования самого принципа конъюнктурной целесообразности при трактовке тех или иных норм права в определенных кризисных социально-политических и социально-экономических условиях. Поэтому, как представляется, очень важно обеспечить соблюдение баланса между незыблемостью конституционных норм и их нравственным содержанием, отражающим представления большинства населения о социальной справедливости и социальном прогрессе.

В исследованиях современных юристов непосредственно по данной проблематике акцент делается на нравственности как самостоятельной ценности в системе других конституционных ценностей. Например, Ш. Р. Магадов констатирует: «Нравственность как конституционная ценность имеет положительную значимость для формирования баланса интересов человека, общества и государства и выполняет ключевую роль в закре-

плении и расширении других конституционных ценностей. Это выражается в двух основных формах влияния: во-первых, нормы нравственности непосредственно закрепляются в конституциях, приобретая характер конституционных положений (приверженность любви, терпимости, добродетели; осознание чувства совести и ответственности перед людьми и др.); во-вторых, нравственные идеи и понятия трансформируются в правовые нормы и становятся составной частью, основой содержания конституционных норм, получая выражение в виде принципов, прав, свобод и обязанностей человека (уважение прав и свобод, принципы равноправия, справедливости и толерантности, право на достоинство и доброе имя, право на жизнь, право на свободу, право на мир, обязанность беречь природу, обязанность защищать Отечество и т. д.)»⁸.

По сути, представленная в исследовании Ш. Р. Магадова (и подобных ему юридических и философско-правовых работах⁹) проблема нравственности рассматривается с точки зрения самостоятельной внутренней логики Конституции как главного закона страны, определяющего нормативное регулирование всех сфер жизни общества. В рамках данного подхода понятно стремление авторов сконцентрировать внимание на полноте и непротиворечивости статей Конституции РФ и абстрагироваться от тех расхождений, которые есть между конституционными нормами, раскрывающими нравственное содержание принципов функционирования российского общества, и реальными взаимоотношениями, например между властью и гражданами. Тем самым право остается вне реальной критики с точки зрения анализа внутренней причинности плохого правоприменения.

Логика автора очень конкретна: Конституция РФ содержит основные нравственные принципы и ориентиры, а чтобы они стали еще совершеннее и добиться их полноценного действия, нужно включить в ст. 55 Конституции РФ следующее дополнение: «Основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обороноспособность страны и безопасность государства обеспечиваются соответствующей юридической ответственностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений, устанавливаемой в федеральных законах за нарушение данных конституционных ценностей»¹⁰. Для того чтобы эта норма заработала нужно принять закон «О защите нравственности в Российской Федерации», в котором в круг субъектов правоотношений, обязанных соблюдать нормы нравственности, автором предлагается включить человека, социальные группы (семья, общественное объединение, религиозная организация и др.), а также должностных лиц, органы государственной власти, органы местного самоуправления и т. д.¹¹

Как представляется, здесь проявляется достаточно типичная абсолютизация роли права, характерная для многих юристов¹²: после выявления проблем в какой-либо области общественных отношений формулируется предложение принять еще один закон для ее нормативного регулирования. Такой подход, сводящийся к постоянному количественному наращиванию законов, на наш взгляд, может завести в тупик любое общество в связи с постоянно возрастающей сложностью и многомерностью его функционирования. Так можно дойти до законов, регулирующих правила приветствия людей, взаимоотношений супругов на кухне и т. д. Типичным примером абсурдности вмешательства в личную жизнь и традиций в этой области может служить принятие резолюции ПАСЕ, осуждающей практику обрезания как варварскую (против резолюции незамедлительно с гневным осуждением выступило Министерство иностранных дел Израиля).

Но в данном случае речь ко всему идет о правовом регулировании в такой области, противоречивость и конфликтность которой изначально делает предложение автора мертворожденным. Дискуссии о том, что является нравственным, а что таковым не является, ведутся уже многие тысячелетия, и оппоненты к единому знаменателю не приблизились и в наш информационный XXI век. Разное понимание нравственности имеют не только представители различных религий, этнических групп, но и представители различных возрастных групп одного и того же сообщества. Более того, одни нравственные ценности могут вызывать конфликты с другими ценностями в рамках одного сообщества. Типичный пример являют собой события во Франции и многих других странах, когда абсолютизация и последовательное внедрение ценности толерантности привела к легализации однополых браков, против которых на улицы вышли сотни тысяч и миллионы демонстрантов, придерживающихся традиционных нравственных принципов.

Для полиэтничной и поликонфессиональной России законодательная ответственность за безнравственное поведение не была реализована даже в советской системе, где эти единые нормы были предписаны моральным кодексом строителей коммунизма. Максимум, который грозил за аморальное поведение, – это вызов на партком и собрание первичной парторганизации и возможность исключения из партии для коммунистов (идентично для комсомольцев) и общественное порицание для членов профсоюза в виде карикатуры в стенгазете.

В отличие от юристов, для политологов значимым является выявление не столько нравственной обусловленности конституционных норм, сколько тех реальных социокультурных и моральных последствий для российского общества, которые вызвали конкретно-историческая процедура принятия действующей Конституции

РФ и особенности реализации конституционных нравственных норм за два десятилетия ее действия. К сожалению, политическая и социально-экономическая реальность современной России (формально определяемая конституционными нормами, весьма обоснованными с нравственно-правовой точки зрения) очень далека не только от совершенства, но и от удовлетворительного состояния.

Понимая сложность причинной обусловленности нравственного кризиса в постсоветской России¹³, в рамках данной статьи остановимся только на некоторых политико-философских аспектах, позволяющих выявить взаимосвязь форс-мажорных условий принятия Конституции РФ, содержания в ней нравственных ориентиров и принципов и причин их слабой мотивационной функциональности для большинства российских граждан и институтов. Данная взаимосвязь позволяет также выйти на проблему восприятия гражданами постсоветских преобразований с точки зрения их соответствия обыденным критериям социального прогресса.

Первый фактор, который сыграл негативную роль и продолжает сказываться до сих пор, это принятие Конституции РФ, в соответствии с которой Россия провозглашена демократическим федеративным правовым государством¹⁴, в рамках процедур, последовавших после грубейшего нарушения конституционных правовых норм в виде силового варианта разрешения конфликта с Верховным Советом и Конституционным судом. Б. Н. Ельцин и его либеральные сторонники наглядно продемонстрировали российским гражданам, что право силы и политической целесообразности выше силы права, выше незыблемости и обязательности конституционных норм, выше концептов теории разделения властей и механизмов «сдержек и противовесов».

Современные либералы не устают повторять, что только экстренные недемократические методы борьбы в тот период могли спасти будущее демократии в России от реставрации авторитаризма или от масштабной гражданской войны. Главным оправдательным аргументом они считают как раз то обстоятельство, что после трагических и кровавых событий 3–4 октября 1993 г. граждане России легитимировали политический режим Ельцина своей поддержкой на референдуме демократической Конституции РФ. Она заложила фундамент нового политического строя, основанного на нравственных принципах гуманизма, демократии и незыблемости признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Действительно, Конституция РФ содержит совокупность многих неоспоримых демократических принципов, но одновременно включила в себя ряд положений, которые стали предпосылкой для последующего усиления авторитарных начал в политической жизни страны. Конституционное закрепление перекоса институционального дизай-

на разделения властей в пользу Президента РФ либеральные сторонники Б. Н. Ельцина объясняли необходимостью создания защитного механизма против возможного повторения антагонистического противостояния сторонников демократии и консервативных антидемократических сил. Таким образом, нравственная максима ценностей демократии была конституционно дополнена и соответственно ослаблена максимой авторитарной конъюнктуры момента и текущими интересами конкретного лидера.

Данный наглядный неуважительный пример избирательного подхода к нравственному содержанию норм права в Конституции РФ не стал единичным и исключительным. Многочисленные примеры нарушений на выборах Президента РФ 1996 г. в пользу Б. Н. Ельцина его либеральные сторонники вновь объясняли политической целесообразностью и опасностью реставрации коммунистического строя. Объединение всех разношерстных лидеров различных демократических организаций и либерально ориентированных российских граждан в качестве сторонников Б. Н. Ельцина позволило поднять его рейтинг и привести к сомнительной победе на выборах, но еще раз продемонстрировало низкий уровень их нравственных принципов. Именно либералы, постоянно твердившие о значимости и функциональности политической конкуренции и состязательности, первыми показали пример, что свобода выбора российскими гражданами стратегии общественного развития вполне может быть подменена оголтелым и всеобъемлющим манипуляционным информационным продавливанием «своего» кандидата. Никто из либералов в тот период не вспоминал о конституционно закрепленном финансовом равенстве кандидатов, а тем более равенстве в доступе к СМИ. Однако впоследствии такое отступление от нравственных конституционных демократических принципов, объясняемое конъюнктурной потребностью текущей ситуации и «политической целесообразностью», обернулось против самих либералов.

Приход к власти В. В. Путина и его стратегия укрепления вертикали власти основывалась не на пустом месте, а на тех правовых предпосылках дисбаланса политического потенциала и возможностей Президента РФ, которые были заложены в Конституции РФ, хотя и были «заточены» в свое время под конкретную форс-мажорную ситуацию и конкретно под Б. Н. Ельцина как лидера демократических сил.

Сама процедура передачи власти первого Президента РФ «своему» преемнику также носила политтехнологический характер и в очередной раз продемонстрировала противоречивое с нравственной точки зрения отношение к ст. 3 Конституции РФ о том, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является многонациональный народ»¹⁵. Реально народ стал объектом для информацион-

ного «очарования» с помощью информационных технологий имиджем молодого, энергичного и здраво рассуждающего преемника о необходимости наведения порядка в стране, стабилизации политического и социально-экономического развития, усилении роли государства во всех сферах общественной жизни. Эта стратегия была искренне поддержана большинством населения и привела к высочайшему (по западным стандартам почти абсолютному) рейтингу нового Президента РФ. Он получил на выборах мандат доверия населения, которым и стал энергично пользоваться (исходя из своего понимания текущей ситуации), но опираясь на тот инструментарий и колоссальные политические ресурсы президентской власти, которые были заложены именно либералами в действующей российской Конституции.

Реализация такой «авторитарной», но достаточно успешной стратегии социально-экономического развития, которая привела к улучшению жизненного уровня и стабилизации общественных отношений¹⁶, окончательно дискредитировала либеральные политические партии. Став в оппозицию президентской стратегии укрепления регулирующей роли государства, они постепенно утратили свой социальный и политический авторитет. Апелляция к либеральным ценностям не вызывала отклика у массы избирателей по разным причинам, но важнейшее значение имел именно нравственный аспект.

Либералы так и не взяли на себя ответственности за те негативные последствия радикальных социально-экономических преобразований, которые в 1990-е гг. проводились под либеральными лозунгами. Их оправдания сводились либо к тому, что оппоненты рыночных реформ¹⁷ не дали довести их до такого логического завершения, чтобы они могли принести полноценную положительную отдачу (Е. Гайдар), либо к тому, что был реализован ошибочный вариант преобразований, не имеющих ничего общего с современным социальным либерализмом (Г. Явлинский). В любом случае либералы не смогли (и не захотели) объяснить народу заложенный ими в 1990-е гг. социальный парадокс: почему борьба за нравственные демократические принципы, воплощенные в Конституции РФ, осуществлялась ими безнравственными способами, противоречащими правовым нормам? Поэтому все сегодняшние критические заклинания радикальной либеральной оппозиции против авторитаризма Путина (по типу постоянного шаманского камлания: «Путин должен уйти!») не вызывают широкой поддержки российских граждан по простейшей причине, обусловленной вопросом «А судьи кто?».

Еще один важнейший фактор, определяющий социокультурный и морально-нравственный кризис современного российского общества, — это отсутствие социально востребованного, осознанно воспринимаемого и поддерживаемого большинством населения идеала общественно-

политического устройства и соответствующего образа будущего в постсоветской России. Данная проблема более всего связана с пониманием большинством российского населения социального прогресса.

Ценности и принципы, заложенные в Конституции РФ, не работают в качестве такого идеала и положительного образа будущего по ряду причин. Важное значение имеет тот факт, что представленные в ней нравственные характеристики лишены единой логики. У них нет системообразующего ядра ни в виде идеологически оформленного проекта, ни в виде четко сформулированной привлекательной национальной идеи. Более того, Конституция РФ однозначно зафиксировала в ст. 13 признание идеологического многообразия и то, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹⁸.

Нравственные ценности, закрепленные в Конституции РФ, разнородны и представляют симбиоз социалистических, консервативных и либеральных ценностей, нередко противоречащих друг другу либо имеющих различные смысловые трактовки. Эти противоречия могли бы быть сняты на уровне привлекательного и объединяющего всех политического мифа в качестве стратегического мотивационного ориентира, но такового также не предлагают ни Конституция РФ, ни российские политические партии (во многом именно в силу своей многочисленности и жесткой конкуренции на одних и тех же идеологических сегментах).

Попытки привнести объединяющую все российское общество идеологию (например, в виде концепции «суверенной демократии») к успеху не привели. Не может снять указанное противоречие и стремления использовать в качестве интегрирующего начала отдельные традиционалистские ценности (например российской самобытности и державности). Обусловлено это во многом тем, что сам по себе миф державности стратегически не может быть работоспособным в качестве ключевой национальной идеи, так как не несет в себе мотивирующей идеи социального прогресса. Для этого он обязательно должен быть подкреплен понятным для всех привлекательным образом будущего, во имя воплощения которого люди согласились бы пережить сегодняшнюю ситуацию как временные трудности.

Мне могут возразить, что по Конституции РФ наша страна заявлена как правовое, социальное и демократическое государство и данные конституционные нормы вполне можно рассматривать как базовые стратегические характеристики образа будущего. Но главная причина их невысокой мотивационной эффективности состоит в том, что российское общество не отвечает в полной мере в реальной политической жизни ни одной из данных характеристик. Это расхождение и представляет собой тот самый определяющий фактор,

более всего негативно влияющий на нравственное состояние современного российского общества. Действует тривиальное жизненное правило: «рыба гниет с головы».

В политической номенклатуре современной России (независимо от идеологических и партийных пристрастий) господствует конъюнктурная мотивация в самых различных своих вариациях, имеющая самое отдаленное отношение к конституционным нравственным нормам. Это может быть «одноклеточный» и совершенно безответственный с позиций социального прогресса, откровенно корыстный интерес использования политики ради личной наживы (или правовой защиты уже приобретенного в лихие 1990-е гг. состояния). Это может быть карьерный интерес реализации вышестоящих указаний по обеспечению нужного процента голосов на выборах любой ценой. Это может быть относительно искренняя мотивация отступления от нравственных конституционных принципов во имя сохранения стабильности и порядка перед лицом угрозы прихода к власти националистов, радикалов и т. п. асоциальных элементов. Объединяет все указанные и иные вариации главное – рядовые российские граждане периодически видят очередную практику использования двойных нравственно-правовых стандартов. Одни предписаны для большинства российских граждан, а другие носят исключительный характер и конъюнктурно применяются теми, кто относит себя к политической элите. Главным и наглядным подтверждением этой дихотомии выступают постоянные коррупционные скандалы на самом высоком уровне и громкие судебные процессы, которые не изменяют ситуацию в лучшую сторону именно в силу своей периодичности и масштабности.

В советское время проявления подобных двойных стандартов объяснялись на официальном уровне как временные издержки и отклонения от генерального курса партии и минимизировались декларируемой высокой мессианской целью и наличием четкого образа построения светлого коммунистического будущего для всего человечества с не менее четкими нравственными характеристиками. Критерии социальной справедливости и нравственные принципы общественно-политического и социально-экономического устройства были сплетены идеологически в единую систему как основу социального прогресса в интересах всего советского народа и мирового сообщества.

Современные конституционные нравственные принципы, несмотря на их гуманизм и демократизм, не срабатывают в качестве мотивационных поведенческих факторов по причине того, что они вступают в логическое противоречие с мотивами поведения, определяемыми ценностями и образом жизни в рыночном обществе, в котором доминирующую мотивационную роль играют стандарты расширенного потребления, наживы и богатства. Это противоречие проявляется и в той

или иной степени осознается в западном обществе¹⁹, которое проделало путь от дикого капитализма к социальному и правовому государству (во многом именно под воздействием нравственных и социальных ориентиров той альтернативной модели, которую реализовывал СССР).

В 1990-е гг. от «светлых» идеалов коммунизма²⁰ в нашей стране был сделан радикальный шаг не к «светлым» демократическим идеалам, а к дикому периоду становления рыночных отношений и грабительской приватизации с соответствующим морально-нравственным климатом, определяемым кредо «homo homini lupus est» – «человек человеку волк». Становление демократических институтов, многопартийности, конкурентных выборов, свободы слова, конституционное закрепление прав и свобод личности – все было перечеркнуто упомянутым кредо. Дело не только в том, что российские граждане были отброшены на многие десятилетия назад по уровню жизни (что само по себе нанесло страшный социально-психологический и нравственный ущерб), но и в том, что они лишились веры в социальную справедливость и социальный прогресс в результате демократических преобразований.

Процесс безнравственного и асоциального присвоения бывшей всенародной собственности и внедрения рыночных отношений на несколько лет привел к ситуации выживания большинства российского населения в буквальном смысле этого слова, что не могло не сказаться на его нравственном состоянии. Нравственная деградация проявлялась в самых разных вариантах и разрушала социальные и духовные скрепы российского общества.

Вчерашние партийные и комсомольские лидеры, вещавшие с высоких трибун о верности делу строительства коммунизма, стали идеологами и пропагандистами «невидимой руки рынка», которая все отрегулирует и расставит по своим местам.

Лидеры национальных республик и автономий, клявшиеся делу интернационализма, стали проповедниками идей национализма и сепаратизма.

Президент Российской Федерации, который публично клялся «лечь на рельсы» в случае, если рыночная реформа не приведет к улучшению уровня жизни большинства населения, благополучно выдвинул свою кандидатуру на второй срок и благодаря невиданному информационному давлению либеральных сторонников смог обеспечить себе победу.

Обещания значительно сократить чиновнический аппарат (главный лозунг и аргумент демократов в борьбе с советской административно-командной системой) были мгновенно забыты. В результате постсоветская бюрократия в России многократно превзошла по своим количественным параметрам показатели всего СССР.

Привилегии советской партноменклатуры (против которой также боролись демократы) дав-

но померкли перед возможностями и масштабами официально признаваемой повсеместной коррупции на всех уровнях.

Социальные и нравственные характеристики многих «новых русских» с их криминальным прошлым и соответствующими кровавыми методами борьбы за собственность раскрыть могли не социологи, экономисты и культурологи, а криминалисты и специалисты по психопатологии.

«Свободные» журналисты «демократических» СМИ превратились в продавцов «чернухи» и «жареных фактов», в «телевизионных киллеров», в специалистов информационно-коммуникационного манипулирования общественным мнением.

Выборы, политическая конкуренция, многопартийность, свобода слова, конституционно закрепленные как институты демократии и каналы реализации волеизъявления рядовых граждан в политике, превратились в инструменты борьбы за власть беспринципных демагогов и популистов, в механизмы защиты интересов формирующегося класса собственников.

Эти конкретные проявления нравственной и социальной деградации можно продолжать до бесконечности, так как они не могли ограничиться только правящим классом, но неизбежно перекинулись на все сферы российского общества – от армии, системы образования и здравоохранения до обесценивания нравственной и физической чистоты взаимоотношений полов и дискредитации традиционных семейных ценностей. Рост наркомании, алкоголизма, детской и взрослой преступности, социальной апатии и девиантного поведения стали отражением не преодоленного по сей день социально-экономического и социально-политического кризиса и массовым проявлением нравственного коллапса, охватившего все российское общество.

Есть ли выход из нравственного тупика, без которого невозможно разрешить все остальные проблемы нашего общества – от модернизации политической системы и до реиндустриализации и обеспечения национальной безопасности страны? Вариантов прогнозов будущего России существует множество – от самых пессимистичных до радужно оптимистичных.

Проведенный анализ взаимозависимости конституционных норм и реальной политической практики позволяет констатировать, что в современной России отсутствует единство сущности, формы и конкретного содержания нравственных конституционных принципов на уровне их реального правоприменения. В оценке формальной сущности и содержания норм российской Конституции можно солидаризироваться с распространенным среди юристов мнением о том, что они представляют собой сочетание не только правовой, но и моральной максимы. Однако конкретную правоприменительную практику в сфере политических отношений можно оценить в значительном количе-

стве случаев как не соответствующую нравственным конституционным основам.

С одной стороны, Конституция РФ удерживает политическую жизнь в определенных правовых рамках, обязывает ведущих субъектов политики руководствоваться определенными правилами игры во взаимоотношениях друг с другом, государством и обществом. С другой стороны, эти правила игры соблюдаются, прежде всего, с точки зрения их формального соответствия нормам Конституции и законодательства Российской Федерации и гораздо меньше ориентированы на нравственную максиму. Ее недостаточная эффективность в качестве мотивационной преобразующей, интегрирующей и деятельностной силы для большинства российских граждан обусловлена, прежде всего, отсутствием четкого положительного образа будущего с соответствующими нравственными характеристиками, в которых были бы выражены сущность и стратегические цели демократического развития страны.

Кроме того, ключевую роль играют отступления от нравственной максимы Конституции РФ, которые проявляются не только в использовании пресловутого административного ресурса на выборах, в случаях судебной практики на основе «телефонного права», в технологиях информационно-коммуникационного манипулирования общественным мнением, но и в повседневной управленческой практике, в процессе принятия больших и малых политических и социально-экономических решений. Обосновываются они различными аргументами о стратегической и тактической целесообразности внутреннего и внешнего свойства, но наносят непоправимый ущерб нравственному состоянию всего российского общества, лишают его веры в сущность демократии, в силу и преобразовательно-регулятивную значимость и функциональность правовых норм Конституции РФ.

Приведение в соответствие декларируемой сущности и реального использования в политической практике конституционных норм в их нравственном контексте вряд ли может быть решено простой сменой политического лидера (как это предлагает радикальная оппозиция). Она может стать лишь результатом консолидированных усилий всего российского сообщества на всех уровнях. Но предварительным и обязательным условием видится нахождение компромисса между всеми политическими силами современной России на почве осознания ключевой опасности и неизбежности катастрофических последствий продолжения нравственной стагнации российского общества.

Надежды на его нравственное выздоровление заложены определенными тенденциями в деятельности власти в последние годы, но меры по искоренению коррупции и иных правовых злоупотреблений, меры по либерализации партийной и избирательной систем, как представляется, могли бы быть более решительными и убедительными для

российских граждан, чтобы они с очевидностью могли убедиться, что нравственное очищение начинается «с головы». Если этого не произойдет в ближайшее время, то в России в очередной раз может быть реализован либо один из вариантов революционного социального и «нравственного» обновления с непредсказуемыми последствиями, либо один из вариантов стагнации и медленного угасания, либо варианты распада страны и утраты суверенитета. Очень хочется быть оптимистом и надеяться на здравый смысл нашего правящего класса, по крайней мере той его патриотической части, которая связывает свое будущее с интересами России.

Примечания

- 1 См.: Конституция Российской Федерации и развитие современной государственности (к 15-летию Конституции Российской Федерации) : сб. тезисов докладов (по материалам Междунар. науч.-практ. конф., г. Саратов, 3–4 октября 2009 г.) / редкол. : О. С. Ростова (отв. ред.) и др. Саратов, 2009 ; Конституция и избирательное право : настоящее и будущее : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., г. Самара, 6 марта 2009 г. / под ред. проф. В. В. Полянского. Самара, 2009 ; *Хабриева Т. Я.* Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал российского права. 2008. № 12 ; *Эбзеев Б. С.* Конституция Российской Федерации : прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7 ; и др.
- 2 В дореволюционной России данной теме уделяли внимание многие видные отечественные правоведы (См., например: *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд. ; в 2 т. СПб., 1910. Т. 1 ; *Новгородцев П. И.* Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 103–113).
- 3 *Ситников А. В.* Право, нравственность и религия в современном обществе // Нравственные императивы в праве. 2010. № 3. С. 17.
- 4 См., например: *Вестов Ф. А., Тарасов И. П., Фаст О. Ф.* Соотношение морали и права в правовом государстве и их реализация в принципах права. Саратов, 2012.
- 5 *Батурин Ю. М.* Конституционные этюды. М., 2008. С. 17–18.
- 6 *Ланаева В. В.* Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 108.
- 7 Там же.
- 8 *Магадов Ш. Р.* Нравственность как конституционная ценность в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.
- 9 Например, один из исследователей данной проблематики, рассматривая принципы системы законодательства, для методологической чистоты анализа оставляет в стороне вопрос, «насколько эти принципы и цели реализуются на самом деле, а не просто декларируются» (*Тарасов И. П.* Нравственные начала правового государства. Саратов, 2011. С. 16).
- 10 *Магадов Ш. Р.* Указ. соч. С. 10.

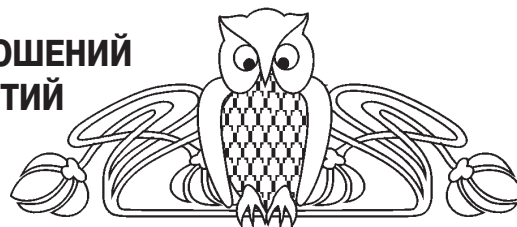
- ¹¹ Там же.
- ¹² Данный подход в рамках кандидатских диссертаций достаточно типичен. Такое убеждение сформировалось у меня на основе двухлетнего опыта в качестве члена диссертационного совета по юридическим наукам.
- ¹³ Особенно значимым фактором является система образования. Попытки концептуально синтезировать конституционные нравственные принципы и образовательные были предприняты в период подготовки государственных стандартов общего образования второго поколения (См.: Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков О. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М., 2009.)
- ¹⁴ См.: Конституция Российской Федерации. М., 2009. С. 4.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Этому способствовала благоприятная мировая экономическая конъюнктура, связанная с резким повышением цен на энергоносители.
- ¹⁷ Иногда встречается самый радикальный и безнравственный вариант оправданий: стратегия постсоветских преобразований была верной, но народ либеральным реформаторам достался «неправильный» и не реформируемый, с извращенным архаичным менталитетом.
- ¹⁸ Конституция Российской Федерации. С. 8.
- ¹⁹ Многие теоретики обоснования новых моделей глобального развития опираются на критику негативных последствий безудержного развития западного потребительского индивидуалистического общества (См., например: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000).
- ²⁰ Вопрос о степени их утопичности или реалистичности – это тема отдельного всестороннего объективного исследования, лишённого крайностей либеральных разоблачений советской «тоталитарной системы» и ностальгической идеализации коммунистического прошлого.

УДК 32.01

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: ПОЗИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

М. В. Данилов, О. Н. Куренкова

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru, olga-git64@mail.ru

Статья посвящена проблеме политизации трудовых отношений в современной России. На материале программ политических партий анализируются позиции основных политических субъектов относительно законодательства о труде. В работе сделан вывод о нарастающей политизации социальных проблем в России, в частности вопросов труда и занятости.

Ключевые слова: законодательство о труде, Трудовой кодекс, политические партии, партийные программы, политизация социальных проблем.

Political Aspects of Labor Relations in Russia: Political Parties Positions

М. V. Danilov, O. N. Kurenkova

The article deals with the problem of politicization of labor relations in modern Russia. On the material of the programs of political parties analyzed the position of the main political actors regarding labor legislation. The paper concluded that the increasing politicization of the social problems in Russia, in particular the issues of labor and employment.

Key words: labor legislation, labour code, political parties, party program, politicization of social issues.

Политическая жизнь состоит из массы явлений, которые приобретают политическую актуальность благодаря их повышенной общественной значимости. Как правило, данные явления по природе своей носят совсем неполитический характер, относясь к самым различным сферам социальных отношений: экономике, культуре,

религии, праву, быту и т. д. Неполитические проблемы становятся политическими в результате усилий разных акторов, таких как государство, партии, отдельные лидеры, средства массовой информации, влиятельные структуры гражданского общества. Именно они занимаются политизацией неполитического, наполняя партийные программы и выступления президентов, депутатов, министров тем содержанием, которое позволяет им оставаться адекватными общественным запросам.

Исследование процессов политизации общественных отношений предполагает понимание того, что некоторые традиционные политические институты и выполняемые ими функции могут анализироваться в новых ракурсах. К числу таких, безусловно, относятся политические партии. Положение партий в политическом пространстве общества, их роль в представительстве интересов социальных групп, влияние на государственную власть, идеологическое наполнение политической жизни, политическая мобилизация и социализация людей, участие в избирательном процессе приобретают новый смысл в рамках тематики политизации. По сути, это означает новый взгляд на партийную функциональность. Традиционные, классические функции политических партий в сегодняшних условиях могут быть трансформированы в рамках концепта «политизация» в деятельность по включению в состав политического

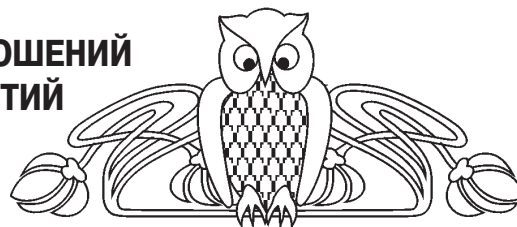
- ¹¹ Там же.
- ¹² Данный подход в рамках кандидатских диссертаций достаточно типичен. Такое убеждение сформировалось у меня на основе двухлетнего опыта в качестве члена диссертационного совета по юридическим наукам.
- ¹³ Особенно значимым фактором является система образования. Попытки концептуально синтезировать конституционные нравственные принципы и образовательные были предприняты в период подготовки государственных стандартов общего образования второго поколения (См.: Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков О. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М., 2009.)
- ¹⁴ См.: Конституция Российской Федерации. М., 2009. С. 4.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Этому способствовала благоприятная мировая экономическая конъюнктура, связанная с резким повышением цен на энергоносители.
- ¹⁷ Иногда встречается самый радикальный и безнравственный вариант оправданий: стратегия постсоветских преобразований была верной, но народ либеральным реформаторам достался «неправильный» и не реформируемый, с извращенным архаичным менталитетом.
- ¹⁸ Конституция Российской Федерации. С. 8.
- ¹⁹ Многие теоретики обоснования новых моделей глобального развития опираются на критику негативных последствий безудержного развития западного потребительского индивидуалистического общества (См., например: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000).
- ²⁰ Вопрос о степени их утопичности или реалистичности – это тема отдельного всестороннего объективного исследования, лишённого крайностей либеральных разоблачений советской «тоталитарной системы» и ностальгической идеализации коммунистического прошлого.

УДК 32.01

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: ПОЗИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

М. В. Данилов, О. Н. Куренкова

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru, olga-git64@mail.ru

Статья посвящена проблеме политизации трудовых отношений в современной России. На материале программ политических партий анализируются позиции основных политических субъектов относительно законодательства о труде. В работе сделан вывод о нарастающей политизации социальных проблем в России, в частности вопросов труда и занятости.

Ключевые слова: законодательство о труде, Трудовой кодекс, политические партии, партийные программы, политизация социальных проблем.

Political Aspects of Labor Relations in Russia: Political Parties Positions

M. V. Danilov, O. N. Kurenkova

The article deals with the problem of politicization of labor relations in modern Russia. On the material of the programs of political parties analyzed the position of the main political actors regarding labor legislation. The paper concluded that the increasing politicization of the social problems in Russia, in particular the issues of labor and employment.

Key words: labor legislation, labour code, political parties, party program, politicization of social issues.

Политическая жизнь состоит из массы явлений, которые приобретают политическую актуальность благодаря их повышенной общественной значимости. Как правило, данные явления по природе своей носят совсем неполитический характер, относясь к самым различным сферам социальных отношений: экономике, культуре,

религии, праву, быту и т. д. Неполитические проблемы становятся политическими в результате усилий разных акторов, таких как государство, партии, отдельные лидеры, средства массовой информации, влиятельные структуры гражданского общества. Именно они занимаются политизацией неполитического, наполняя партийные программы и выступления президентов, депутатов, министров тем содержанием, которое позволяет им оставаться адекватными общественным запросам.

Исследование процессов политизации общественных отношений предполагает понимание того, что некоторые традиционные политические институты и выполняемые ими функции могут анализироваться в новых ракурсах. К числу таких, безусловно, относятся политические партии. Положение партий в политическом пространстве общества, их роль в представительстве интересов социальных групп, влияние на государственную власть, идеологическое наполнение политической жизни, политическая мобилизация и социализация людей, участие в избирательном процессе приобретают новый смысл в рамках тематики политизации. По сути, это означает новый взгляд на партийную функциональность. Традиционные, классические функции политических партий в современных условиях могут быть трансформированы в рамках концепта «политизация» в деятельность по включению в состав политического

процесса новых явлений (экономических, культурных, правовых, социальных, бытовых и т. д.).

Поэтому партийная программа является ключевым документом политического дискурса. И хотя современный избиратель в основном ориентируется на более простые и адаптированные источники информации (листовки, плакаты, телевизионную и прочую рекламу), именно программа политической партии – официальный документ, заявляющий намерения и идейные взгляды партии, ее дальнейшие действия в случае победы на выборах¹. Программу можно рассматривать как базовую заявку партии на политизацию неполитических интересов заинтересованных групп и вовлечение в политику различных неполитических ресурсов общества. В программе содержится информация о реальной и гипотетической деятельности организации по самому широкому кругу тем. От точности «попадания в цель» партийной программы зависит успех партии на выборах. Это определяет содержательно-тематическое наполнение текста программы, соответствующие разделы, части, соотносимые с важнейшими политическими темами².

Одной из ключевых проблем социального и политического развития современной России являются трудовые отношения. Право на труд, уровень его оплаты и охраны, производительность труда, трудовая миграция уже достаточно давно стали не просто чисто социальными, экономическими или юридическими категориями. Чрезвычайно высокая общественная значимость предопределила политический статус данных сюжетов, что подтверждается их присутствием в политическом дискурсе и власти, и оппозиции.

В соответствии со ст. 37 Конституции РФ каждый имеет право на вознаграждение за труд без какой-либо дискриминации, поэтому особое место в системе трудовых правоотношений занимает институт оплаты труда. Действующий в современной России Трудовой кодекс вступил в законную силу с 1 февраля 2002 г. За более чем 10-летнюю историю Кодекс изменениям в части оплаты труда подвергался несколько раз – в 2004, 2006, 2007, 2008, 2011, 2012 гг. Наиболее серьезные изменения были внесены в 2006, 2007 гг. Вопросам оплаты труда работников посвящен отдельный раздел Кодекса, состоящий из трех глав и 35 статей, при этом в других главах ТК РФ также содержатся статьи либо положения, регулирующие вопросы оплаты труда работников.

Возможно, поэтому представители политической партии «Гражданская платформа», которая, как нам кажется, выражает по большей части интересы работодателей, для простоты и удобства пользования нормативным актам предлагают разработать и принять новый закон о заработной плате в России на базе некоторых глав действующего ТК РФ. Новый закон об оплате труда, по их мнению, «должен тесно взаимодействовать с налоговым законодательством. В этом законе

необходимо, наконец, определить на законодательном уровне минимальный часовой размер заработной платы. Это норматив, который действует в подавляющем большинстве стран мира и который позволяет весьма гибко регулировать трудовые отношения. И в этом законе, в частности, целесообразно определить конкретные размеры части заработной платы, с которой не взывается подоходный налог. Кроме того, в этом законе необходимо закрепить (возможно, через налоговое регулирование) приемлемое различие между минимальным и максимальным размером заработной платы в пределах одной организации³. Указанное предложение является техническим (за исключением определения минимальной часовой заработной платы) и, возможно, целесообразным для простоты работы бухгалтеров.

В соответствии со ст. 133 ТК РФ минимальный размер оплаты труда устанавливается одновременно на всей территории Российской Федерации федеральным законом и не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения⁴. Но, к сожалению, несмотря на многочисленные попытки разных партий привлечь внимание к этой проблеме и повышение с 1 января 2013 г. ФЗ РФ от 03 декабря 2012 г. № 232-ФЗ минимальной заработной платы до 5205 руб. 00 коп., до сих пор не удается сравнять прожиточный минимум и минимальную заработную плату.

Представители Коммунистической партии Российской Федерации считают, что «сегодня государство отрицает права граждан на существование, хотя и декларирует его. Начать следует с того, чтобы государство гарантировало гражданину РФ прожиточный минимум вне зависимости от того, чем он занимается и в каком состоянии находится. Цена вопроса небольшая – по данным Росстата, всего 380 млрд рублей в год»⁵. Политическая партия «Справедливая Россия» в своей программе провозглашает наиболее важной экономической и социальной задачей повышение оплаты труда. «Сегодня труд российского гражданина является одним из самых дешевых в мире, а его эксплуатация служит источником огромных сверхприбылей. В России сохраняется такое явление, как работающие бедные. Минимальный размер оплаты труда – позор для страны <...> Каждый человек, зарабатывающий на жизнь своим трудом, имеет право на достойное вознаграждение и социальную защиту. Не должно быть заработных плат, на которые нельзя жить»⁶.

При этом партия «Справедливая Россия» в лице ее лидера Сергея Миронова считает необходимым, так же как и лидер политической партии «Гражданская платформа» Михаил Прохоров, установить часовую форму оплаты труда, тем самым исключив выплату окладов и оплату труда по сдельным расценкам. Кроме того, начисление заработной платы по часовым ставкам приведет к обоснованному снижению заработной платы

работникам в некоторые месяцы года. Например, отработав все рабочие дни в январе или мае, работники будут получать меньшую заработную плату, чем в другие месяцы, так как количество рабочих часов в месяц в среднем – 168–176, а в январе 2013 г. – 136, в 2012 г. норма была 120 часов.

В своей программе, утвержденной 25 июня 2009 г., политическая партия «Справедливая Россия» предлагает установить нижний предел заработной платы, исходя из величины социального стандарта потребления, как минимальную почасовую ставку с тремя видами повышающих коэффициентов: региональным, отраслевым, квалификационным⁷. Установление минимально часовой ставки в зависимости от социальных стандартов потребления, возможно, на практике будет невыполнимым, потому что невозможно посчитать, сколько в час с учетом социальных стандартов потребления должен тратить гражданин. Таким образом, гарантируя в своей программе нижний предел заработной платы исходя из величины социального стандарта потребления, политическая партия «Справедливая Россия» все-таки обрекает работников на меньшее необоснованное снижение заработной платы при выполнении установленных работодателем за месяц норм труда и выработке всего рабочего времени.

Повышающие коэффициенты – стимулирующие и компенсационные выплаты – это составная часть заработной платы, которые предусмотрены действующим трудовым законодательством. Но никак от них не должны определяться ни минимальный оклад, ни минимальная ставка, ни минимальная заработная плата работника. Само понятие минимальной заработной платы, которое содержится в ст. 129, 133 ТК РФ, подразумевает, что это зарплата за неквалифицированный труд, выполняемый в нормальных условиях труда. Именно такая минимальная зарплата должна достигнуть уровня прожиточного минимума и в дальнейшем индексироваться, а уже с учетом ее размера соответственно повышается и размер оплаты труда квалифицированных работников или тех, кто трудится в условиях, отклоняющихся от нормальных.

Представитель Всероссийской политической партии «Единая Россия» руководитель комитета по труду Госдумы Андрей Исаев в феврале 2013 г. на встрече депутатов Госдумы с министром труда и социального развития Максимом Топилиным предложил до 1 июля 2013 г. разработать и принять «дорожную карту» по уравниванию минимального размера оплаты труда с уровнем прожиточного минимума⁸. Но в апреле 2013 г. министр сообщил, что минимальный размер оплаты труда достигнет величины прожиточного минимума к 2018 г.⁹ К сожалению, несмотря на единую позицию практически всех партий о необходимости повышения минимальной заработной платы хотя бы до уровня прожиточного

минимума, нас не ожидает принятие подобного закона в ближайшие годы.

В соответствии с Федеральным законом РФ от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ в ст. 133 Трудового кодекса РФ были внесены изменения, гарантирующие, что размеры тарифных ставок, окладов (должностных окладов), а также базовых окладов (базовых должностных окладов), базовых ставок заработной платы по профессиональным квалификационным группам работников, не могут быть ниже минимального размера оплаты труда. Однако, несмотря на реальное уменьшение заработной платы большого количества низкооплачиваемых работников, с 1 сентября 2007 г. в соответствии с Федеральным законом от 20 апреля 2007 г. № 54-ФЗ это положение, действовавшее менее 1 года, утратило силу¹⁰. Хотя все политические партии говорят о необходимости повышения заработной платы, о том, что в России по сравнению с Европой дешевая рабочая сила и работники получают меньше, чем на самом деле зарабатывают, этот закон был принят.

В 2006 г. в ТК РФ впервые появилась ст. 144, посвященная системам оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений. Конкретные условия оплаты труда с 1 декабря 2008 г. для работников федеральных бюджетных учреждений были установлены Правительством Российской Федерации, и с указанной даты все работники федеральных бюджетных учреждений перешли на новую систему оплаты труда. Работников учреждений, финансируемых из субъектового и муниципального бюджетов, изменения оплаты труда коснулись с 1 января 2009 г. В соответствии с новым законодательством резко увеличены полномочия руководителя бюджетного учреждения в вопросах распределения фонда оплаты труда и найма тех специалистов, которые необходимы в данный момент учреждению. В этой связи ЛДПР считала целесообразным закрепить норму об установлении зависимости зарплаты руководителя бюджетной организации от заработной платы основного персонала организации, в федеральном законодательстве (именно в Кодексе) и установить ограничение размера заработной платы руководителя организации, финансируемой из бюджета¹¹. Пожалуй, сложно согласиться с целесообразностью данного предложения в том аспекте, что оно дублирует норму, уже существующую в постановлении правительства.

Оплата труда – один из самых актуальных вопросов для всех граждан страны, именно поэтому политическими партиями высказывается столько предложений, связанных с заработной платой работников. Кроме того, учитывая роль и значение трудовых отношений для развития экономики и положения страны в мире, все политические партии в программах считают необходимым уделить внимание взаимоотношениям работников и работодателей. Так, «Единая Россия» для построения справедливого общества, основанного

на сильной социальной политике государства, в котором обеспечена высокая степень социальной защиты, где созданы равные стартовые возможности для всех, считает необходимым обеспечить стимулирование эффективной занятости и развитие современного трудового законодательства, в том числе социального партнерства¹². Целью социальной политики ЛДПР является обеспечение всем трудящимся, каждому гражданину России достаточного материального благосостояния и цивилизованного образа жизни¹³. КПРФ в своей «программе по выводу страны из кризиса» предлагает новое трудовое и социальное законодательство, которое предполагает: расширение сети социальных учреждений, надежную защиту материнства и детства, достойную старость, заботу об инвалидах, а для трудящихся – восстановление гарантий на достойную оплату и условия труда, на отдых и оздоровление, на повышение образовательного и культурного уровня и искоренение безработицы как признака капиталистической дикости¹⁴. Политическая партия «Гражданская платформа», выступая за развитие экономики и защищая интересы собственников предприятий, предлагает развитие социальной политики таким образом, чтобы «стимулировать» работников больше трудиться. В программе политической партии «Справедливая Россия» закреплены основополагающие идеи справедливости партии как борца за социальную справедливость, поэтому основные принципы направлены на увеличение гарантий прав работников и ужесточение контроля за работодателями.

Несмотря на активную социальную позицию партий, далеко не все они, к сожалению, уделяют внимание все более широко распространяемому явлению, как заемный труд. Запретить его вряд ли представляется возможным, но в Трудовом кодексе РФ нет норм о регулировании аутсорсинга персонала. Так, Михаил Прохоров в числе основных направлений совершенствования ТК РФ, в частности, называет введение новых эффективных форм занятости, связанных с развитием инновационной экономики, установление особенностей регулирования труда для работников малого и среднего бизнеса, снятие ограничений на заключение срочных трудовых договоров с возможностью их перезаключения, для чего предлагает создать специализированные трудовые суды для формирования эффективных механизмов оперативного разрешения индивидуальных и трудовых споров и легализации заемного труда¹⁵. А вот Всероссийская политическая партия «Союз труда» в своей программе прямо и категорично выступает за запрет заемного труда¹⁶.

Однако в современной России аутсорсинг персонала развит. На сегодняшний день многие компании используют заемный труд. Вызвано это разными причинами: снижение налогообложения, ответственности, минимизация расходов на охрану труда и социальное страхование, сниже-

ние гарантий при увольнении работников, привлечение временного персонала в зависимости от потребностей компании для ее развития. В настоящее время для заемных работников возникают проблемы с учетом рабочего времени, оплатой сверхурочных и праздничных дней, аттестацией рабочих мест, предоставлением соответствующих гарантий и компенсаций, также фиксацией, расследованием несчастных случаев на производстве. Аутсорсинг является в том числе и способом работодателей облегчить расторжение трудовых договоров с работниками. Как правило, с заемными работниками заключаются срочные трудовые договора на период действия договора об оказании услуг между двумя хозяйствующими субъектами.

Михаил Прохоров, например, еще в 2010 г. предлагал принять меры, направленные на повышение производительности труда и, как следствие, конкурентоспособности российской экономики. Для этого необходимо «прогнуть Трудовой кодекс под нужды работодателя. Особенно “мягкими” должны стать нормы, регулирующие сроки увольнения работников и работающих пенсионеров»¹⁷. Политическая партия «Гражданская платформа» предлагает введение новых эффективных форм занятости, связанных с развитием инновационной экономики, установление особенностей регулирования труда для работников малого и среднего бизнеса (гибкие формы занятости, например дистанционные рабочие места, и гибкие графики работы), снятие ограничений на заключение срочных трудовых договоров с возможностью их перезаключения¹⁸.

И если одним из принципов деятельности «Гражданской платформы» названо реформирование трудовых отношений так, чтобы сделать срочный трудовой договор основой взаимоотношений между работником, работодателем и профессиональными отраслевыми союзами, четко оговорив возможные условия его разрыва¹⁹, то политическая партия «Трудовая партия России» настаивает на изменении трудового законодательства с целью наделяния работников, трудящихся по срочному трудовому договору, всеми правами работников, трудящихся по бессрочному трудовому договору²⁰. А например, политическая партия «Российский Объединенный Трудовой Фронт» предлагает просто ограничить срочные трудовые контракты²¹.

Следующим камнем преткновения политических деятелей в трудовых отношениях является режим рабочего времени и времени отдыха. Михаил Прохоров, борясь за права работодателей, считает необходимым снять излишние ограничения, установленные трудовым законодательством для работодателя, в части рабочего времени, времени отдыха и процедур перевода на другую работу: пересмотреть нормы труда и снизить время отдыха работников вместе с сокращением предоставляемых сотрудникам льгот и компенсаций.

Еще в 2010 г. он предлагал внести изменения в Трудовой кодекс РФ, установив 60-часовую рабочую неделю для работников. И только после категоричного ответа Президента РФ и Всероссийской политической партии «Единая Россия» о том, что в стране не будет увеличена 40-часовая рабочая неделя, Михаил Прохоров пояснял, что 60 часов в неделю – для тех работников, кто желает по собственной инициативе дополнительно заработать, то есть для совместителей. Однако эти пояснения – попытки оправдаться, потому что в Трудовом кодексе разрешена работа по совместительству, в том числе у того же работодателя, то есть 40 часов по основному месту работы и 20 по совместительству. Вот и получается, сейчас работник может работать 60 часов в неделю. Более того, некоторые работники по собственной инициативе успевают работать и по трем трудовым договорам, то есть и по 80 часов в неделю.

Однако, Михаил Прохоров в декабре 2012 г. в интервью «Российской газете» опять высказал свое предложение «четко прописать в законе, что если человек хочет заработать дополнительные деньги на своем предприятии, работодатель вправе дать ему такую возможность <...> мы говорим о добровольном желании любого работника зарабатывать дополнительно <...> проблема еще и в том, что наш Трудовой кодекс на самом деле защищает только промышленных рабочих, а сейчас огромное количество профессий, которые а) вообще не нормированы в части продолжительности рабочего дня, б) позволяют выполнять работу дома и сразу для нескольких организаций <...> Надо привести трудовые отношения в соответствие с задачей по модернизации и инновационному развитию страны»²².

«Единая Россия» последовательно продолжает работу по сохранению 40-часовой рабочей недели по основному месту работы и созданию рационального времени отдыха. Так, Владимир Путин в 2012 г. на встрече с предпринимателями предложил рождественские праздники сделать короче, зато увеличить майские каникулы, например, ограничить рождественские праздники 7 января, Рождеством, а все, что накапливается дальше, переносить на май²³. И вот Федеральным законом РФ от 23 апреля 2012 г. № 35-ФЗ внесены изменения в ст. 112 Трудового кодекса РФ, в результате чего Правительству Российской Федерации предоставили полномочия переносить два выходных дня из числа выходных, совпадающих с нерабочими праздничными (рождественскими) днями, на другие дни в очередном календарном году.

А вот рациональное предложение «Гражданской платформы» о дистанционном труде было услышано, и 5 апреля 2013 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым Трудовой кодекс РФ был дополнен гл. 49.1, касающейся

регулирования труда дистанционных работников. Впервые в российском законодательстве закреплено, что дистанционной работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места работодателя при условии использования работодателем и работником по вопросам, связанным с выполнением работы, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет. Впервые трудовые отношения переходят на электронный документооборот, разрешено использование усиленных квалифицированных электронных подписей.

Другим актуальным аспектом социальной политики государства являются трудовые права матерей. Политическая партия «Гражданская платформа» считает необходимым создать такие условия труда, чтобы женщина после рождения ребенка быстрее возвращалась к работе, чтобы не потерять квалификации, в том числе с использованием дистанционной работы. Пожалуй, не все женщины захотят посвятить себя работе сразу после рождения ребенка, но когда ребенок подрастет и будет устроен в дошкольное образовательное учреждение, скорее всего женщина захочет вернуться на рабочее место. Но, к сожалению, после возвращения из отпуска по уходу за ребенком большинство работников «ждет» предложение работодателей подыскивать другую работу.

Согласно программе политической партии «Справедливая Россия» женщина должна быть уверена, что рождение ребенка не станет для нее концом профессиональной карьеры, что государством будут созданы условия, при которых она сможет успешно совмещать работу и воспитание детей. Труд многодетных родителей должен оплачиваться, чтобы женщина могла рассматривать свои материнские обязанности как полноценную альтернативу работе вне дома. Для этого партия предлагает продлить оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до трех лет и ввести «демографическую» надбавку к пенсии за ответственное родительство – воспитание троих и более детей законопослушными гражданами России. Ответственное родительство – это здоровые, благополучные и умные дети, а значит, качество всего нашего народа. Материнство и отцовство должны стать престижными²⁴. В целях реализации положений программы в 2006 г. Сергей Миронов как лидер партии предложил оплачивать материнский труд, пояснив: «Если мать хочет посвятить себя воспитанию детей, то государство должно оценить это решение и платить ей зарплату. Период времени ухода за ребенком и его воспитания должен учитываться при начислении пенсий. Если мы действительно думаем о том, чтобы будущее поколение выросло здоровым и физически и духовно, мы должны на законодательном уровне ввести понятие и принцип родительской зарплаты»²⁵.

В 2013 г. депутат фракции политической партии ЛДПР в Государственной думе Михаил

Дегтярев разработал и направил на заключение Правительства РФ законопроект о назначении досрочной пенсии женщинам, воспитавшим троих и более детей. По мнению Михаила Дегтярева, в случае принятия это будет эффективным способом стимулирования рождаемости и повышения благосостояния многодетных семей. «В начале XXI века стандартом многодетной семьи официально признана семья с тремя детьми и более. Семей с пятью детьми 2%. В современном мире родить и воспитать даже одного ребенка уже героизм, что же говорить о семьях с тремя детьми. Ну и о каком трудовом стаже можно вести речь, если мама воспитывает троих детей? Это и есть работа в прямом смысле слова, причем самая тяжелая <...> Досрочная пенсия – это возможность для многодетной матери получать регулярные денежные выплаты на 5–8 лет раньше, чем ее ровесницы, и одновременно продолжать работать и получать заработную плату»²⁶.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что взгляд на развитие политики через призму проникновения в нее разнообразных неполитических явлений и отношений способен расширить имеющиеся исследовательские подходы, обогащая политологию междисциплинарными связями с правом, экономикой, статистикой, маркетингом, социологией и другими дисциплинами. Быстро меняющаяся политическая обстановка диктует необходимость комплексного анализа. Одной из базовых характеристик современной политической жизни является чрезвычайно быстрое производство и внедрение всякого рода нововведений социально-политического плана. Буквально каждый день практика обогащается новыми правовыми нормами, экономическими ситуациями, аспектами функционирования политических институтов. Политическая ситуация в стране влияет на состояние и развитие трудовых отношений, так как именно большинство в Государственной думе Федерального собрания РФ принимает законы и тем самым «двигает» изменение трудового законодательства. Реализация конституционных прав на труд в безопасных условиях и его оплату без дискриминации невозможна без федеральных законов. Труд без влияния политики невозможен, как и политика без работников и работодателей.

Примечания

- 1 См.: Солопова О. А. Образ будущего в программных документах политических партий // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1(24). С. 56.
- 2 См.: Чернявская В. Е., Логинова И. Ю. Программа политической партии как персуазивный текст // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5, № 11. С. 67.
- 3 О новом трудовом законодательстве России // Кадровик. Трудовое право для кадровика. URL: <http://hr-portal.ru/article/o-novom-trudovom-zakonodatelstve-rossii> (дата обращения: 19.09.2013).
- 4 См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ. Глава 21. Заработная плата. URL: http://www.consultant.ru/popular/tkrf/14_28.html (дата обращения: 19.09.2013).
- 5 Герои труда вместо права на труд. URL: <http://kprf-kchr.ru/?q=node/4678> (дата обращения: 19.09.2013).
- 6 Программа политической партии «Справедливая Россия». URL: <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/SR> (дата обращения: 19.09.2013).
- 7 Там же.
- 8 См.: Обсуждается увеличение МПОТ до уровня прожиточного минимума. URL: <http://www.audit-it.ru/news/personnel/552027.html> (дата обращения: 19.09.2013).
- 9 См.: МПОТ в РФ достигнет прожиточного минимума к 2018 году – Минтруд. URL: <http://ria.ru/economy/20130412/932303523.html#ixzz2SvBy9W2b> (дата обращения: 19.09.2013).
- 10 См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ. Глава 21. Заработная плата. URL: http://www.consultant.ru/popular/tkrf/14_28.html (дата обращения: 19.09.2013).
- 11 См.: О внесении изменений в статью 145 Трудового кодекса Российской Федерации (о предельном уровне заработной платы руководящего звена в государственных учреждениях). URL: http://www.l DPR.ru/#power/Bills/Amendments_to_Article_145_of_the_Labour_Code_Russian_Federation (дата обращения: 19.09.2013).
- 12 См.: Программа политической партии «Единая Россия». URL: <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/ER> (дата обращения: 19.09.2013).
- 13 См.: Программа политической партии ЛДПР. URL: <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/Liber> (дата обращения: 19.09.2013).
- 14 См.: Политический отчет Центрального комитета XV съезду КПРФ. URL: <http://gazeta-pravda.ru/content/view/13631/79/> (дата обращения: 19.09.2013).
- 15 См.: О новом трудовом законодательстве России // Кадровик. Трудовое право для кадровика. URL: <http://hr-portal.ru/article/o-novom-trudovom-zakonodatelstve-rossii> (дата обращения: 19.09.2013).
- 16 См.: Программа политической партии «Всероссийский союз труда». URL: <http://minjust.ru/taxonomy/term/222?theme=minjust> (дата обращения: 19.09.2013).
- 17 См.: Карьерист.Ру. URL: <http://www.careerist.ru/article3298/2> (дата обращения: 19.09.2013).
- 18 См.: Прохоров предложил новый вариант реформы Трудового кодекса. URL: <http://mihail-prokhorov.ru/party/69-news.html> (дата обращения: 19.09.2013).
- 19 См.: Программа и устав политической партии «Гражданская платформа». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2425> (дата обращения: 19.09.2013).
- 20 См.: Программа и устав политической партии «Трудовая партия России». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2604> (дата обращения: 19.09.2013).
- 21 См.: Программа и Устав политической партии «Российский объединенный трудовой фронт». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2680> (дата обращения: 19.09.2013).
- 22 Дайте человеку заработать // Рос. газ. 2012. 21 дек.

²³ См.: О труде, отдыхе и налогах шла речь на встрече Владимира Путина с участниками съезда РСПП. URL: <http://www.1tv.ru/news/economic/198699> (дата обращения: 19.09.2013).

²⁴ Программа политической партии «Справедливая Россия». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2270> (дата обращения: 19.09.2013).

²⁵ Сергей Миронов : Труд в России недооценен. URL: <http://hrm.by/novosti/sergey-mironov-trud-v-rossii-nedootsenen.html> (дата обращения: 19.09.2013).

²⁶ Многодетным матерям – досрочную пенсию. URL: <http://oldpr.ru/sobytiya/mnogodetnym-materyam-dosrochnuyu-pensiyu.html> (дата обращения: 19.09.2013).

УДК 32.019.5

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Ю. Цаплин

Саратовский государственный университет
E-mail: anton.th2011@yandex.ru

В статье предпринимается попытка критического осмысления процессов, происходящих в информационной сфере современного общества. Обращается внимание на негативные последствия ее коммерциализации и глобализации. Рассматриваются изменения политической коммуникации в условиях превращения информации в товар массового потребления и монополизации глобального информационного пространства.

Ключевые слова: политическая коммуникация, информационное общество, информационное пространство, СМИ, инфотейнмент, консьюмеризм.

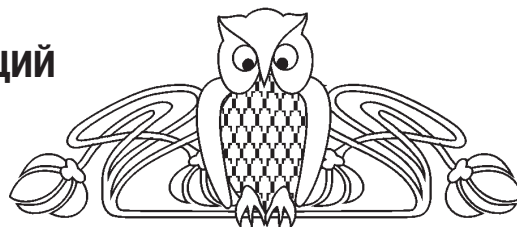
Problems of Political Communication in the Information Society

A. Y. Tsaplin

The article attempts to critical comprehension of the processes occurring in the information sphere of modern society. Draws attention to the negative consequences of its commercialization and globalization. Discusses the changes of political communication in the conditions of transformation of the information in mass products and monopolization of the global information space.

Key words: political communication, information society, information space, media, infotainment, consumerism.

Одной из тенденций современного общества, которая во многом определяет его информационный характер, является беспрецедентный за последние два десятилетия рост количества средств массовой информации и стремительное развитие технологий обработки, хранения, передачи и получения информации. Происходит постоянное удешевление еще вчера новых технологий и, как следствие, стремительное их распространение в массах. Если еще совсем недавно основным источником получения информации было эфирное вещание (с весьма ограниченным количеством каналов), то сегодня ему на смену пришло кабельное и спутниковое телевидение. Доступными стали десятки или даже сотни каналов, что привело к небывалому увеличению плотности информационных потоков. В этой связи многие исследователи уже давно задаются вопросом: стал ли современ-

ный человек более информированным? Приводит ли количественное увеличение информации к ее качественному изменению?

Многие ожидали, что в информационном обществе за счет появления новых технологий, большого количества СМИ обычный человек сможет с легкостью удовлетворить все свои информационные потребности и станет более знающим и просвещенным по разным вопросам общественной жизни, наступит эпоха «общества знания». Что же произошло на самом деле? Несмотря на небывалую ранее интенсивность информационных потоков, наиболее полно удовлетворяется только одна «потребность» индивида – получение развлечений. Информационной продукции такой направленности производится и потребляется больше всего. Поэтому современное общество можно было бы назвать обществом информационных развлечений. Хотя это всего лишь одна из его сторон. Чтобы понять суть происходящих перемен, нужно обратить внимание на то, что же является основными движущими силами сегодняшнего информационного развития?

Большой вклад в решение этой проблемы внес известный американский политолог Герберт Шиллер. Изучая процессы в информационной сфере капиталистических стран, он пришел к очень важному выводу: современное развитие информационных технологий не является следствием каких-то спонтанных процессов, в основе их создания лежат военные и частные коммерческие интересы¹. Соответственно, основное их назначение – это не служение обществу, а усиление военной мощи и извлечение прибыли. В США и во многих других странах, провозглашающих «рыночный тоталитаризм», означающий тотальное распространение коммерческих отношений на все сферы общественной жизни, информация уже давно стала товаром потребления, которая продается и покупается наряду с «зубной пастой, овсяными хлопьями или автомобилями». Во многом по аналогичному пути происходит раз-

²³ См.: О труде, отдыхе и налогах шла речь на встрече Владимира Путина с участниками съезда РСПП. URL: <http://www.1tv.ru/news/economic/198699> (дата обращения: 19.09.2013).

²⁴ Программа политической партии «Справедливая Россия». URL: <http://minjust.ru/ru/node/2270> (дата обращения: 19.09.2013).

²⁵ Сергей Миронов : Труд в России недооценен. URL: <http://hrm.by/novosti/sergey-mironov-trud-v-rossii-nedootsenen.html> (дата обращения: 19.09.2013).

²⁶ Многодетным матерям – досрочную пенсию. URL: <http://oldpr.ru/sobytiya/mnogodetnym-materyam-dosrochnuyu-pensiyu.html> (дата обращения: 19.09.2013).

УДК 32.019.5

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Ю. Цаплин

Саратовский государственный университет
E-mail: anton.th2011@yandex.ru

В статье предпринимается попытка критического осмысления процессов, происходящих в информационной сфере современного общества. Обращается внимание на негативные последствия ее коммерциализации и глобализации. Рассматриваются изменения политической коммуникации в условиях превращения информации в товар массового потребления и монополизации глобального информационного пространства.

Ключевые слова: политическая коммуникация, информационное общество, информационное пространство, СМИ, инфотейнмент, консьюмеризм.

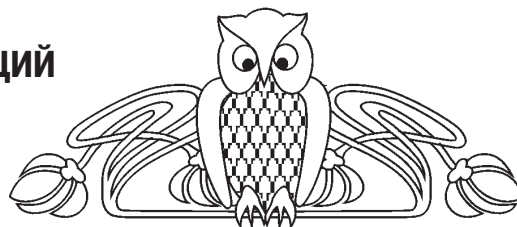
Problems of Political Communication in the Information Society

A. Y. Tsaplin

The article attempts to critical comprehension of the processes occurring in the information sphere of modern society. Draws attention to the negative consequences of its commercialization and globalization. Discusses the changes of political communication in the conditions of transformation of the information in mass products and monopolization of the global information space.

Key words: political communication, information society, information space, media, infotainment, consumerism.

Одной из тенденций современного общества, которая во многом определяет его информационный характер, является беспрецедентный за последние два десятилетия рост количества средств массовой информации и стремительное развитие технологий обработки, хранения, передачи и получения информации. Происходит постоянное удешевление еще вчера новых технологий и, как следствие, стремительное их распространение в массах. Если еще совсем недавно основным источником получения информации было эфирное вещание (с весьма ограниченным количеством каналов), то сегодня ему на смену пришло кабельное и спутниковое телевидение. Доступными стали десятки или даже сотни каналов, что привело к небывалому увеличению плотности информационных потоков. В этой связи многие исследователи уже давно задаются вопросом: стал ли современ-

ный человек более информированным? Приводит ли количественное увеличение информации к ее качественному изменению?

Многие ожидали, что в информационном обществе за счет появления новых технологий, большого количества СМИ обычный человек сможет с легкостью удовлетворить все свои информационные потребности и станет более знающим и просвещенным по разным вопросам общественной жизни, наступит эпоха «общества знания». Что же произошло на самом деле? Несмотря на небывалую ранее интенсивность информационных потоков, наиболее полно удовлетворяется только одна «потребность» индивида – получение развлечений. Информационной продукции такой направленности производится и потребляется больше всего. Поэтому современное общество можно было бы назвать обществом информационных развлечений. Хотя это всего лишь одна из его сторон. Чтобы понять суть происходящих перемен, нужно обратить внимание на то, что же является основными движущими силами сегодняшнего информационного развития?

Большой вклад в решение этой проблемы внес известный американский политолог Герберт Шиллер. Изучая процессы в информационной сфере капиталистических стран, он пришел к очень важному выводу: современное развитие информационных технологий не является следствием каких-то спонтанных процессов, в основе их создания лежат военные и частные коммерческие интересы¹. Соответственно, основное их назначение – это не служение обществу, а усиление военной мощи и извлечение прибыли. В США и во многих других странах, провозглашающих «рыночный тоталитаризм», означающий тотальное распространение коммерческих отношений на все сферы общественной жизни, информация уже давно стала товаром потребления, которая продается и покупается наряду с «зубной пастой, овсяными хлопьями или автомобилями». Во многом по аналогичному пути происходит раз-

витие информационной среды и в нашей стране. Однако необходимо понимать, что такая экспансия рыночных отношений чревата многими негативными последствиями. Проецирование главного принципа рынка – максимизация прибыли, на информационную сферу приводит к тому, что производители информационной продукции стремятся, с одной стороны, сократить свои издержки а с другой – удовлетворить потребности как можно большого количества людей. Поэтому акцент в информационной продукции СМИ смещается с общественно значимой информации на экономически более прибыльную, собирающую большие аудитории. В результате большинство телекомпаний предлагает один и тот же информационный продукт – развлечения, в виде разнообразных сериалов, шоу, фильмов, музыки и спорта. Их деятельность в рыночных условиях подчинена простому правилу – все, что предлагается массам, должно иметь низкую стоимость, поскольку массовая публика обладает низкой покупательной способностью. Естественно, это сказывается на качестве информационной продукции. На индивидуальную обрушивается шквал развлекательных программ, всего того, что Г. Шиллер назвал «информационным мусором». «Этот мусор развлекает, отвлекает, содержит массу сплетен и очень мало ценной информации»². Кто же хочет получить более качественную информацию, должен платить больше, так как ее себестоимость выше.

Примеров, подтверждающих, что платежеспособность определяет доступ к информации, в современной жизни достаточно. Так, многие российские операторы кабельного и спутникового телевидения ранжируют всю свою продукцию в зависимости от покупательской способности зрителей. Как правило, за абонентскую плату предоставляется только базовый пакет услуг, те же, кто хочет смотреть более качественные фильмы или спортивные передачи, образовательные или какие-либо другие специализированные каналы, должны дополнительно платить за это. Не стал исключением из этого правила и Интернет. За специализированную образовательную информацию тоже нужно дополнительно платить (платы за доступ к Всемирной компьютерной сети недостаточно). В первую очередь, это касается многих популярных научных журналов, которые предоставляют на не безвозмездной основе доступ к своим электронным архивам.

Несмотря на все это, признать, что уровень дохода определяет качество получаемой информации, можно только отчасти. В подавляющем большинстве случаев люди платят не за то, чтобы быть более информированными о происходящем или более знающими в какой-либо из областей наук, а за возможность доступа к различной развлекательной продукции. Причем чем разнообразнее развлечения, тем больше плата. Ни для кого не секрет, что подавляющее большинство предоставляемых за отдельную плату дополни-

тельных каналов – это развлекательная продукция. В первую очередь, это определяется имеющимся спросом, который, в свою очередь, связан с тем, что большинство людей воспринимают СМИ как источник развлечений, а не знаний. Но нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что рыночные законы делают крайне затруднительным самоокупаемость и уж тем более самостоятельное успешное развитие телевизионных проектов информационно-обзорной, образовательной, просветительской направленности, так как расходы на ее производство высоки, а аудитория, для которой она создается, немногочисленна.

Распространение рыночных ценностей на информационную сферу меняет характер массовой политической коммуникации. Подчиняясь общим тенденциям, новости и информационные сообщения тоже превращаются в товар. Можно полностью согласиться с Г. Шиллером, который писал: «Дикторы последних известий и комментаторы – первые из продавцов. За зрителей новостей ведется такая же конкурентная борьба, как и за зрителей любой другой программы, потому что рекламу следует продавать для поддержания «марки» и, что более важно, зритель, отданный конкуренту в 6 часов пополудни, может быть впоследствии потерян для последующих дорогостоящих программ, передаваемых в самые насыщенные телечасы. Таким образом, информация передается по тем же коммерческим законам, что и другие программы. В результате составители программ неизбежно постоянно гонятся за сенсацией и действием в репортажах»³.

Сегодня это явление получило название «инфотейнмент». По своему смыслу это понятие близко к термину «таблоидизация», описывающему аналогичные явления на печатном рынке. Инфотейнмент в данном контексте означает, что информационно-политические новостные программы и материалы представляются телезрителям в максимально привлекательной и развлекательной форме. Как отмечают многие аналитики, политическая коммуникация начинает строиться по правилам, присущим другим популярным жанрам, таким как романы, детективы, драмы, истории, комедии, сплетни, шутки и т. д. Из политической реальности СМИ вычлняются только те события, которые могут привлечь внимание массовой аудитории – непристойные сексуальные связи (скандал вокруг Сильвио Берлускони, Билла Клинтона и т. д.), разногласия и конфликты в кругу правящей элиты (политический кризис в Египте между «Братьями мусульманами» и военными, причем при его освещении акцент делается на динамике конфликта, а не на его содержании – предпосылках, позициях сторон и т. д.), слухи о политических знаменитостях. При этом очень мало внимания уделяется содержанию политики – причинам политических событий, деятельности политических институтов (парламента, политических партий, правительства) и т. д.

СМИ пытаются представлять политику как одно из многих развлечений. В свою очередь, сами политические субъекты пытаются соответствовать такому формату. В западной политической жизни стало распространенной практикой, когда известные политики принимают участие в популярных телешоу, снимаются в сериалах. Можно вспомнить избирательную кампанию Б. Клинтона, где ставка была сделана не на серьезные аналитические материалы СМИ, а на развлекательные программы: ток-шоу на каналах MTV и CNN. В своих предвыборных речах Б. Клинтон не апеллировал к идеологическим ценностям, а постоянно ссылаясь на Элвиса Пресли и даже исполнил его известный хит на саксофоне.

Существует точка зрения, что первостепенным критерием, по которому избиратель начинает сегодня оценивать политику, является ее зрелищность, скучна она или нет. И те политики, которые игнорируют эту трансформацию информационных и политических процессов, как правило, терпят неудачу⁴. Для политических систем подобно американской, где отсутствуют острые социальные противоречия, существует консенсус относительно базовых политических ценностей. Это возможно и так, хотя именно в США и странах Западной Европы уже давно отмечается снижение общего уровня политической активности, когда граждане все чаще воздерживаются от участия в голосовании и вступления в политические партии⁵.

Наверное, правильнее было бы сказать, что зрелищность это всего лишь один из критериев, имеющий первостепенное значение для не слишком образованной части электорального корпуса, лишенной при этом какой-либо политической идентичности и использующей для своей политической идентификации ценности популярной культуры. Рассмотрение политики через призму информационных развлечений приводит к тому, что у граждан складывается впечатление о ней как о «дешевой “мыльной опере”, в которой задействовано слишком много персонажей, происходит слишком мало событий и которая представляет слишком слабый интерес для общественности, имеющей доступ к широкому выбору развлечений»⁶.

Преобразование политической информации в товар массового потребления в корне изменило подходы к организации политической коммуникации. Произошедшая профессионализация этой сферы привела к тому, что для продвижения политического «товара» стало использоваться большое количество политических технологий, которые играют в политике ту же роль, что и маркетинговые технологии в экономике. Как представляется, идея Ю. Хабермаса о том, что использование политическими субъектами имиджевых, рекламных и прочих политических технологий приводит к существенному искажению информации, доходящей до ее конечных получателей⁷, то есть

обычных граждан, не потеряла своей актуальности и в наши дни.

В современных демократиях все политические субъекты стремятся к управлению информационными потоками и, соответственно, к дозированию и «обработке» исходящей от них информации. Хотя мало кто признается в этом. Как отмечает Фрэнк Уэбстер: «Сейчас, когда управление с помощью информации приобрело огромные масштабы и интенсивность, а его приемы стали гораздо более изощренными, появилась тенденция вообще отрицать его существование. Сегодня появилась тьма специалистов по пиару, консультантов, которые занимаются связями политиков и ведущих бизнесменов со СМИ <...> вся эта публика утверждает, что озабочена исключительно “совершенствованием коммуникаций”, <...> добивается, чтобы “месидж” клиентов достигал цели, <...> обучает навыкам, которые необходимы для создания развитой экономики». основополагающий принцип, лежащий в основе всех этих практик, либо замалчивается, либо отодвигается на второй план. А принцип-то сводится к тому, чтобы создавать такую информацию, которая бы убедила потребителя поступать в соответствии с интересами тех, кто платит за эту информацию, то есть управлять информационной средой людей с целью контролировать их поступки»⁸. Тем не менее, как показывают многочисленные практики, общественность очень чутко реагирует на это и начинает воспринимать политическую коммуникацию как разновидность коммерческой коммуникации, по отношению к которой уже давно сформировался устойчивый негативный стереотип. Это приводит к снижению эффективности традиционных приемов и каналов политической коммуникации. В условиях отсутствия объективной информации о политической жизни, не имея возможности объективно оценить реальность, у многих людей формируется негативное отношение к политике⁹. С недоверием воспринимается почти вся официальная политическая информация, распространяемая по традиционным каналам коммуникации. Так, из опыта российских избирательных кампаний известно, что люди в большинстве своем перестали доверять красивым программам и обещаниям, а верят только конкретным делам. В такой ситуации поддержкой, в первую очередь, пользуются политические партии и кандидаты, обладающие материальными или административными ресурсами и что-то уже конкретно сделавшие для улучшения жизни обычных граждан. Этим может во многом объясняться успех такого партийного проекта, как «Единая Россия», которого не было у других партий власти.

Речь идет о том, что люди осознают, что искусственно создаваемая продукция, например, в форме имиджа кандидата или партии, может не иметь ничего общего с реальностью. Это вызывает устойчивое недоверие к политической информа-

ции в целом. У индивида оказывается недостаточно информации для принятия рационально обоснованных решений. Поэтому он начинает отказываться от своей активности в роли гражданина (от участия в выборах, политических акциях), концентрируясь на роли потребителя политической продукции. Снижение гражданских мотиваций компенсируется потребительским отношением к политике, усилением потребительской мотивации политического поведения. Избиратели ждут сиюминутного решения существующих проблем, улучшения своего материального благополучия от предлагаемых политических товаров. Иными словами, выбор все чаще основывается не на каких-то ценностях, а на интересах личной выгоды.

Очевидно, что такое электоральное поведение уже само по себе несет угрозы для демократических политических режимов. Отечественный политолог С. Пшизова считает, что «часть из них связана с появлением феномена перманентной избирательной кампании и переносом методов и технологий избирательного процесса в процесс принятия государственных решений, тогда как разница между ними существенна и требует различных подходов. Государственные решения не всегда являются популярными и могут находиться в противоречии с массовыми настроениями, тем самым снижая рейтинги политиков. Однако повышение рейтинга – главная цель любых избирательных технологий и основной критерий оценки их качества. Тогда как у эффективного государственного управления и цели, и критерии совершенно иные»¹⁰.

Обратная сторона информационного общества в том, что профессионализация сферы управления информационными потоками достигла своего апогея и поспособствовала наступлению кризиса традиционных форм и каналов правительственной и партийной коммуникации. Поэтому в той или иной степени сегодня все политические субъекты озабочены проблемой поиска новых способов эффективной связи со своими избирателями. Определенным потенциалом решения этой проблемы обладает интернет-коммуникация. Основная ее привлекательность в том, что она делает возможной межличностную и групповую коммуникацию между людьми, находящимися на большом расстоянии друг от друга. Это коммуникация без посредников, не имеющая пространственных и временных ограничений. Сейчас, в силу ряда объективных факторов, ее потенциал раскрыт далеко не полностью. Хотя многие политики и партии уже давно активно осваивают интернет-пространство, создают собственные интернет-сайты, общаются со своими сторонниками через «Твиттер» и другие социальные сети. Так, активными пользователями Интернета является председатель правительства Д. Медведев, вице-премьер Д. Рогозин и многие другие российские политики. Уже стало распространенной практикой появление самых «горячих» сообщений именно в

интернет-блогах известных политиков и бизнесменов, а уже затем их дальнейшее распространение другими СМИ.

В современном обществе трансформируется вся система массовых коммуникаций. Информационное общество – это глобальное, открытое общество, где отсутствуют преграды для финансовых и информационных потоков. Национальные границы информационных пространств постепенно размываются. Создается единое глобальное информационное пространство, где системообразующую роль начинают играть транснациональные медиакомпании, среди которых выделяются такие информационные гиганты, как **News Corporation** Руперта Мердока, контролирующая ряд ведущих СМИ Великобритании (Times, Sunday Times, Sun), США (New York Post, сеть телевизионных станций Fox), Австралии (Australian, Telegraph, Herald Sun), **Time Warner** (Time, телевизионная сеть «Новости и мнения» – HLN), куда входит детище Теда Тернера – круглосуточная новостная служба CNN, известная своими репортажами «с места событий». Это глобальные поставщики информации, чья информационная продукция распространяется по всему миру. Например, передачи CNN смотрят более чем в 200 странах в разных регионах мира.

По данным компании ZenithOptimedia¹¹, в первой десятке крупнейших мировых медиакомпаний (по данным за 2011 финансовый год) находятся сразу шесть компаний, производящих контент, включая News Corporation (третье место) и Time Warner (шестое место). Большинство из них американского происхождения. Де-факто складывается ситуация, когда политическая картина мира представляется так, как ее видят владельцы 5–6 крупных медиакорпораций. Такая неявная монополизация глобального информационного пространства создает благоприятную почву для тенденциозного, одностороннего освещения событий. Можно вспомнить, какая информационная кампания развернулась по всему миру накануне свержения иракского режима. Мировую общественность пугали наличием у Садама Хусейна оружия массового поражения, которого, как выяснилось, на самом деле не было. Перед нанесением воздушных ударов по Ливии западные СМИ возмущались зверствами Муаммара Каддафи, одновременно с этим формировали позитивный образ оппозиция, которая, когда ей представилась возможность, далеко не цивилизованными методами расправилась с самим Каддафи. По схожему сценарию освещается сейчас вооруженный конфликт в Сирии. Западные СМИ в негативных красках описывают «режим Башара Асада», по отношению к которому в общественном сознании формируется негативный имидж – образ врага, тогда как вооруженная оппозиция, а это исламские фундаменталисты, напротив, представляются в позитивном свете.

Монополистический характер западной медиа-системы приводит к тому, что СМИ не

только формируют виртуальные образы мира, обращая внимание (или приукрашивая) на одни факты и замалчивая другие, но и грубо искажают существующую реальность. Наглядным примером, подтверждающим это утверждение, стало информационное освещение грузино-осетинского конфликта, произошедшего в августе 2009 г. Как известно, западной общественности была преподнесена абсолютно искаженная, медийная версия действительности – о якобы вооруженной агрессии России против Грузии. Хотя на самом деле ситуация была диаметрально противоположной. Международные СМИ, такие как CNN, Sky News, с первых же часов конфликта стали формировать общественное мнение против России, представляя ее как агрессора. Показывались кадры обстрелов грузинскими войсками Цхинвала с комментариями о нападении России на Грузию. После этого новость о том, что русская армия уничтожает мирное население в Гори, что есть тысячи жертв бомбардировок, стала транслироваться многими национальными телеканалами европейских государств. Кроме этого, некоторые известные информационные агентства, например Reuters, распространяли поддельные фотоснимки грузинских жертв российских бомбардировок в Гори, которые вскоре стали появляться на страницах авторитетных печатных изданий (Daily Standard, Times, Guardian). Несмотря на то что в дальнейшем некоторые телеканалы, в частности BBC, выступили с опровержением показанных репортажей и извинились перед своими телезрителями, западное общественное мнение до сих пор считает Россию агрессором, а М. Саакашвили жертвой.

Таким образом, если в индустриальном обществе благоприятным условием для массовых манипуляций является наличие национальных информационных монополий, например, как это было в СССР, то в информационном обществе тот же самый эффект достигается крупными транснациональными медиакомпаниями. Важно понимать, что природа информационного общества располагает к укрупнению медиасистем и превращению информации в товар. По этому пути пошло информационное развитие многих стран. Хотя в некоторых случаях национальные

правительства предпринимают попытки создать противовесы таким негативным последствиям информатизации. Во-первых, это связано с тем, что сложившаяся америко-центристская модель глобальной информационной системы устраивает далеко не всех. Во-вторых, путь коммерциализации информационной сферы ведет к изменению природы политической коммуникации, которая становится фактически разновидностью коммерческой коммуникации. Это негативно сказывается на восприятии демократических институтов обществом, способствует распространению консьюмеризма, то есть потребительского отношения граждан к политике.

Примечания

- ¹ См.: Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / пер. с англ. В. М. Погостина, А. Н. Бурмистенко. М., 1980. С. 186.
- ² Цит. по: Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной. М., 2004. С. 201.
- ³ Шиллер Г. Указ. соч. С. 168.
- ⁴ См.: Соловьев А. И. Политические коммуникации. М., 2004. С. 44.
- ⁵ См. например: Dalton R. J., Scarrow S., Cain B. E. Advanced Democracies and the New Politics // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15, № 1 ; Pattie Ch., Seyd P., Whiteley P. Citizenship and Civic Engagement : Attitudes and Behavior in Britain // Political Studies. 2003. № 51 ; Putnam R. Bowling Alone : The Collapse and Revival of American Community. N. Y., 2000.
- ⁶ Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С. И. Остнек. Харьков, 2010. С. 141.
- ⁷ См.: Habermas J. The Structural Transformations of the Public Sphere. Cambridge, 1989.
- ⁸ Уэбстер Ф. Указ. соч. С. 258.
- ⁹ См.: Вилков А. А. Избирательные технологии: проблема эффективности и политических последствий // Власть. 2003. № 4. С. 17–18.
- ¹⁰ Пишцова С. Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей» : политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Полис. 2008. № 1. С. 113.
- ¹¹ См.: URL: <http://www.zenithoptimedia.com> (дата обращения: 25.08.2013).

УДК 323, 316.42

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

И. В. Кирдяшкин

Томский государственный университет
E-mail: kirdjshkin@mail.ru

В статье рассматривается содержание глобального коммуникативного контекста политической социализации молодежи. Выделяется ряд его компонентов: переходность смыслов, ослабление правил, проявления культурной гетерогенности, приоритет модуса настоящего времени, индивидуализация взаимодействий, усиление темпов изменений, культура архаических стереотипов, культура «небезопасного общества» и феномен Старшего Брата.
Ключевые слова: глобализация, политическая социализация молодежи.

Communicative Context of Political Socialisation of Youth: Global Aspect

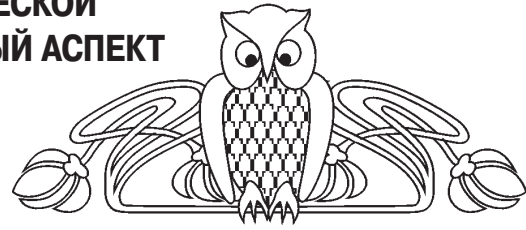
I. V. Kirdiashkin

In article the maintenance of a global communicative context of political socialisation of youth is considered. Are allocated a number of its components. It transitivity of senses, absence of rules, displays of cultural heterogeneity, a priority modus the present, an individualization of interactions, strengthening of rates of changes, culture of archaic stereotypes, culture of «an unsafe society» and a phenomenon of the Big brother.

Key words: globalisation, political socialisation of youth.

При росте измерений политической социализации в современном обществе изначально важным является ответ на вопрос о сущности восприятия человеком политического мира. В этом отношении базовые определения политической социализации, согласно которым человек в ней осваивает политический мир и его культурные основы, можно дополнить несколькими теоретическими положениями. В их числе положение о том, что политическая социализация есть процесс познания базовых основ политического мира, его культуры и механизм самопознания человека, изучение которого имеет междисциплинарный характер. Положение о эпистемологическом измерении политической социализации можно «уточнить» положением о том, что познание основывается не на получении знания о политическом мире в «чистом» виде, знание всегда опосредовано контекстом. На языке контекста с человеком «говорит» современность. Глобальные его параметры определяют смыслы этой респонденции.

Исследование процессов и методов политической социализации молодежи, выражающее релевантный аспект социализации вообще, определяет состояние и характер пространства такого контекста политической социализации как коммуникации. В данном случае коммуникация

рассматривается в духе концепции коммуникации немецкого философа, социолога Н. Лумана. Коммуникация в его теории не определяет передачу или «перенос» сообщения от отправителя получателю. Коммуникация – отбор. «Коммуникация, – пишет исследователь, – выхватывает из любого актуального горизонта указаний, который она же и конституирует, нечто и оставляет в стороне иное <...> Отбор, актуализирующийся в коммуникации, конституирует свой собственный горизонт; он уже конституирует то, что отбирает отбор, а именно как информацию. То, что информация сообщает, не только отбирается, оно уже само есть выбор и в силу этого сообщается. Поэтому коммуникация должна пониматься не как двухзвенный, а как трехзвенный процесс отбора»¹. Коммуникация состоит из информации, которую мы выбираем из контекста как репертуар возможностей, сообщения как установления сопряженности системы с информацией, ее смыслом и понимания как принятия или непринятия отбора. Вместе с тем понимание представляет собой сконструированный аспект реальности². Поэтому коммуникативный контекст детерминирует понимание смысла политической социализации и политического участия.

Коммуникативный контекст образует знаковое пространство ограничения коммуникации в процессе политической социализации, артикулируя в качестве ведущих способов понимания политической реальности те, а не иные политические смыслы и формы операционализации политических событий, реализующие стратегию социально-политического контроля и форм регуляции политической социализации.

Коммуникативный контекст можно определить как априорную форму коммуникации человека и политического мира, его культуры и структурообразующих ценностей, меняющую образ социальной и политической реальности. Контекст как средство познания политического мира изменяет его предмет, вбирая в себя и определяя тематическое пространство его изменения. Контекст есть осмысленная в горизонте возможных организация сообщения политического мира с системами окружающего мира. При этих теоретических допущениях ключевой особенностью коммуникативного контекста политической социализации именно молодежи является важность его нацеленности на выигрыш во времени. Иначе говоря, нацеленность на потенциальные когнитивные схемы как схемы

выделения человеком потенциального «своего» в структуре политического мира, того «своего», которое еще не состоялось как устойчивая когнитивная схема или компетенция в политическом сознании молодого человека. Они должны представлять шанс повысить вероятность невероятных политических коммуникаций, согласующих разнообразие появившихся представлений о смысле политического мира и его институтов. В этом есть мотив попадания в искомое начало пути, в заново сконструированное начало формирования политического мира, в новое понимание его смыслов. Благодаря средствам роста эффективности технической коммуникации коммуникативный аспект, в том числе сформированный определенной политической культурой, начинает приобретать глобальное значение. Важно исследовать его сущностные стороны, определяющие в том числе конкретику пространства глобальных политических коммуникаций на будущее.

Одной из значимых тенденций современности является усиление темпов развития социального порядка, в котором каждый человек и культурный сегмент обретают значимость как системы, конструирующие и реализующие смысл. Конструирование общественных коммуникаций, их смысл и способ реализации все более исходят с позиций смыслов и опыта разных «наблюдателей». Тенденция сопровождается снижением роли социальных, увеличением значимости индивидуальных приоритетов и ценностей, ростом эффекта технических средств коммуникаций и производства «представлений» о социальной реальности. Это провоцирует: ослабление влияния на политику и смыслы политической социализации онтологических потребностей человека; ломку, трансформации этико-моральных стандартов; усиливает непредсказуемость социальных процессов и влияние феноменов, связанных с потенциальной (виртуальной) реальностью. Она меняет значение базисных мотиваций в обществе, задавая новые уровни и дифференциации ожиданий.

Суть современности можно определить как время кайрос, актуализирующий лиминальный аспект ценностей и смыслов современных политических миров как мест-пространств интеграции молодого человека. Кайрос стимулирует рост различий и числа потоков коммуникаций как образов и смыслов политического, презентуя вектор на общественную дифференциацию. В результате коммуникации нацелены на ограничение и формирование собственных, отклоняющихся форм, расщепляя политическое пространство смыслов и действий человека. Кайрос отличен ослаблением общих ценностно-нормативных опор бытия, обращением к прошлому за их мобильным (с целью исключения рисков коммуникации) восстановлением и повышением ценности событий настоящего. Это сопровождается тенденциями снижения значимости проекций будущего для общества. При этом кайросу свойственна установ-

ка на бесконечность бытия человека и его «вечную юность», придающую устойчивость интенциям всевозможности и всепреодолимости.

Концепция времени кайрос характеризует современность как процесс трансформации смыслополагающих конструкций общества, ставящий человека в ситуацию поиска, выводя на передний план задачу создания новых качеств времени, «опережающих» коды власти, преобразуя средства «конструирования» мира, делая политическую социализацию молодежи ресурсом вовлечения в системные операции общества новых структурных компонентов (ценностных, когнитивных), обеспечивая сохранение социума как целостности. Кайрос обозначает разрыв между двумя зонами – достаточно протяженными отрезками мировой истории, во время которых не происходит никаких чрезвычайных и радикальных событий, способных резко изменить ее ход, – когда совершается нечто экстраординарное, порождающее серьезные последствия для судьбы всего человечества. В кайросе происходят основные политические события, когда проявляются творческий динамизм, идейное нетерпение и духовная тревога, формирующие эпохи жизни народов и стран³.

Свойства переходного периода трансформируют весь мир социальности. И. Валлерстайн, выделяя в своей теории миросистемного анализа кайрос как трансформационное время-пространство, связывает его со временем-пространством человеческого выбора и периодом особо интенсивных свершений и преобразований. Оно воплощается не в последовательности событий, а в долговременных ментальных конструкциях, культурных архетипах, социальных иерархиях, то есть в «горизонтальных» цивилизационных структурах исторических систем. Это время, когда человек не может избежать морального выбора, в этом времени человек реализует свою свободную волю, творит новый порядок⁴.

По замечанию К. С. Пигрова, в кайросе синтезируются восходящая и нисходящая концепции современности. Первая, восходящая концепция вытекает из идеи прогресса. Во второй, нисходящей концепции современность теряет свою положительную значимость, в ней время «портится». В кайросе эти понимания соединяются, дополняя друг друга, осуществляя полноту времени, так как в нем нечто глубинное объединяет людей и их поступки. Кайрос – общественная тенденция, определяющая характер⁵ поколений человеческой культуры. Современность характеризует концепт «постсекулярность». Она демонстрирует культурную растерянность, охранительные рефлексии, общую депрессию позднего индустриализма, консюмеризм, моральный релятивизм, эксцессы секуляризма. И это проявляется на фоне роста «цены» нематериальных активов человеческого бытия, составляющих в том числе результат их персонализации⁶.

Кайрос – момент в истории, который не обусловлен причинной связью, его причины не поддаются рациональному осмыслению, то есть осмыслению с позиции доминирующих в обществе ценностей и когнитивных схем, представлений. У философа культуры П. Тиллиха кайрос в его особенном смысле, решающий судьбу нынешней ситуации, есть приход новой теонмии на почве секуляризованной и опустошенной автономной культуры. Теонмной П. Тиллих называет культуру, все формы которой пронизывает и направляет сознание присутствия Безусловного. Кайрос в его общем и специфическом смысле, по мнению П. Тиллиха, есть каждый поворотный момент в истории, когда вечное судит и преобразует временное⁷. Концепция времени кайрос характеризует современность как процесс пересмотра ведущих смыслополагающих конструкций общества, ставя человека в ситуацию поиска новых, выводя на передний план задач управления создание нового качества времени, то есть времени, построенного в том числе на предпосылках нового опыта человечества.

Важность концепции предопределяется процессами усиления значения темпоральности как измерения индивидуального и социального бытия человека. Кайрос сопровождает рост мобильности изменений. Мобильность становится способом современного существования. Растет скорость передвижения, транспорта, систем обработки информации. Трансформации – время ускорения темпов жизни. Необходимость вписаться в подобный режим, замечают В. И. Чупров и Ю. А. Зубок, обуславливает появление культурных образцов ускоренного темпа жизни как способов адаптации к стремительно меняющейся, убегающей и «ускользающей реальности» (термин З. Баумана). Подобные образцы жизни «на скорую руку» в условиях сиюминутности в современной социологии получили название «инстант-культура». В условиях ускорения жизни индивидов (групп), пишут В. И. Чупров и Ю. А. Зубок, саморегуляция основывается на «быстром знании» (а по существу, стереотипах) о том, как оптимизировать результат в короткое время. Они подсказывают и референтные образцы, и цели, и способы достижения этих целей кратчайшим путем⁸. «Инстант-культура» может иметь разные образцы, но их мотивация не могут не детерминироваться собственно национальными, культурными стереотипами мышления и особенностями видения окружающего мира.

Политическая социализация становится важным фактором как ресурс «достройки» этих стереотипов, регулирования их усвоения в качестве целей и способов социализации, преодоления архаичности ценностей и способов существования и создания предпосылок будущего общества. Это не исчерпывает задачи политической социализации как фактора «опережения» времени.

Кайрос несет и запрос на различие как состояние конкуренции и синтеза символических

потенциалов культур. Так, современный мир характеризуют высокая степень социальной (и культурной) мобильности. Этому способствует, пишет Г. Ю. Канарш, усиление межкультурного взаимодействия, контактов и миграционных потоков. В результате большинство современных обществ не являются гомогенными в культурном отношении, они включают представителей иных культур, став культурно мозаичными. Данная ситуация, отмечает исследователь, порождает серьезную проблему того, каким образом в условиях этнической и культурной неоднородности возможно сохранение единства и стабильности обществ⁹.

Кайрос – «среда» конструирования концепций терпимости к «инаковости» и экстремизма в достижении целей, плодом противоречий которых должны стать новые, более комплексные критерии гражданственности. Действительность, пишут исследователи, без выверенных ориентиров, признаваемых авторитетов становится питательной средой двух крайностей саморегуляции: с одной стороны, толерантности в форме модной политкорректности, терпимости к «инаковости», даже в ущерб интересам большинства; с другой – различных отклонений и экстремизма, таких как максимализм и фанатизм в реализации собственных целей либо, наоборот, тотальное отрицание, нигилизм (общественно-полезной деятельности, законов, морали)¹⁰. Как следствие происходит активизация и переформатирование первоэлементов конструкций опыта и ориентационной оси «свой – чужой».

В этом отношении коммуникативный контекст политической социализации молодежи важен как проводник идей и технологий культурного и социально-политического согласия, нацеленный на формирование основ новых смыслов гражданской культуры, способных генерализовывать растущие культурно-индивидуальные различия.

Кайрос определяет персонализацию мировосприятия. В результате трансформируется социальность, важными элементами которой выступают сети межличностных отношений. Они обеспечивают взаимодействие, поддержку, идентичность, обработку информации. Вместе с тем ориентация в сети требует различных, изменяющихся под воздействием смены индивидуальных смыслов и направленности потоков «сообщений», знаковых выражений схемы восприятия «свой-чужой», технологизируя отношения между людьми.

Технологизацию отношений демонстрирует и набирающий развитие их сетевой формат, где схема «свой – чужой» – его основа. При этом сетевой формат во многом заново открывает значение индивидуальности в общественно-политических процессах, приковывая внимание к ней как источнику новаций, случайности, сложности. Сетевой формат социальности также усиливает значимость коммуникативных событий или «сообщений», точнее, потоков «сообщений», делая

социальные связи более гибкими и мобильными. Они становятся в той или иной мере «субъектами» глобальных процессов, реализуя новые социокультурные синтезы.

Как констатирует Вал. А. Луков, вызовы глобализации, выраженные в коллажах из фрагментов разных культурных стилей, формируют новые проблемные поля современной воспитательной деятельности. Во-первых, из иерархических структур, формальных институтов, из сферы заботы государства, церкви, системы образования воспитание все больше переходит в социальные общности, масштаб которых не имеет значения – лишь бы в общности была высокая степень идентичности, разделяющая людей, в нее входящих, на своих и чужих. Во-вторых, на фоне глобализации с ее развивающимся тотальным «контролем» над странами и личностью идет переконструирование связей, образующих общности. Иерархия в повседневной жизни людей все в большей мере уступает место социальным сетям. Причем исследователь отмечает, что эффекты сетевого построения общества проявлялись и раньше, но не имели такого значения для личности и общества, как в настоящее время. Уже сейчас сети преодолевают одномерного человека. В-третьих, сочетание иерархии и сетей позволяет разнообразить воспитательный импульс и, главное, обойти тотальность воздействия средств массовой информации. Этот обход, считает исследователь по путям, в чем-то напоминающим руссоистские планы воспитания нового человека, где воспитатель вновь ищет возможность опереться на соразмерность человека природе, простым и естественным человеческим отношениям¹¹. Сочетание иерархии, при условии ее опоры на образ и ценности социального будущего, и сетей может придать устойчивость социализации. При этом социализация уже будет иметь не столько национально-государственный, сколько глобальный «социальный охват».

«Кооперация» сетей, их согласование немислимы без комплексных концептов реальности и символических средств. Трансформационный аспект социальности требует от молодежной политики артикуляции «сообщений», которые могли бы нести двойное содержание, сочетающее в себе персональное или локальное измерение смысла и его компонент, создающий интерактивную способность связи с «сообщениями», образующими глобальное измерение социализации.

Актуальность сетей как форм социализации среди молодежи основана на актуальности для нее выработки ценностно-нормативных основ бинарного схематизма селекции информации «свой – чужой», который составляет ведущий механизм функционирования и организации социальных сетей как альтернатив иерархическим структурам. В условиях трансформационного общества правила и нормы, на которых строится деятельность иерархий и институтов, становятся условностью. Более актуальными становятся

коды согласования различий и их бинарные символические механизмы селекции информации, выступающие регулятивами действия.

При этом не уходит значимость общих целей воспитания, проблематика которых в современных обществах стала одной из благоприятных факторов развития глобализации как проекта всемирной коммуникации и социального контроля. Общие цели воспитания определяются ценностями будущего, следуя из понимания мира как целостности, предопределяя вектор эволюции человека и общества, следующий из определенной «картины мира», дающей возможность использования в теоретических обобщениях и культурных программах какую-либо «часть» знаний о реальности. Это позволяло обществу строить относительно всеобщий уровень коммуникаций, выраженный в ценностях и приоритетах воспитания, социализации молодежи.

Актуальность политической социализации молодежи стимулируется ситуацией, когда модерн как процесс отграничения и утверждения в качестве универсалии социального порядка «части» знаний о мире, его «картины», относительно целостно отображающей некоторое число эмпирических фактов или событий, начинает ощущать недостаток символических ресурсов для генерализации различий. Преодоление этой ситуации требует как технологий продуцирования и заимствования символических средств, так и расширения пределов смысла проекта модерна как уровня всеобщей коммуникации.

Кризис модерна, ведущий к потере универсальных ценностей всеобщей коммуникации, актуализирует специфические смыслы управления социализацией молодежи. Нынешняя современность представляет особый этап эволюции модернити, которую он характеризует в разных терминологических понятиях. В частности, «легкий модерн», «дисперсная, сетевая модернити», «второй модерн», «текущую», связанную с подвижностью ее структур, отношений и традиций¹². И она имеет ряд особенностей.

Первой является то, что современное общество характеризует неопределенность. Хаос, пишет З. Бауман, перестал быть главным врагом рациональности, цивилизации, рациональной цивилизованности. Общество, «вещи», настоящее уходят из-под контроля. Все меняется и не подлежит регулированию. В этой ситуации стратегия борьбы за власть состоит в том, чтобы сделать одну из сторон неизвестной переменной в расчетах других сторон и предостеречь любую их возможность выступить в аналогичной роли. Господство достигается устранением правил, ограничивающих собственную свободу выбора, и установлением максимально возможного количества правил, предписывающих нормы поведения всем другим. «Чем шире поле для маневра, тем больше моя власть. Чем меньше моя свобода выбора, тем слабее мои шансы в борьбе

за власть»¹³. В условиях современного модерна эта диспозиция обретает новое содержательное наполнение. Правят те, которые максимально приблизились к возможности мгновенного перемещения, т. е. реально получили контроль над временем. Доминирование состоит в способности ускользнуть, отдалиться и праве выбирать скорость собственного перемещения. Современность помещает инструментарий управления в пространство и механизмы анти-нормативности. Управление политической социализацией становится феноменом, берущим начало в структурах и акторах, устанавливающих правила жизнедеятельности не только в национально-государственном, но и (возможно, столько) в глобальном политическом, социально-экономическом масштабах.

Многие исследователи рассматривают современность как «общество риска», которое обозначает утрату социально-политической традиции, ситуацию, когда ни в одной из сфер жизнедеятельности мы не можем рассчитывать на определенность. С этим связанная неопределенность обнаруживает не только многозначность коммуникации, но и ее случайный характер. Коммуникация предстает в качестве вероятностного процесса, непрогнозируемого и не «обеспечивающего» традицией как проверенной практикой.

Влияние риска, отмечает Ю. А. Зубок, распространяется на организованные формы жизнедеятельности, на глубинные слои сознания и ситуативную мораль в обществе. Повсеместное взаимодействие индивидов и групп с условиями риска, считает исследовательница, способствует выработке отношения к риску как к естественной части содержания современного бытия. В сознании людей, пишет она, складывается определенный тип ценностно-нормативной системы, в которой риск является интегральным компонентом¹⁴. Как считает У. Бек, вместо ценностной системы общества социального неравенства на передний план выдвигается ценностная система «небезопасного общества». И если утопия равенства содержит идеал всеобщего благополучия, то образ общества риска ведет к требованию постоянной защиты. Никто, пишет исследователь, уже не думает о том, как иметь что-то лучше, думают о том, как избежать худшего¹⁵. Культура «небезопасного общества» способствует расширению значения властной стороны социального, ее трансформации в вид несанкционированного правовой регламентацией действия власти.

Проблемы общества риска усугубляются и синергетическим эффектом наложения прошлых (неразрешенных) проблем и новых глобальных вызовов. Регулятивом властного действия становится сопряженность с индивидуальным миром переживания человеком реальности. Индивидуальное восприятие коллективного опыта все более определяет процесс выбора политической, социальной позиции в социализации. Это усиливает сложность прогнозирования социальных и

политических процессов, скепсис по отношению социальным и политическим нормам общежития как таковым. Как отмечает Т. Лайф, индивидуализация, характеризующаяся общим снижением значения нормативности, стимулирует протест молодежи против общества¹⁶.

Индивидуализация в теории У. Бека означает «деконструкцию» прежних форм жизни и замену их на новые, при которых индивиды должны инсценировать свои биографии самостоятельно. Подобная реконструкция не происходит случайно или по индивидуальному замыслу, а определяется более общими условиями, создаваемыми обществом, государством. Индивидуализация, считают исследователи, означает дезинтеграцию определенностей индустриального общества, равно как и необходимость нахождения новых основ или источников определенности, то есть защищенности¹⁷. Процессы индивидуализации ослабляют социокультурные предпосылки политического консенсуса. Общество состоит из противоречивых пространств, являющихся и индивидуализированными (закрытыми), и глобально открытыми. В частности, молодое поколение через Интернет как индивидуализировано, так и космополитизировано. Индивидуализация биографий, вместе с культом личных достижений, порой сомнительных с точки зрения все же существующих моральных норм, дает крен политической социализации в пользу критериев, связанных со стратегией формирования лишь имиджа, сконструированной искусственной популярностью и известностью молодых людей, красиво сделанной «оболочки» человека как гражданина.

Важнейшим качеством современности является сложность выбора стратегии индивидуального развития. Мир сделался лишенным прочных оснований, определяя интерес молодежи к готовым решениям и социокультурным стратегиям.

Негативные последствия реализации модерна определяются его инструменталистской трактовкой (Ю. Хабермас). Инструментализм можно определить как часть исходной направленности модерна на отрицание сверхчувственного, культуры иденционального типа, традиции и прошлого. Инструментализм как путь нахождения универсальных критериев рациональности и способ управления культурным разнообразием определяет «изгнание» трансценденции из культуры. Эта установка нацелена на управление сложностью и устранение культурных различий, завоевание пространства как приоритет материального понимания сущего. Эта установка не только не преодолена в современности, но и еще более актуализирована в качестве ориентации в управлении сложными процессами. Актуализируется риск, в частности, связанный с цивилизационно-техническим окружением, которое создано человеком.

В индивидуализированном обществе почти ничем не ограниченная свобода делает так, что человек, ее постигнувший, может лишиться

уровня жизни, общественного положения без «предупреждения». Ценой сверхсвободы стала небезопасность, неуверенность, неясность того, куда пойдет ход вещей, кому верить.

Происходит перемещение смысла человеческого существования к проблеме возможного, задается вероятностное видение современности, сопряженное со свободой без онтологии. Это дает специфическое прочтение актуальности и смыслов современной молодежной политики, предполагает ее нацеленность на урегулирование проблем безопасности, снижение конфликтности социализации, преодоление неопределенности. Ценности современного общества, включающие ценностную систему «небезопасного общества», продуцируют релевантные им коммуникации, конструкции мировоззрения и социального контроля. Их структурные образцы формируют специфические парадигмы воспитания молодого поколения.

В частности, формирующиеся обществом риска воспитательные концепции, моделируются в теле-шоу «Старший Брат». Близким ему по жанру стали французское шоу «На чердаке», англо-американская игра «Слабое звено», американско-английская «реалистическая драма» «Последний герой». З. Бауман связывает возникшую на рубеже веков популярность телеигры «Старший Брат» с новыми страхами. Название идет от образов романа Дж. Оруэлла «1984», где «Старший Брат» был символом, проницающей весь жизненный путь человека, жестокой и беспринципной власти. «Старший Брат» есть обобщенный образ непредсказуемого, но управляемого всем внешнего мира, который предстает перед зрителями и участниками шоу причудливым и непредсказуемым, преподносящим один сюрприз за другим, при этом никогда не раскрывающим своих карт. «Старший Брат» и «Слабое звено» демонстрируют зрителям «используемость человека». История выживания вынужденно разворачивается по одному и тому же сценарию. В этой игре жалость и сострадание равносильны «самоубийству».

Реалити-шоу «Старший Брат» – игра на выживание. Вытеснение других в этой игре является нормой. В противном случае вытеснят тебя. Это главный принцип успеха в теле-шоу. Совместные «альянсы», дружеские связи в игре существуют лишь «до особого уведомления» и распадутся, как только в них пропадет нужда. Важным событием игры является ежедневный ритуал публичной исповеди. Вышедшие из «боя» победителями исповедуются наряду с униженными и проигравшими. Люди рассказывают свои истории. В них каждый считает обязанным своим успехом только самому себе (своей проницательности, сообразительности), а в проигрыше винит только отсутствие или нехватку у себя всех или некоторых из этих качеств¹⁸.

Так формируется своеобразная концепция современного воспитания, порожденная обществом риска. Как замечает Вал. А. Луков, в педагогике

«Старшего Брата» и последовавшей за ним телеигры «Слабое звено» и других в качестве положительной программы жизни представляются идеи, которые излагались в мировой литературе (философской, художественной) как программа людей порочных, антиподов гуманизма. Исследователь выделяет несколько постулатов, следующих из модели мира, представленного в игре. Во-первых, это опора на себя, выживание любой ценой. Во-вторых, жизнь есть игра. Игровая основа жизни обретает ясные контуры. Игра из казино перемещается в обыденное поведение людей. В-третьих, планирование жизни не имеет смысла, длительные личные планы дезориентируют человека в обществе неопределенности и риска. При этом декларируется установка – жить сегодняшним днем. Теряет смысл подготовка к будущим этапам жизненного пути человека. В-четвертых, если нет места для долгосрочных жизненных планов, то движение от этапа к этапу происходит через волю Старшего Брата, то есть движение индивида по жизненной траектории определяется неведомой внешней силой¹⁹.

Источником воспитательных идей становятся не утрачивающие авторитет родители и учителя, а анонимная, не имеющая лица, сила – Старший Брат. Он, в отличие от образа Оруэлла, не требует любви, благодарности или верности. Он «выполняет» свою работу при том условии, что его подопечные не вмешиваются в его деятельность и принимают ее как должное, не задумываясь о ее мотивах, не пытаясь их понять. Он беспристрастен и непредсказуем, создавая условия и правила, непостижим, не связан природой и разумом²⁰. Старший Брат являет собой образ анонимного регулятора общества, который непредсказуем и может быть «опасен» в своих решениях. В этом отношении коммуникативный контекст актуализируется для выработки нормативов совместного бытия представителей разных возрастных групп, снижения вероятности дискриминации их представителей и радикализации настроений молодежи. При этом фигура Старшего Брата, обозначающая неопределенность критериев политической социализации (и социализации вообще), делая этот процесс по своей сути манипулятивным, а коммуникацию мало вероятностной.

Таким образом, к ведущим компонентам глобального коммуникативного контекста политической социализации молодежи, которые образуют знаковое пространство ограничения коммуникации в процессе политической социализации, реализуя социально-политического контроля и глобального формата его регулирования, можно отнести следующие смысловые блоки: устойчивость интенций всевозможности и всепреодолимости при принципиальном отсутствии (отсутствии ценности) правил, индивидуализация и сетевизация отношений, актуализация архаичных стереотипов как способов организации реальности, мозаичность культуры, культура «небезопасного общества»,

превознесение культа человека индивидуального и вместе с тем феномен Старшего Брата как мотива неспособности повлиять на происходящее. В целом они представляют собой переходные значения ценностей и смыслов политического мира и составляют производную, в том числе, «выживательных» стратегий общества, диктуя отбор соответствующих ценностей и образцов, а также моделей политической социализации. Их отличием является краткосрочность взаимодействия с Другим, возможно, его «игнорирование».

Управление коммуникативным контекстом политической социализации современной молодежи актуализируется в условиях трансформаций, обусловленных переходным значением критериев социализации, тенденций ослабления значимости модуса будущего для общества. Концепция времени кайрос определяет современность как темпоральность, актуализирующую коррекцию, пересмотр ведущих смыслополагающих конструкций общества, ставя человека в ситуацию поиска, выводя на передний план задач управления создание нового качества времени, то есть времени, построенного на предпосылках опыта (ценностях, мировоззрении), способных «опережать» коды власти в целом. Актуальность определяет усиление значения темпоральности как измерения индивидуального и социального бытия человека. Кайрос сопровождает рост мобильности изменений (скорость транспорта, средств и обработки сообщений). Ускорение темпов жизни порождает значимость в качестве средств саморегуляции «быстрого знания», основанного на стереотипах и архетипах как целях и способах достижения этих целей кратчайшим путем. Коммуникативный контекст политической социализации молодежи важен как ресурс «перестройки» этих стереотипов и регулирования их усвоения, преодоления архаики социального существования и создания предпосылок будущего общества, средство формирования новых основ (смыслов, ценностей) гражданской культуры, нацеленной на генерализацию индивидуально-культурных различий.

Трансформации социальности определяют коммуникативный контекст в символическое средство, «сообщения» которого несут содержание, сочетающее в себе персональное или локальное измерение смысла, и его компонент, создающий интерактивную способность связи с «сообщениями» из других источников, выводящих на глобальное измерение смысла социализации как коммуникации. На передний план выдвигается ценностная система «небезопасного общества», формирующая релевантные ей коммуникации процессов социализации, усиливающие модус настоящего. Среди них опора на себя, выживание любой ценой, жизнь есть игра, формирование имиджа гражданина как его краткосрочную «оболочку». В этом плане коммуникативный контекст политической социализации молодежи важен как регулятив систем выработки критериев совмест-

ного существования представителей различных возрастных групп. Важна его нацеленность на снижение дискриминации какой-либо из этих групп (в частности, молодежи), на снижение рисков социализации, как важных предпосылок «выигрыша» во времени, а также – на формирование сущностных, связанных с историческими культурными смыслами, в частности, российской цивилизации, но не фантомными «оболочками» гражданина от политической конъюнктуры.

Снижение значимости универсальных критериев, ценностей и уровней коммуникации ведет к инерции и хаотизации векторов социальных трансформаций и замедлению времени общества (эволюции ценностей и представлений), снижению темпов его «адаптации» в окружающем мире. В этой связи актуализируется роль коммуникативного контекста политической социализации для общества в качестве средства ускорения времени как условия его выживания в среде других обществ, нового «выигрыша» во времени в технологиях жизнедеятельности. В условиях снижения значимости ценностей всеобщей коммуникации (ослабляющих модус будущего для общества), провоцирующих рассогласование траекторий изменений, коммуникативный контекст может выступать в качестве средства создания предпосылок социальных изменений. Коммуникативный контекст становится важен как средство, проецирующее потенциальные возможности согласия, синтеза элементов локальной и индивидуальной культур, ментальных и виртуальных измерений бытия человека, механизмы их социальной и персональной реконструкции, образующих целостное, сотканное из разнообразия траекторий время будущего для общества. Это время непременно должно быть релевантно истокам культурных смыслов общества, «проверенных» событиями истории и «выживших» в ней в качестве центров притяжений коммуникаций многих поколений. Только так можно сдерживать порой разрушительные силы времени кайрос и формируемого им глобализационного коммуникативного контекста.

Примечания

- 1 Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 196.
- 2 См.: Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007. С. 310.
- 3 См.: Бачина В. А. Библейская теология времени и вечности // Модусы времени. Социально-философский анализ : сб. ст. СПб., 2005. С. 215.
- 4 См.: Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства : к пониманию наших исторических систем // Время мира : альманах. Новосибирск, 2001. Вып. 2. С. 116.
- 5 См.: Пигров К. С. Современность : время инноваций и настоящее // Модусы времени. Социально философский анализ. С. 155, 160.

- ⁶ См.: Неклесса А. И. Будущее и грядущее : кризис современного мира // Полис. 2012. № 2. С. 76.
- ⁷ См.: Тиллих П. Избранное : теология культуры. М., 1995. С. 228–231.
- ⁸ См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи. М., 1995. С. 297.
- ⁹ См.: Канарш Г. Ю. Социальная справедливость : философские концепции и культурная ситуация. М., 2011. С. 178.
- ¹⁰ См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А. Указ. соч. С. 304.
- ¹¹ См.: Луков Вал. А. Теории молодежи. Междисциплинарный анализ. М., 2012. С. 375.
- ¹² Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С. 130–131.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Зубок Ю. А. Риск как фактор социального развития молодежи : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2003. С. 170.
- ¹⁵ См.: Beck U. Risk society revised : theory, politics and research programs // The risk society and beyond. Critical issues for social theory / eds. B. Adam, U. Beck, J. V. Loon. L. : Sage Publications, 2000. P. 49.
- ¹⁶ См.: Leif T. Individualisierung als Katalysator jdtu Bremser von Engagement? // Heitmeyer W., Jacobi J. Politische Socialisation und Individualisierung. Weinheim ; Munchen, 1991. P. 145–147.
- ¹⁷ См.: Beck U. Risk society : towards a new modernity. L. : Sage Publications, 1992. P. 13–14 ; Зубок Ю. А. Указ. соч. М., 2003. С. 162.
- ¹⁸ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. XLI – XLV.
- ¹⁹ См.: Луков Вал. А. Указ. соч. М., 2012. С. 105.
- ²⁰ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. С. XLVI–XLVIII.

УДК 32.019.5

«НОВОСТНЫЕ ЦЕННОСТИ» РОССИЙСКИХ СМИ

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: avrossoshanskiy@mail.ru

Статья посвящена понятию «новостные ценности» и тем «фильтрам», на основе которых происходит отбор и освещение новостей в отечественных СМИ. На конкретных информационных материалах рассмотрены технологии фрейминга в российских СМИ.

Ключевые слова: «новостные ценности», информационная «повестка дня», фильтрация новостей, технология фрейминга.

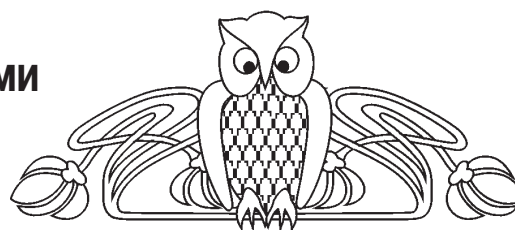
«News Values» of the Russian Mass Media

A. V. Rossoshanskiy

The article is about the notion of «news values» and filters the Russian media usually use for selecting and covering certain issues. Framing is analyzed on the basis of news stories run by the Russian mass media.

Key words: «news values», media agenda, filtering of the news, framing.

Ежедневно в мире происходит огромное количество событий, которые насыщают информационную сферу современного общества. Но информация становится новостью только в том случае, если она получает освещение в СМИ, занимает определенное место в информационном пространстве. В этом смысле СМИ формируют новостную повестку дня, целенаправленно воздействуют на общественное мнение, программируют не только настоящее, но (в определенной степени) и будущее поведение политических акторов. Освещая многообразие политической жизни, комментируя и интерпретируя различные политические события, СМИ зачастую очень противоречиво реализуют свою политическую функциональность. С одной стороны, они пред-

лагают социуму такие ценностно-смысловые модели, которые могут объединять общество, цементировать его, эффективно снимать социальную напряженность. С другой, в случае абсолютизации отдельных мотивов в формировании «повестки дня» и использования определенных технологий подачи материала, они могут подрывать устойчивость общественно-политической и социально-экономической системы, способствовать нагнетанию противоречий между отдельными социальными группами в определенных сферах жизни российского общества.

При отборе событий, субъектов и проблем, достойных освещения в средствах массовой информации, используется три основных фильтра новостного формата. Прежде всего, это политические, экономические и коммуникативные интересы собственников и главного редактора¹ как составные элементы редакционной политики. Во-вторых, собственно «новостные ценности», то есть критерии оценки события как информационного повода. В-третьих, большое значение имеет технологическая специфика «производства» и распространения новостей в различных СМИ (например печатные и электронные).

В рамках данной публикации рассмотрим только специфику «новостных ценностей» российских СМИ, основные приемы, которые используются для их внедрения в массовое сознание, а также их противоречивые последствия для общества.

Как представляется, наиболее четко понятие новостной ценности сформулировано в книге американского автора Джозефа Доменика «Динамика массовой коммуникации»², а также в работе

- ⁶ См.: Неклесса А. И. Будущее и грядущее : кризис современного мира // Полис. 2012. № 2. С. 76.
- ⁷ См.: Тиллих П. Избранное : теология культуры. М., 1995. С. 228–231.
- ⁸ См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи. М., 1995. С. 297.
- ⁹ См.: Канарш Г. Ю. Социальная справедливость : философские концепции и культурная ситуация. М., 2011. С. 178.
- ¹⁰ См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А. Указ. соч. С. 304.
- ¹¹ См.: Луков Вал. А. Теории молодежи. Междисциплинарный анализ. М., 2012. С. 375.
- ¹² Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С. 130–131.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Зубок Ю. А. Риск как фактор социального развития молодежи : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2003. С. 170.
- ¹⁵ См.: Beck U. Risk society revised : theory, politics and research programs // The risk society and beyond. Critical issues for social theory / eds. B. Adam, U. Beck, J. V. Loon. L. : Sage Publications, 2000. P. 49.
- ¹⁶ См.: Leif T. Individualisierung als Katalysator jdtu Bremser von Engagement? // Heitmeyer W., Jacobi J. Politische Socialisation und Individualisierung. Weinheim ; Munchen, 1991. P. 145–147.
- ¹⁷ См.: Beck U. Risk society : towards a new modernity. L. : Sage Publications, 1992. P. 13–14 ; Зубок Ю. А. Указ. соч. М., 2003. С. 162.
- ¹⁸ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. XLI – XLV.
- ¹⁹ См.: Луков Вал. А. Указ. соч. М., 2012. С. 105.
- ²⁰ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. С. XLVI–XLVIII.

УДК 32.019.5

«НОВОСТНЫЕ ЦЕННОСТИ» РОССИЙСКИХ СМИ

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: avrossoshanskiy@mail.ru

Статья посвящена понятию «новостные ценности» и тем «фильтрам», на основе которых происходит отбор и освещение новостей в отечественных СМИ. На конкретных информационных материалах рассмотрены технологии фрейминга в российских СМИ.

Ключевые слова: «новостные ценности», информационная «повестка дня», фильтрация новостей, технология фрейминга.

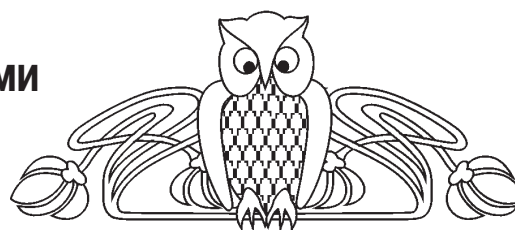
«News Values» of the Russian Mass Media

A. V. Rossoshanskiy

The article is about the notion of «news values» and filters the Russian media usually use for selecting and covering certain issues. Framing is analyzed on the basis of news stories run by the Russian mass media.

Key words: «news values», media agenda, filtering of the news, framing.

Ежедневно в мире происходит огромное количество событий, которые насыщают информационную сферу современного общества. Но информация становится новостью только в том случае, если она получает освещение в СМИ, занимает определенное место в информационном пространстве. В этом смысле СМИ формируют новостную повестку дня, целенаправленно воздействуют на общественное мнение, программируют не только настоящее, но (в определенной степени) и будущее поведение политических акторов. Освещая многообразие политической жизни, комментируя и интерпретируя различные политические события, СМИ зачастую очень противоречиво реализуют свою политическую функциональность. С одной стороны, они пред-

лагают социуму такие ценностно-смысловые модели, которые могут объединять общество, цементировать его, эффективно снимать социальную напряженность. С другой, в случае абсолютизации отдельных мотивов в формировании «повестки дня» и использования определенных технологий подачи материала, они могут подрывать устойчивость общественно-политической и социально-экономической системы, способствовать нагнетанию противоречий между отдельными социальными группами в определенных сферах жизни российского общества.

При отборе событий, субъектов и проблем, достойных освещения в средствах массовой информации, используется три основных фильтра новостного формата. Прежде всего, это политические, экономические и коммуникативные интересы собственников и главного редактора¹ как составные элементы редакционной политики. Во-вторых, собственно «новостные ценности», то есть критерии оценки события как информационного повода. В-третьих, большое значение имеет технологическая специфика «производства» и распространения новостей в различных СМИ (например печатные и электронные).

В рамках данной публикации рассмотрим только специфику «новостных ценностей» российских СМИ, основные приемы, которые используются для их внедрения в массовое сознание, а также их противоречивые последствия для общества.

Как представляется, наиболее четко понятие новостной ценности сформулировано в книге американского автора Джозефа Доменика «Динамика массовой коммуникации»², а также в работе

его британских коллег Мартина Монтгомери и Б. Эдингтона «СМИ»³. В концентрированном концептивном виде взгляды авторов на новостные ценности можно представить в виде актуализации следующих критериев:

1) *актуальность, новизна*. Новости обязательно должны быть свежими, читателям и зрителям интересна информация о только что произошедших событиях, а не о вчерашних. Этот критерий обуславливает соревнование журналистов и различных СМИ за первенство в получении и скорость подачи информации для читателей, зрителей и слушателей;

2) *значимость, масштаб*. Чем более значимое социальное положение занимают участники событий, тем больший интерес они привлекают. Новости предпочитают людям известных, в них сообщается о действиях президентов, крупных политиков и бизнесменов, выдающихся спортсменов, деятелей культуры и прочих знаменитостей. Масштаб также важен: крупная катастрофа с десятками жертв имеет больше шансов попасть на новостные страницы, чем небольшая авария;

3) *последствия события для массовой аудитории*. Люди естественно интересуются теми событиями, которые оказывают непосредственное влияние на их жизнедеятельность. Инфляция, рост цен, повышение налогов, этнические конфликты, погодные катаклизмы – всё это представляет постоянный интерес для медиа аудитории;

4) *пространственная близость*. Сообщения о событиях, происходящих в относительной близости от потребителя информации – в его стране, регионе, городе и т. д., имеют большую новостную ценность нежели те, которые относятся к событиям, происходящим за пределами знакомой территории. Здесь, однако, следует учитывать, что данный критерий более применим к условиям культур этноцентрического типа, например американской. Данное обстоятельство, в частности, отмечается многими медиаспециалистами, которые часто указывают на явный недостаток освещения событий за рубежом в американских СМИ, ориентированных на внутренний рынок⁴;

5) *конфликтность или негативный характер информации*. В мировой журналистской практике широко распространено мнение, что «плохие» новости гораздо привлекательнее «хороших». Действительно, в силу определённых особенностей человеческой психики сообщения, содержащие негативную информацию (о всякого рода катастрофах, террористических актах, катаклизмах, цунами, этнических и прочих конфликтах и т. п.), вызывают гораздо больший интерес, чем «обычные» новости. Категория «bad news» (плохие новости) даже специально выделяется группой исследователей масс медиа из университета Глазго (Великобритания), которые подчёркивают особую новостную ценность конфликтно-негативного характера сообщения;

6) *эмоциональный фактор*. Почти в любой новостной программе можно встретить сообщения, рассчитанные на эмоциональное воздействие. Чтобы аудитория не «уставала» от жесткой фактологии новостей (hard news), надо время от времени апеллировать к её чувствам. Именно для этого и используются так называемые «human interest stories», в которых сообщается о событиях, вызывающих самый широкий спектр эмоций – восхищение, сочувствие, сострадание, умиление, жалость и т. д. Например, информация о рождении маленькой панды в зоопарке, или об удивительном спасении попавшего в западню лося, либо об экстравагантном поступке какого-либо человека.

Многие из этих «ценностей», например, такие как актуальность, новизна, носят универсальный характер и характерны для любой медиа-среды. Российские СМИ в этом плане не являются исключением. Тем не менее при всем при этом специфика российских СМИ, на наш взгляд, состоит в том, что на протяжении длительного времени существуют явно выраженные приоритеты в иерархии «новостных ценностей». Они состоят, например, в том, что на экраны телевидения и в газеты попадают, прежде всего, персонифицированные сообщения, а также информация о конфликтах и катастрофах.

Погоня за сенсацией, которой подчинена деятельность большинства российских СМИ, приводит к тому, что они нередко искажают реальность. Например, характерна ситуация с падением метеорита в районе Челябинска в феврале 2013 г., когда некоторые СМИ (в том числе и центральные) сильно преувеличили масштаб последствий.

Доминирование сенсационных «новостных ценностей» в информационной политике российских СМИ иногда способно вызвать нештучную общественную панику или даже массовую истерию. В качестве примера можно привести несколько случаев «информационных взрывов», которые произошли в Саратовской области в последнее десятилетие. Так, осенью 2004 г. слух об аварии на Балаковской АЭС, который был поддержан некоторыми региональными СМИ, всколыхнул все Поволжье. Причем, как выяснилось в дальнейшем, определенные неполадки на АЭС действительно имели место быть, но они не несли угрозы жизнедеятельности людей, а допускались проектным планом и для их устранения были предусмотрены технические возможности. По заявлению официальных лиц, подобные остановки блоков на БАЭС уже были, но они никогда не вызывали такого ажиотажа⁵. По информации же, транслируемой определенными СМИ, предвещалось чуть ли не новый Чернобыль. В Интернете даже появился сайт (aesbalakovo.narod.ru), где были размещены ложные сообщения о погибших и раненых, с фотографиями плохого качества. В результате в Балаково, Саратове и ряде других городов Поволжья началась массовая паника населения. Люди стали скупать йод в аптеках,

забирать детей из детских садов, изолироваться в собственных квартирах, в некоторых учебных заведениях были отменены занятия и т. д.

Другой «информационный взрыв» прогремел в информационном пространстве Саратовской области в декабре 2009 г., когда в СМИ появилась информация о вспышке легочной чумы, о закрытии города на карантин и санитарной обработке зараженной территории с воздуха. Первая информация на эту тему появилась на интернет-сайтах информационных агентств «Четвертая власть», «Взгляд-инфо», «Rumolog» и интернет-блогах. Так, в частности, получил широкую известность, в дальнейшем удаленный, «живой журнал» одного из студентов СГМУ, в котором упоминалась о признаках легочной чумы у умерших. Затем информация стремительно стала распространяться через неформальные каналы, сети межличностного общения, главным образом, через звонки родственникам и знакомым, а также через интернет-форумы. Тем самым реализовывалась двухступенчатая модель коммуникации, когда информация через интернет-СМИ воздействовала на так называемых лидеров мнения, а те в свою очередь распространили возникшую свою убежденность дальше, усиливая воздействие первичной информации.

Такая информация вызвала эффект коммуникационного резонанса. Во-первых, общество (то есть адресат сообщения) уже заранее в неявном виде было готово к сообщениям подобного рода, так как именно в этот период наблюдалась вспышка заболеваний, вызванных высокопатогенными штаммами вируса гриппа. Фиксировались и придавались огласке случаи летального исхода заболеваний. Во-вторых, СМИ активно поддерживали эту «повестку дня», не только подробно освещая деятельность городского штаба по борьбе с гриппом, но и распространяя недостоверные слухи со ссылками на достоверные источники. Так, например, в новостной ленте «Взгляд-инфо» со ссылкой на областную службу спасения сообщалось, что «опрыскивание действительно запланировано, и ночью в воздух должны подняться вертолеты с дезинфицирующим веществом»⁶. В результате такого коммуникационного воздействия в городе началась паника, стали возникать трудности у операторов сотовой связи, люди стали бояться выходить вечером на улицу. Некоторые саратовцы даже обратились через Интернет к президенту Д. А. Медведеву с тем, что местные власти якобы скрывают масштаб эпидемии. Начавшаяся паника в Саратове стала быстро распространяться на соседние города области – Энгельс, Балаково и т. д.

Эффективность такого воздействия связана с использованием СМИ технологии фрейминга. Его смысл состоит в том, что контекст освещения события, способ подачи информации конкретной аудитории может стать стимулом к появлению доминирующего способа восприятия этих событий. Р. Энтмен определяет фрейминг как отбор в ком-

муникационном тексте некоторых аспектов воспринимаемой реальности и выделение их с тем, чтобы продвигать конкретные проблемы, определенные интерпретации их причин, моральные оценки и рекомендации по выходу из кризиса.⁷ Он выделял пять популярных фреймов для новостных сюжетов: конфликт, персонализация, последствия, нравственность, ответственность.

Рассмотрим, как эти фреймы использовались российскими СМИ. В 1990-е гг. при освещении деятельности Государственной думы СМИ делали акцент на возникающих там конфликтных ситуациях: показывали драки между депутатами, «горячие» словесные перебранки и т. д. При этом никак не освещался содержательный аспект деятельности депутатов: какие законопроекты обсуждаются, позиции партийных фракций относительно тех или иных вопросов, депутатские предложения и комментарии и т. д. В это же время (период избирательной кампании Б. Н. Ельцина) была популярной тема обращения внимания избирателей на возможные последствия победы на выборах коммунистов, в качестве которых назывались такие нежелательные явления, как гражданская война, голод, международная изоляция. При этом всевозможные последствия описывались только в негативных тонах, абсолютно игнорируя те положительные изменения, которые могли бы произойти.

Сегодня один из самых популярных фреймов при освещении политики федерального центра – это персонификация, связанная с освещением событий, происходящих с участием президента. В регионах, например в Саратовской области, в фокусе СМИ находятся первые лица – губернатор, председатель областной думы. Обществу в мельчайших деталях сообщается, куда с рабочим визитом приехал В. Радаев и как его встречают, при этом содержательные аспекты политики правительства области, существующие в регионе проблемы остаются чаще всего за кадром.

Тема ответственности чаще всего поднимается СМИ при освещении международной политики США, когда речь заходит о событиях в Афганистане или Ираке. Неявно намекается, что именно США несут ответственность за существующие в этих странах проблемы. Хотя многие проблемы, например производство наркотиков в Афганистане и их дальнейшее распространение по всему миру, существовали там и раньше.

Фреймы, относятся к когнитивным схемам, которые выделяют одни компоненты ситуации (сообщения) и, соответственно, одни осмысленные действия и умозаключения и исключают другие, тем самым формируя систему предпосылок для интерпретации ситуации (сообщения) общения. В основе медиатекста (публикации СМИ) лежит медиафрейм, который активирует у аудитории когнитивную схему интерпретации описываемого вопроса. Медиафрейм – это ключевая идея «интерпретирующего медиапакета», при-

писывающего теме медиатекста специфические социокультурные смыслы. При этом одна и та же тема как множество связанных вопросов может быть описана с применением разных фреймов, а один и тот же фрейм использован для освещения разных тем⁸. В качестве положительного примера его использования можно привести преподнесение информации о принятии Государственной думой закона, устанавливающего ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних и для защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей. Негативная реакция на данный закон либерально ориентированных российских СМИ и западных сторонников максимальной толерантности в данной области преподносится в большинстве официальных СМИ как свидетельство нравственного разложения западноевропейских обществ и прямой аргумент в пользу необходимости защищать свои отечественные морально-нравственные и семейные ценности и традиции. Для укрепления данной установки в массовом сознании используется поддержка важнейших институтов гражданского общества, а также авторитет религиозных организаций⁹. Тем самым косвенно мотивируется необходимость поддержки официального курса на сохранение самобытности России в целом, в том числе и в области политики и прав человека.

Особенно интересна в этом отношении информация на одном из популярных отечественных сайтов о реакции простых американцев на подписание Путиным закона о запрете гей пропаганды: «Приятно видеть, что в этом мире ещё остался здравый смысл»; «Спасибо, Россия, за то, что бережете ваших детей от извращенцев!»; «Никогда бы не подумал, что Россия может показать пример для подражания»; «Россия теперь поднимется в своем величии, основанном на моральных ценностях»; «Браво Путин! Слава Богу, в мире еще остался один здравомыслящий лидер!»; «Америке нужно следовать за Россией!»; «Россия умная страна и не терпит разложившихся извращенцев!»; «Наконец-то хоть одна нормальная страна восстала против всего этого безумства»; «Во время холодной войны я думал, что Америка на светлой стороне, а Россия на темной. Теперь понимаю, как я ошибался»; «Россия, продолжай делать доброе дело! Все здравые люди надеются на тебя!»¹⁰. Как представляется, данные комментарии оказывают существенное воздействие на формирование патриотизма у российской молодежи, на которую в первую очередь и ориентируется данный сайт.

Фактически медийные фреймы представляют собой устойчивые образцы интерпретации, репрезентации, отбора, расстановки акцентов и исключения из рассмотрения определенных раздражающих моментов. Согласно Ш. Аенгер, фреймы делятся на эпизодические и тематиче-

ские. Эпизодические фреймы обычно имеют вид сообщения, которое ориентировано на события и затрагивает общественно значимые вопросы на основании конкретных примеров. Тематические фреймы, наоборот, освещают общественные вопросы в общем абстрактном контексте¹¹. Суть эпизодического фрейминга заключается, в частности, в приписывании социальной ответственности отдельным личностям, а не социальным общностям, а тематического – в перенесении ответственности на жертв или отдельных преступников, а не на общие социальные силы.

В целом, подводя итог, можно констатировать, что медийные фреймы представляют собой одну из «мягких» и эффективных форм манипулятивного коммуникативного воздействия, которые постоянно адаптируются, с одной стороны, с учетом изменения глобальной конъюнктуры информационного пространства, а с другой, в соответствии с внутренними политическими, социально-экономическими и социокультурными потребностями. Однако данная адаптивность может по своей функциональности как носить социально конструктивную направленность, так и приводить к социально деструктивным последствиям в результате применения указанных технологий.

Примечания

- 1 Каждый из этих элементов и соотношение между ними также играют очень существенную роль и нуждаются в отдельном самостоятельном исследовании в их значимости определении информационной повестки дня.
- 2 См.: *Dominick J.* The Dynamics of Mass Communication. N. Y., 1993. P. 338–339.
- 3 См.: *Montgomery M., Edington B.* The Media. L., 1996.
- 4 См.: *Назаров М.* Массовые коммуникации в современном мире. М., 1994; *Фомичева И. Д.* Социология СМИ. М., 2007.
- 5 См.: URL: <http://www.saratoff.ru/articles/incidents/0/501> (дата обращения: 10.10.2013)
- 6 URL: <http://www.vzsar.ru> (дата обращения: 02.12.2009).
- 7 *Entman R. M.* Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // *Journal of Communication*. 1993. № 43 (4). P. 51–58.
- 8 *Пономарев Н. Ф.* Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов // *Вестн. Перм. ун-та*. 2010. Вып. 3 (9). С. 63.
- 9 РПЦ призвала СМИ не травить Исинбаеву за позицию по гей-пропаганде. URL: <http://ria.ru/sport/20130820/957511518.html> (дата обращения: 22.08.2013).
- 10 Это неожиданно? Реакция американцев на подписание Путиным закона о запрете гей пропаганды. URL: <http://otvet.mail.ru/question/92398343> (дата обращения: 31.10.2013).
- 11 Цит. по: *Кучма И.* Медиа и власть современная концептуализация // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2004. № 2. С. 82.

УДК 32

ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

А. В. Богданов

Саратовский государственный университет
E-mail: selectedman@yandex.ru

В статье на основе глубокого анализа соответствующей литературы показана степень научной разработанности актуальной и сложной проблемы взаимодействия традиции и инновации как факторов эволюции социально-политического процесса.

Ключевые слова: традиция, традиционализм, инновация, модернизация.

Tradition and Innovation, as Factors of Development of the Political Process

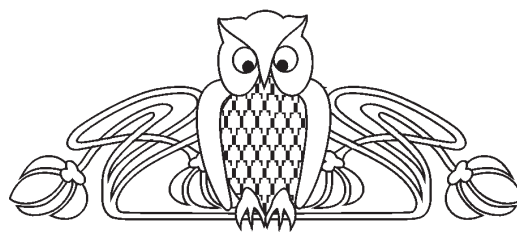
A. V. Bogdanov

In the article on the basis of in-depth review of the relevant literature shows the degree of scientific elaboration of urgent and complex problems of interaction of traditions and innovations, as factors of evolution of the socio-political process.

Key words: tradition, traditionalism, innovation, modernization.

Проблеме традиции и инновации как способам обеспечения социальной преемственности и социального развития посвящено немало исследований в самых различных областях социально-гуманитарного знания начиная с Нового времени и до наших дней. Это труды самых выдающихся классиков европейской политической мысли.

Уже к XIX столетию в структуре теоретических подходов к изучению политико-культурных процессов выявился ряд существенных противоречий, которые наложили свой отпечаток и на наше современное отношение к данной проблематике. Особенно это проявляется в тех случаях, когда проводятся прикладные исследования политической культуры разных социальных групп. В работах ученых XIX в. и более позднего времени на первый план выходит анализ соотношения традиции и инновации, традиционного и модернизационного, даются первые классификации стран и государств по типу их развития, в зависимости от различных факторов социального и технического характера. В трудах исследователей можно выделить два основных направления анализа соотношения традиции и инновации, которые, собственно, заложили фундамент сегодняшнего противоречивого понимания сути политико-культурных процессов. Первое (наиболее видные представители К. Маркс и М. Вебер) заключается в дихотомическом противопоставлении традиции инновации. При этом традиции считаются пережитком прошлого, их следует устранять, уничтожать в угоду прогрессу, техническому развитию. Второе (О. Конт, Г. Спенсер) – это по-

пытка объяснить, что два данных явления есть взаимосвязанные части единого процесса развития общества, нельзя поступаться традициями в угоду прогрессу, следует учитывать насколько общество традиционно и, опираясь на традицию, осуществлять инновационное развитие.

Добавили сложности и противоречивости в понимание природы политико-культурных процессов работы таких учёных, как Э. Шилз, Е. Шацкий, К. Маннгейм¹. Ими традиция понимается не как пассивное восприятие наследия прошлого, а как сознательный выбор политическим субъектом элементов этого наследия в конкретной социокультурной и политической ситуации.

Формальной предпосылкой для преодоления противоречивости в концептуализации традиционализма могла бы стать на определенном историческом этапе парадигма модернизации. Различные научные теории модернизации возникли в новых исторических условиях прогресса индустриальных обществ и либерально-демократических систем, и их главная практическая цель заключалась в оказании помощи в экономическом, социальном, культурном и политическом становлении новых государств Азии, Африки и Латинской Америки. Создатели теории модернизации полагали, что она направляется и контролируется интеллектуальной и политической элитой, стремящейся с помощью планомерных, целенаправленных действий вывести свою страну из состояния отсталости. На деле на фоне роста конфликтов между миром развитых политических систем и «третьим миром» эти теории модернизации еще более усложнили понимание современными исследователями «традиционного» состояния политической культуры современных обществ.

Теория модернизации в своем развитии прошла три основных этапа, на каждом из которых степень внутренних противоречий в них заметно возрастала.

На первом этапе получили распространение теории индустриального общества, которые развивались в трудах У. Ростоу, Р. Арона, Д. Белла². В целом, в исследованиях этого периода развитию государств и наций придавался однонаправленный характер, от традиционного общества к «современному» через прохождение определенных стадий роста. Причем национальным особенностям отводилось второстепенное значение и их роль не учитывалась. На данном этапе развития

теории модернизации и цель, и способ преобразований для всех государств являются унифицированными.

На втором этапе развития теории модернизации можно выделить два направления, представители которых давали разные ответы на вопросы о факторах стабильности социально-политических систем: «консервативное» и «либеральное».

К представителям «консервативного» направления можно отнести С. Хантингтона, Дж. Нельсона, Х. Линца³. Главная причина невозможности и неудачи в проведении модернизации виделась ими в политической нестабильности в стране. При таком подходе главной целью представлялось обеспечение экономического роста, даже если государственный режим носил явно авторитарный характер.

Сторонники «либерального» направления (Р. Даль, Г. Алмонд, Л. Пай⁴) понимали под модернизацией формирование открытой социально-политической системы путем мотивации социальной мобильности и интеграции населения в гражданское общество. Суть такой политической модернизации для них виделась в вовлеченности общества в систему широкого политического представительства. Таким образом, на втором этапе развития теории модернизации способы достижения поставленных целей для осуществления наиболее эффективных преобразований выделялись учеными по-разному. Хотя сами цели модернизации признавались мыслителями единными вне зависимости от национальных, исторических и геополитических особенностей развития отдельного государства.

Представители третьего этапа теорий модернизации, такие как А. Абдель-Малек, А. Турен, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт, выдвигают концепции политического развития, основанные на сохранении социокультурных традиций без навязывания чуждых (западных) образцов⁵. На данном этапе развития теории модернизации способы достижения поставленных целей представляются одинаковыми для всех государств, что связано с процессами глобализации и глокализации, но сами цели преобразований могут отличаться. В итоге модернизация стала рассматриваться как саморазвивающийся процесс, который зависит как от деятельности политических элит, так и от влияния объективных обстоятельств и поведения рядовых членов общества. Примечательно, что в работах исследователей все большее распространение стала получать идея о несостоятельности жесткого противопоставления традиции и инновации.

Следует отметить, что среди работ отечественных ученых выделяются труды, в которых традиции придается самостоятельное значение в конструировании политического процесса. Их позиция согласуется с воззрениями зарубежных специалистов, рассматривающих взаимоотношение традиции и инновации.

В начале 1990-х гг. существенное влияние на историческую и политологическую мысль постсоветского периода оказали труды А. С. Ахиезера⁶. Рассматривая исторический процесс как единство и борьбу противоположностей, автор выделил в качестве движущих сил общественного развития противоречие между культурой и социальными отношениями, которое возникает в ходе «воспроизводства социального субъекта». Немаловажную роль в конструировании политического процесса отводится автором традиции. Анализируя историческое развитие российской цивилизации, А. С. Ахиезер относит ее к особому типу цивилизаций, характеризующихся «расколом».

С. А. Королев также приходит к выводу о том, что российское общество расколото на две постоянно вступающие друг с другом в противоречие части: политическую элиту управленцев и большую часть традиционно настроенных граждан страны⁷.

Используя различные критерии анализа движущих сил в процессе эволюции политической культуры России, исследователи в целом согласны с волнообразным или маятниковым характером развития российской политической культуры. Некоторые авторы акцент делают на существовании раскола между современной политической элитой и обществом и обусловленном им нарушении исторической преемственности при проведении социально-политической модернизации российского государства⁸. В их работах традиции отводится ведущая роль в преобразовании социально-политической системы.

Ряд отечественных исследователей рассматривают традицию как фактор, обременяющий процесс современной модернизации. Так, Л. Д. Гудков, Б. В. Дубина, Н. А. Зоркая обосновывают прозападные устремления молодого поколения. При этом отмечается, что господствующие традиционалистские установки в ценностных ориентациях большинства населения мешают в формировании гражданского общества и в переходе к преобладанию инновационных составляющих в политической системе⁹.

В работах О. С. Грязновой, А. Ю. Зудина, О. В. Ковеневой, С. В. Горюновой, изучающих ценностные ориентации российской молодежи, прослеживается ряд особенностей¹⁰. Первая заключается в том, что в них традиция воспринимается как основное препятствие на пути модернизации. Вторая – основная часть политических инноваций не прошла полного цикла институционализации. Третья – массовое сознание российского общества становится более дифференцированным и реалистическим. В целом, основные выводы, к которым приходят исследователи, заключаются в том, что для современной молодежи ценности советского периода потеряли свою актуальность. Отмечаются низкий уровень доверия молодежи практически ко всем институтам политической системы, невысокий уровень

участия в политике¹¹. Анализ социологических исследований дает понимание того, что их цели и задачи во многом зависят от той теоретической парадигмы, которой придерживается автор.

Можно выделить работы отечественных ученых, в первую очередь, В. В. Аверьянова, А. Б. Гофмана, В. П. Булдакова, В. М. Межуева, С. С. Сулакшина, Ю. А. Красина, Э. В. Багдасаряна¹², в которых предпринята попытка преодоления существующей дихотомии традиция-инновация на теоретическом уровне. Нарботки вышеперечисленных исследователей, использующих различные подходы к определению традиции и рассмотрению ее в соотношении с инновацией, получили свое отражение в подходе к сопоставлению традиционализма и модернизма на основе синергичного моделирования. Одним из разработчиков «синергичного традиционализма» является Э. В. Багдасарян¹³. Он обосновывает синтез традиции и инновации, где ядром является традиция, а внешней оболочкой – инновация. При этом преимущественное положение по отношению к инновации занимает традиция.

Таким образом, различные аспекты проблемы соотношения традиции и инновации привлекли определенное внимание со стороны мирового и отечественного научного сообщества. Однако, к сожалению, немногие авторы подошли к интегрирующему понятию традиционализма. Кроме того, недостаточно исследован вопрос о сопряжении традиционного с модернизационным, остается дискуссионным вопрос о соотношении традиционализма и консерватизма. Существует объективная потребность в своевременном изучении социокультурных характеристик ценностных ориентаций российской политической культуры молодежи.

Примечания

- ¹ См.: Шилз Э. Общество и общества : макросоциологический подход // Американская социология : перспективы, проблемы, методы : сб. ст. / под общ. ред. Т. Парсона. М. : Прогресс, 1972 ; Шацкий Е. Утопия и традиция : пер. с польск. / общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1990 ; Маннгейм К. Консервативная мысль // Социс. 1993. № 4. С. 135–146.
- ² См.: Ростои В. В. Стадии экономического роста / пер. с англ. В. П. Марченко. Нью-Йорк : Прегер, 1961 ; Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу : теоретико-методологические проблемы модернизации. М. : РОССПЭН, 2006.
- ³ См.: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004 ; Линник Е. В. Модернизация общества как фактор глобализации : Сравнительный анализ и типологизация : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2005.
- ⁴ См.: Даль Р. О демократии. М. : Аспект Пресс, 2000 ; Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 122–134.
- ⁵ См.: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ : Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект-Пресс, 1999 ; Хантингтон С. Указ. соч.
- ⁶ См.: Ахизер А. С. Социально-культурные проблемы развития России : Философский аспект. М. : ИНИОН РАН, 1992 ; Он же. Российская модернизация : проблемы и перспективы (Материалы круглого стола) // Вопр. философии. 1993 № 3. С. 3–39 ; Он же. Социокультурная динамика России : От прошлого к будущему. Россия : критика исторического опыта. М. : Новый хронограф, 2008.
- ⁷ См.: Королев С. А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Ч. 2. Конспект исследования // Философия и культура. 2009. № 2. С. 37–45.
- ⁸ См.: Вилков А. А., Николаева А. А. Российский менталитет и перспективы социал-демократии и левоцентризма в политической жизни России. Саратов : Саратовский источник, 2009 ; Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М. : РОССПЭН, 2006 ; Гаджиев К. С. Вестернизация или особый путь модернизации? // Полис. 2008. № 4 ; Федотова В. Г. Российская история в зеркале модернизации // Вопр. философии. 2009. № 12 ; Липин Н. И. Социокультурная трансформация России : либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и антропологии. 2000. Т. III, № 3 ; Пантин В. И., Ланкин В. В. Волны политической модернизации в истории России // Полис. 1998. № 2.
- ⁹ См.: Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Молодежь в России. М. : Московская школа политических исследований, 2011.
- ¹⁰ См.: Грязнова О. С. Оценки прошлого, политическая символика и российская политическая культура / под ред. А. Б. Гофмана. М. : РОССПЭН, 2008. С. 257–306 ; Зудин А. Ю. Массовое сознание и политические инновации : опыт последнего десятилетия / под ред. А. Б. Гофмана. М. : РОССПЭН, 2008. С. 306–344 ; Ковенева О. В. О старом и новом в практиках гражданского участия : динамика митинга наших дней десятилетия / под ред. А. Б. Гофмана. М. : РОССПЭН, 2008. С. 344–409 ; Горюнова С. В. Инновационное и традиционное в сознании и поведении городского среднего класса / под ред. А. Б. Гофмана. М. : РОССПЭН, 2008. С. 211–238.
- ¹¹ См.: Левада Ю. А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000 годов. М. : Московская школа политических исследований, 2000 ; Сорокин О. В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи // Социс. 2008 № 8. С. 45–52 ; Кулешова И. Н. Социально-психологические особенности политического мировоззрения студенческой молодежи (на примере провинциальных вузов центра России) : дис. ... канд. психол. наук. Иваново, 2006 ; Ефимова Е. В. Телевизионные новости как фактор формирования политических ориентаций студенческой молодежи // Культура & общество : Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. М. : МГУКИ, 2006. № гос. регистрации 0420600016 : [сайт]. URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Efimova.pdf> (дата обращения: 09.10.2010).

¹² См.: Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А. Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008; *Аверьянов В. В.* Два понимания традиции (к сопоставительному анализу интерпретаций проблемы культурного наследования в современной отечественной мысли) // *Вопр. культурологии*. 2009. № 3; *Булдаков В. П.* К вопросу о чуде синергийного преобразования мира // *Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России* :

материалы науч. семинара. Вып. 5 (14). М.: Научный эксперт, 2008; *Межуев В. М.* Главный недостаток традиционализма – отказ от собственного разума // Там же; *Сулакишин С. С.* Синергия как гармоничное сочетание модернизации и традиционализма // Там же; *Красин Ю. А.* Традиции в эпоху глобальных трансформаций // Там же.

¹³ См.: *Багдасарян В. Э.* Традиционализм и модернизм: проблема синергийного моделирования // Там же.

УДК 323.22

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: РИСКИ МОДЕРНИЗАЦИИ И РЕСУРСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

С. И. Морозов

Волгоградский государственный университет
E-mail: si.morozov@mail.ru

В статье анализируются основные институциональные проблемы бюрократической организации и функционирования исполнительной власти в России. Особое внимание уделяется определению внутривластных факторов реформирования системы государственного управления в России, а также специфике реализации властных отношений в Волгоградской области.

Ключевые слова: государство, глобализация, политическая модернизация, бюрократия, гражданское общество.

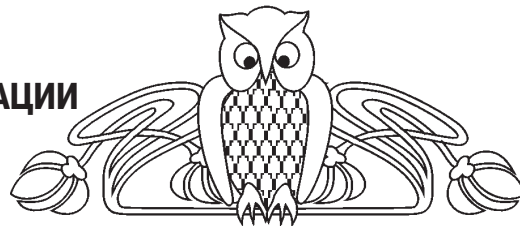
**Institute of the Russian State in a Global World:
Risks of Modernization and Resources of Effectiveness**

S. I. Morozov

In the article there are analyzed the main institutional problems of bureaucratic organization and functioning of the executive power in Russia. Particular attention is paid to the definition of internal political factors of public administration reform in Russia, as well as to the specificity of power relations in the Volgograd region.

Key words: state, globalization, political modernization, bureaucracy, civil society.

Несмотря на многочисленные социально-политические исследования конца XX в. о неминуемом снижении роли государственного регулирования в процессе глобализации, реалии начала XXI в. со всей наглядностью демонстрируют совершенно противоположные тенденции. В условиях современного, фактически глобального общества значительно возрастает значение института государства и государственного управления как важнейшего механизма стабилизации и воспроизводства оптимальных параметров общественно-политического процесса посредством согласования интересов государственной власти, структур гражданского общества и индивидуальных политических субъектов путем принятия

взаимных обязательств в процессе достижения коллективных целей.

При этом модель государственного управления «Good Governance», разработанная ООН, представляется как наиболее валидная современным глобальным трендам. Институциональными характеристиками данной модели выступают: участие граждан в принятии решений; верховенство закона и соблюдение прав человека; открытость, полнота и доступность информации; консенсус по вопросам определения приоритетных потребностей граждан и средств их достижения; справедливость при распределении/перераспределении общественных благ; результативность государственной власти при использовании социальных и политических ресурсов; подотчетность органов государственного управления гражданским структурам; наличие долговременной стратегии политического развития и др.

По своей сути, данная модель стремится нивелировать недостатки традиционных подходов к определению институциональной основы государственного управления, а именно: игнорирование ценности гражданского участия в разработке государственной политики; высокая степень обособленности и непубличность государственного управления; отсутствие системы гражданского контроля над деятельностью государственной власти, неразвитость ее «самоответственности» и т. д. Системообразующий принцип сотрудничества государства и общества, заложенный в основе модели «Good Governance», определяет конкретные механизмы взаимодействия населения и власти в процессе выработки ключевых политических решений.

Следует также отметить, что несмотря на заявленную валидность данной модели, представляется сложной научной проблемой определение ее реальной эффективности вследствие многоаспектности данного понятия. Как справедливо отмечает Т. Т. Галиуллин, «как правило, приме-

¹² См.: Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А. Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008; *Аверьянов В. В.* Два понимания традиции (к сопоставительному анализу интерпретаций проблемы культурного наследования в современной отечественной мысли) // *Вопр. культурологии*. 2009. № 3; *Булдаков В. П.* К вопросу о чуде синергийного преобразования мира // *Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России* :

материалы науч. семинара. Вып. 5 (14). М.: Научный эксперт, 2008; *Межуев В. М.* Главный недостаток традиционализма – отказ от собственного разума // Там же; *Сулакишин С. С.* Синергия как гармоничное сочетание модернизации и традиционализма // Там же; *Красин Ю. А.* Традиции в эпоху глобальных трансформаций // Там же.

¹³ См.: *Багдасарян В. Э.* Традиционализм и модернизм: проблема синергийного моделирования // Там же.

УДК 323.22

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: РИСКИ МОДЕРНИЗАЦИИ И РЕСУРСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

С. И. Морозов

Волгоградский государственный университет
E-mail: si.morozov@mail.ru

В статье анализируются основные институциональные проблемы бюрократической организации и функционирования исполнительной власти в России. Особое внимание уделяется определению внутривластных факторов реформирования системы государственного управления в России, а также специфике реализации властных отношений в Волгоградской области.

Ключевые слова: государство, глобализация, политическая модернизация, бюрократия, гражданское общество.

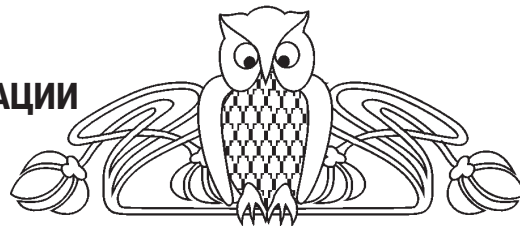
**Institute of the Russian State in a Global World:
Risks of Modernization and Resources of Effectiveness**

S. I. Morozov

In the article there are analyzed the main institutional problems of bureaucratic organization and functioning of the executive power in Russia. Particular attention is paid to the definition of internal political factors of public administration reform in Russia, as well as to the specificity of power relations in the Volgograd region.

Key words: state, globalization, political modernization, bureaucracy, civil society.

Несмотря на многочисленные социально-политические исследования конца XX в. о неминуемом снижении роли государственного регулирования в процессе глобализации, реалии начала XXI в. со всей наглядностью демонстрируют совершенно противоположные тенденции. В условиях современного, фактически глобального общества значительно возрастает значение института государства и государственного управления как важнейшего механизма стабилизации и воспроизводства оптимальных параметров общественно-политического процесса посредством согласования интересов государственной власти, структур гражданского общества и индивидуальных политических субъектов путем принятия

взаимных обязательств в процессе достижения коллективных целей.

При этом модель государственного управления «Good Governance», разработанная ООН, представляется как наиболее валидная современным глобальным трендам. Институциональными характеристиками данной модели выступают: участие граждан в принятии решений; верховенство закона и соблюдение прав человека; открытость, полнота и доступность информации; консенсус по вопросам определения приоритетных потребностей граждан и средств их достижения; справедливость при распределении/перераспределении общественных благ; результативность государственной власти при использовании социальных и политических ресурсов; подотчетность органов государственного управления гражданским структурам; наличие долговременной стратегии политического развития и др.

По своей сути, данная модель стремится нивелировать недостатки традиционных подходов к определению институциональной основы государственного управления, а именно: игнорирование ценности гражданского участия в разработке государственной политики; высокая степень обособленности и непубличность государственного управления; отсутствие системы гражданского контроля над деятельностью государственной власти, неразвитость ее «самоответственности» и т. д. Системообразующий принцип сотрудничества государства и общества, заложенный в основе модели «Good Governance», определяет конкретные механизмы взаимодействия населения и власти в процессе выработки ключевых политических решений.

Следует также отметить, что несмотря на заявленную валидность данной модели, представляется сложной научной проблемой определение ее реальной эффективности вследствие многоаспектности данного понятия. Как справедливо отмечает Т. Т. Галиуллин, «как правило, приме-

няется единственный способ оценки эффективности – самостоятельная разработка стандартов измерения эффективности»¹. То есть деятельность государства оценивается, исходя из выработанной им же оценочной шкалы и методов измерения. Однако данный подход не дает информации о востребованности, актуальности результата, его пользе для общества.

Вероятным выходом из этой ситуации, на наш взгляд, может стать рассмотрение в комплексе таких показателей эффективности государственного управления, как: во-первых, индикаторы, отражающие качество государственного управления, нацеленные на сопоставление межстранового опыта государственного управления, разработанные и успешно применяемые многими международными правительственными и неправительственными организациями (GRICS (Governance Research Indicator Country Snapshot), Индекс восприятия коррупции (ИБК) Transparency International и др.); во-вторых, использование национальных методик, разработанных для оценки эффективности государственного управления (в России – Доклад об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации); в-третьих, оценка качества государственного управления посредством опросов общественного мнения населения.

Тем не менее все вышеперечисленные методики оценки в большей или меньшей степени апеллируют к показателям деятельности института бюрократии, выполнения системы административных и политических функции в процессе государственного управления. Как отмечает Ч. Линдблом, современный бюрократический аппарат государства «выступает в качестве активных участников процесса принятия решений, поскольку административные органы обычно модифицируют и даже устанавливают ту или иную политику в ходе попыток ее внедрения в жизнь, причем нередко бывает, что сами же выборные политики поручают исполнительным органам вырабатывать политический курс»².

Однако если публичные политики, принимая то или иное решение, претендуют на выражение определенного общественного мнения и конкретных потребностей общества в целом, то в случае с государственной бюрократией все несколько иначе. Во-первых, государственная бюрократия может выражать свой собственный интерес, как интерес некой абстрактной или реальной социальной группы. Во-вторых, в рамках процесса принятия государственно-политических решений часто наблюдается конкуренция интересов различных ведомственных группировок внутри самой бюрократии. В-третьих, посредством практик лоббистской деятельности бюрократия может представлять интересы различных экономических элит, групп давления, нелегальных и полунелегальных структур и т. д.

Современный этап модернизации политической системы в России обозначил потребность не

столько в совершенствовании системы государственного управления, сколько в необходимости развития и закрепления принципиально новых принципов и технологий определения и реализации приоритетных направлений государственной политики в соответствии с требованиями демократической правовой государственности и задачами эффективного обеспечения высокого качества жизни россиян. В соответствии с Конституцией РФ 1993 г. за прошедшие два десятилетия в нашей стране была реализована, а зачастую и «модернизирована» система федеральных и региональных органов государственной власти; сформировались уровни местного и территориального общественного самоуправления. Однако во многом эта система стала своеобразным заимствованием институтов, техник и технологий властеотношений преимущественно западных образцов.

Однако вслед за Е. Г. Пономаревой следует обратить внимание на то, что «в рамках российских преобразований отмечается копирование лишь внешней оболочки институционального дизайна государственной власти и внутреннее наполнение ее специфическим российским содержанием»³. Конституция провозгласила, что Российская Федерация – есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления; единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ; государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации – глава государства, Федеральное собрание (Совет Федерации и Государственная дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. Конфигурация системы государственной власти и полномочия ее институтов определены так, что глава государства – президент – является главным арбитром – «гарантом Конституции РФ» (ст. 80), первой и последней инстанцией принятия политических решений, замыкая на себя различные полномочия в сфере нормотворчества, исполнительной деятельности, кадровой политики. Дальнейшая практика конституционного строительства наглядно продемонстрировала: закрепленные в Конституции общие формы демократического государственного управления наполнились тем содержанием, которое позволяет говорить о доминирующем положении исполнительной власти и, следовательно, о доминировании бюрократических начал в механизме государственного управления современной Россией.

Как известно, в 2000-е гг., с началом президентского правления В. В. Путина, развитие российского государства и совершенствование механизмов государственного управления приобрело значительную динамику, связанную, прежде всего, с появлением новых общественных и политических институтов, государственных структур (федеральных округов, полномочных представителей Президента в федеральных

округах, Государственного совета, Общественной палаты и др.). Немалое значение для ускорения модернизации страны и совершенствования политической системы имели также и изменения в избирательной системе, процессы укрупнения регионов, перераспределение ответственности между федеральными и региональными органами государственной власти и т. д. В результате можно констатировать существенное изменение институционального дизайна российской государственной власти: во-первых, появился ряд вспомогательных органов, имеющих недостаточно четкий конституционный статус; во-вторых, значительно усилилась вертикаль власти.

В качестве первого примера целесообразно отметить эволюцию статуса глав субъектов РФ. Первым шагом стала замена в Совете Федерации глав исполнительной и законодательной ветвей власти их представителями, которые должны работать на постоянной и профессиональной основе. Совершенно очевидно, что таким образом возможности глав регионов самостоятельно представлять свои интересы и участвовать в политической деятельности на федеральном уровне были значительно снижены. Альтернативной формой участия для руководителей регионов явились заседания Государственного совета и его Президиума – совещательного органа при Президенте РФ, регулярно рассматривающего «насушные вопросы жизни страны». При этом особо важно подчеркнуть, что решения Государственного совета имеют реальную силу лишь при совпадении с политической волей главы государства.

Изменение порядка назначений и пределов ведения полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах фактически ознаменовало трендовый этап в формировании вертикали государственной власти, соотношения центра и регионов. И хотя полномочия высших должностных лиц субъектов РФ и полномочных представителей президента не приходят к непосредственному противоречию, нельзя отрицать, что такие обязанности полпреда, как «организация в соответствующем федеральном округе работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом Российской Федерации»; «организация контроля за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти» и «обеспечение реализации в федеральном округе кадровой политики Президента Российской Федерации»⁴ оказывают существенное влияние на процесс подготовки, принятия и реализации управленческих решений руководителей российских регионов. К примеру, изменение процедуры назначения глав субъектов, а именно наделение региональным парламентом губернаторскими (президентскими) полномочиями кандидатуры, предложенной Президентом РФ по представлению победившей на выборах

политической партии. Это фактически сделало региональных лидеров неотъемлемой частью единой и всеобъемлющей «вертикали власти».

Параллельно происходило формирование института государственной службы РФ. В соответствии с федеральными законами «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 7 июля 2004 г. № 79-ФЗ был утвержден ряд принципов, позволяющих на нормативном уровне охарактеризовать государственную гражданскую службу как прогрессивную и соответствующую принципам демократического государственного управления. К их числу относятся «приоритет прав и свобод человека и гражданина» (п. 1), «доступность информации о гражданской службе» (п. 6), «взаимодействие с общественными объединениями и гражданами» (п. 7), «соблюдение прав и законных интересов граждан и организаций» (п. 4 ст. 15)⁵. Прогрессивным считается также то, что назначение на государственную службу осуществляется на конкурсной основе.

В ст. 17 Закона о государственной гражданской службе перечислены запреты, связанные с занятием должности в государственной службе: запрещается «участвовать на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией» (п. 1.1), «осуществлять предпринимательскую деятельность» (п. 1.3), «получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц» (п. 1.6). Особенно важным, на наш взгляд, является запрет «использовать преимущества должностного положения для предвыборной агитации, а также для агитации по вопросам референдума» (п. 1.12), поскольку он ставит вне закона использование «административного ресурса». Статья 18 утверждает, что руководитель «обязан не допускать случаи принуждения гражданских служащих к участию в деятельности политических партий» (ч. 2). 12 августа 2002 г. был издан Указ Президента РФ «Общие принципы служебного поведения государственных служащих»⁶, в целом повторяющий основные принципы Закона о гражданской службе. Однако, как совершенно справедливо указывает А. В. Оболонский, в рассмотренных федеральных законах и в Указе Президента РФ не представлены формы ответственности и способы привлечения к ней государственных служащих в случаях нарушений провозглашенных принципов. Не были приняты впоследствии и подзаконные акты, например, относительно порядка осуществления взаимодействия органов государственной власти с общественными объединениями и гражданами и многое другое⁷.

Сложившаяся к настоящему времени система государственного управления в России может быть интерпретирована лишь с учетом доминирующих неформальных «правил игры», устанавливаемых бюрократией, а также основного вектора

модернизации российской политической системы. По мнению В. А. Ачкасова, именно взаимосвязь формальных норм и неформальных правил игры в процессе реализации государственного управления привели к оформлению моноцентрического формально-демократического государственно-политического режима: «законодательная и судебная власть находятся в подчинении у исполнительной, сосредоточенной в руках Президента. Судопроизводство используется на избирательной основе и в качестве инструмента политического принуждения. Государственная бюрократия, бизнес и политика тесно переплетены, при доминировании бюрократии в этом симбиозе. Даже формальные институты гражданского общества (т. е. профсоюзы и общественные объединения, политические партии и СМИ) сегодня встроены в “вертикаль власти”, превратившись в инструменты стабилизации режима и контроля, как над элитой, так и фрагментированным обществом»⁸.

Анализ реформирования государственного управления в последние десятилетия позволяет говорить о значительном усилении административной власти и централизации управления. В частности, особое влияние в процессе принятия государственно-политических решений получает Администрация Президента РФ, в рамках которой было создано множество структурных подразделений, которые по характеру своей деятельности в некотором роде дублируют ряд функций, таких как целеполагание, планирование, реализуемых Правительством России. Так, в частности, В. А. Гуторов отмечает, что в пост-коммунистической России «президентская администрация стала выполнять функции “теневого правительства”, а Совет безопасности как один из наиболее важных элементов президентской администрации превратился в центр административного планирования»⁹. В результате вышеописанных реформ и модернизационных преобразований был сформирован механизм ответственности руководителей исполнительной власти разных уровней перед федеральным центром, а не перед избирателями – конституционными носителями властного суверенитета.

Основными неформальными нормами и практиками функционирования бюрократии в современной России, которые приобрели в последние годы фактически институциональные формы, стало следующее: во-первых, приоритет стажа в занимаемой должности над реальным уровнем компетентности и профессионализма; во-вторых, преобладание неформальных норм над формальными правилами деятельности; в-третьих, ответственность перед непосредственным руководителем, а не перед гражданами как реальными потребителями государственных услуг; в-четвертых, доминирование вертикальной иерархии органов исполнительной власти над горизонтальной; в-пятых, «политическая капитализация» бюрократии в органах исполнительной власти, расширение административного поля по-

литики и ограничение пространства публичной политики; в шестых, воспроизводство в отечественной политической культуре этатистских и патерналистских ценностей во взаимоотношениях между управленческим аппаратом государства и населением; в-седьмых, высокий уровень недоверия со стороны гражданских структур реальным практикам осуществления бюрократией политико-управленческих функций.

Подобное положение бюрократии в структуре органов государственной власти, по мнению А. И. Соловьева, приводит к «политической капитализации статуса бюрократии», которая выражается, во-первых, в том, что «внутри аппаратная конкуренция различных групп чиновничества, курирующих различные (отраслевые и региональные) площадки распределения ресурсов, становится важнейшим источником экономического развития страны», и, во-вторых, в установлении административного контроля над полем публичной политики, посредством «административного захвата» партийного рынка партией «Единая Россия»¹⁰.

Организованный подобным образом бюрократический аппарат не может быть эффективным. Подтверждение неэффективности бюрократии в органах исполнительной власти России можно найти в многочисленных оценках экспертного общества, в публичных оценках населения. Так, в частности, в исследовании, проведенном Центром комплексных социальных исследований Института социологии РАН «Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов», приведены оценки эффективности современной российской бюрократии и ее роли в процессе осуществления государственного управления как населением, так и непосредственно государственными служащими¹¹. Именно в «унии» крупного олигархического капитала и властвующей элиты россияне видят главный «механизм торможения», препятствующий выходу России на траекторию устойчивого развития. На вопрос о том, что сегодня препятствует быстрому экономическому росту страны, почти половина россиян (49,9 %) отметила коррумпированность нынешней экономической и политической элиты. Эту позицию на первое место ставит и низовое чиновничество (35,4 %). По данным этого же исследования, наивысшее влияние бюрократии на общество россияне приписывают не дореволюционной России, не СССР при Л. И. Брежнев или России при Б. Н. Ельцине, а России на современном этапе ее развития.

Это подтверждается и опросом, проведенным аналитическим центром Левада-центр в начале 2012 г.: 50 % опрошенных отметили, что влияние бюрократии и чиновников на жизнь страны стало больше, чем 10–12 лет назад. Также население и госслужащие сходятся во мнении о том, что наибольшее влияние на экономическую жизнь оказывает именно бюрократия (45,4% опрошенных), тогда как президент влияет лишь на политическое развитие общества. Россияне разного возраста и

уровня материальной обеспеченности, проживающие в различных поселениях и придерживающиеся самых разных идейно-политических предпочтений, в большинстве своем дают негативную оценку работе российской бюрократии (от 50 % молодежи до 56–62% респондентов других возрастных групп; от 53,1% хорошо обеспеченных до 57,6% плохо обеспеченных; от 52,8% живущих в селах до 66,9% жителей мегаполисов)¹². Неэффективность функционирования российской бюрократии подтверждается и результатами многочисленных зарубежных исследований. Так, например, в рейтинге глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index), представленном в ежегодных докладах Всемирного экономического форума, Россия в 2011–2012 гг. находится на 66-ом месте из 142¹³.

Достижением последних пяти лет стала разработка национальной методики комплексной оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ. Данная оценка осуществляется посредством ежегодного мониторинга эффективности органов исполнительной власти в субъектах федерации по множеству показателей, затрагивающих все сферы жизни общества, и заключается в составлении на их основе рейтинга регионов. На основе результатов данного мониторинга возможно производить оценку эффективности исполнительной власти в России не в целом, а как сумму частей эффективности региональной власти.

Низкая эффективность государственного управления в регионах подтверждается не только косвенными социально-экономическими показателями, но и результатами ежегодного исследования непосредственно эффективности исполнительной региональной власти, осуществляемого Министерством регионального развития совместно с субъектами Российской Федерации в соответствии с Указом Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», а также Постановлением Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. N 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»¹⁴. Результатом оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти являются итоговый рейтинг субъектов Федерации. По мнению автора, данный рейтинг дает значительную объективную информацию для оценки эффективности региональной власти, поскольку в нем наиболее полным образом собраны точно измеряемые показатели из разных сфер государственного управления, на основе которых осуществляется равное сравнение субъектов РФ. Кроме того, данное исследование позволяет выявить ряд сфер, которым необходимо уделить особое внимание для улучшения соци-

ально-экономического положения в регионе. В ряде же иных рейтингов часто осуществляются различного рода манипуляции посредством отбора наиболее высоких и замалчивания наиболее низких показателей, в результате чего формируется ложное представление о достаточном благосостоянии практически каждого региона.

Анализ регионального уровня эффективности государственного управления в Волгоградской области также наглядно демонстрирует тенденции снижения по отношению к общефедеральным. Снижение эффективности функционирования регионального правительства в Волгоградской области, проявляющееся как в рейтингах Минрегионразвития России, так и в оценках регионального экспертного сообщества, является следствием недостаточной последовательности в реализации приоритетных направлений региональной государственной политики; высокого уровня ротации в административном аппарате руководства областью; противоречий между представителями региональной исполнительной власти и руководителями органов местного самоуправления и др.

В рамках пессимистичного сценария социально-политического и общественно-экономического развития Волгоградской области может повториться события трехлетней давности. Существует вероятность того, что деятельность команды губернатора Волгоградской области С. А. Боженова приведет к дальнейшему развитию кризиса эффективности региональной исполнительной власти. В глазах жителей региона нахождение на посту губернатора-«астраханца» остается недостаточно легитимным, что может подпитываться и различными скандалами, в которых регулярно оказываются глава региона и его команда. В перспективе возвращение к принципу выборности глав представительной власти субъектов РФ должно способствовать повышению административной и политической ответственности региональной бюрократии, а следовательно, и ее эффективности.

Таким образом, уровень эффективности бюрократии в Волгоградской области как одном из субъектов Российской Федерации в целом отражает общероссийские тенденции. Однако, по сравнению с другими регионами, область демонстрирует значительное снижение основных показателей эффективности деятельности органов исполнительной власти, что, по мнению автора, является следствием кризиса системы государственного управления в регионе, связанного со сменой губернаторских составов и их деятельностью в течение последних лет.

Опираясь на международный опыт реформирования системы государственной службы, можно предложить ряд рекомендаций для повышения функциональной эффективности государственной бюрократии в современной России:

– совершенствование правовой основы деятельности органов исполнительной власти РФ и субъектов Федерации;

– формирование системы мониторинга общественного мнения об эффективности государственной бюрократии;

– разработка и введение антикоррупционных стандартов не только в виде установления для государственной бюрократии единой системы запретов, ограничений, обязанностей и дозволений, направленных на предупреждение коррупции, но и конкретных санкций за их нарушение;

– создание системы контроля деятельности государственной бюрократии со стороны институтов гражданского общества;

– упорядочение и конкретизация полномочий государственных служащих как одной из составных частей государственной бюрократии, которые должны быть закреплены в должностных регламентах;

– совершенствование механизма, обеспечивающего соблюдение государственным служащими общих принципов служебного поведения, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»;

– разработка процедуры, обеспечивающей проведение служебных расследований случаев коррупционных проявлений со стороны государственных служащих;

– внедрение в практику кадровой работы государственных органов правила, в соответствии с которым длительное, безупречное и эффективное исполнение государственным служащим своих должностных обязанностей должно в обязательном порядке учитываться при назначении его на вышестоящую должность, присвоении ему воинского или специального звания, классного чина, дипломатического ранга или при поощрении;

– внедрение эффективных технологий и современных методов кадровой работы, направленных на повышение профессиональной компетентности, мотивации государственных служащих.

Примечания

- ¹ Галиуллин Т. Т. Современные проблемы оценки эффективности государственного управления // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2009. № 4 (21). С. 30.
- ² Lindblom Ch., Woodhouse E. The Policy-Making Process. Upper Sadle River, 1993. P. 59. Цит. по: Абрамов А. В. Государственные служащие как политическая страта общества : дискуссии и проблемы // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. 2010. № 2. С. 133.
- ³ Пономарева Е. Г. Специфика властной организации современного российского общества // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ponomareva/> (дата обращения: 12.10.2013).
- ⁴ Положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе (утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849) (с изм. от 21 июня, 9 сентября 2000 г., 30 января 2001 г., 6 апреля, 5 октября 2004 г., 21 марта 2005 г., 11 апреля 2008 г., 30 апреля 2009 г., 12 января, 7 сентября 2010 г.). URL: http://ufo.gov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5&Itemid=6 (дата обращения: 12.10.2013).
- ⁵ О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 21.11.2011 г., с изм. от 06.12.2011 г.). URL: <http://www.rg.ru/2004/07/31/gossluzhba-dok.html> (дата обращения: 12.10.2013).
- ⁶ В последующей редакции Указа Президента Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 814 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 “Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих” и в общие принципы, утвержденные этим Указом» (См.: Рос. газ. 2009. 17 июля).
- ⁷ Оболонский А. В. Кризис бюрократического государства : Реформы государственной службы : международный опыт и российские реалии. М., 2011. С. 243–249.
- ⁸ Ачкасов В. А. Россия : результаты трансформации административно-политической системы // Демократия и управление : Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии. № 1 (5). СПб., 2008. С. 27.
- ⁹ Гуторов В. А. Президентская Администрация в современной России и традиция «реальной политики» // Там же. С. 40.
- ¹⁰ Соловьев А. И. Бюрократия в пространстве власти : политическая перезагрузка // Там же. С. 87.
- ¹¹ Бюрократия и власть в новой России : позиции населения и оценки экспертов. Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf (дата обращения: 12.10.2013).
- ¹² Левада-Центр. Ежегодный сборник «Общественное мнение 2012». URL: https://docs.google.com/viewer?docex=1&url=http://www.levada.ru/sites/default/files/om-2012_0.pdf (дата обращения: 12.10.2013).
- ¹³ The Global Competitiveness Report 2011–2012. URL: <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness> (дата обращения: 21.10.2013).
- ¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL: <http://graph.document.kremlin.ru/DownloadZip.ashx?realfile=1/623/1623676.zip&shownfile=1623676.zip> (дата обращения: 25.10.2013) ; Постановление Правительства РФ от 03.11.2012 г. № 1142 (ред. от 10.09.2013 г.) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 “Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации”». URL: <http://rg.ru/2012/11/27/meri-dok.html> (дата обращения: 25.10.2013).

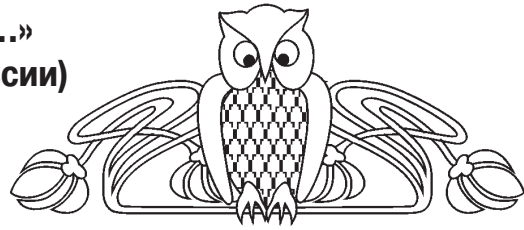

УДК 94(47)

«ПРЕОДОЛЕТЬ КРИЗИС МИРОВОЗЗРЕНИЯ...» (НТС НП и его программа возрождения России)

В. А. Митрохин

Саратовский государственный университет
E-mail: mitrokhinva@yandex.ru

Статья посвящена анализу программных целей и установок влиятельной организации российской эмиграции первой волны Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТС НП). Исследуются направления и способы воспитания молодого поколения, мировоззренческие ориентиры в контексте европейской истории второй половины 1930-х гг.

Ключевые слова: эмиграция, либерализм, фашизм, национализм, солидаризм, демократия, партия, выборы, империя, Советский Союз.

«Overcome the Crisis Outlook ...» (NLU NG and its New Generation Program of Reviving Russia)

V. A. Mitrokhin

Article is devoted to the analysis of program purposes and prescriptions of the authoritative organization of the Russian «first» wave emigration – National and Labour Union of New Generation. The directions and ways of education of young generation, ideology reference points in a context of the European history of the second half of the 30th years are investigated.

Key words: emigration, liberalism, fascism, nationalism, solidarizm, democracy, party, elections, empire, Soviet Union.

Важным направлением деятельности российской политической эмиграции первой волны (20–30-е гг. XX в.) стала разработка планов обустройства страны после крушения коммунистического режима. Одним из резонансных проектов такого рода стала идея «корпоративного» государства, больше известная как «солидаризм».

Собственное видение будущего России родилось в недрах одной из многочисленных эмигрантских организаций под названием Национальный союз русской молодёжи (образована в 1930 г.), позже преобразованной в Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (1936 г.). К концу 30-х гг. организация пользовалась популярностью среди эмигрантской молодёжи, имела разветвлённую сеть «первичек», преимущественно в европейских странах (по некоторым данным, более 30) и сумела предложить своим сторонникам ясную программу действий по достижению заявленных целей.

«Активистское» настроение «нацмальчиков», как зачастую именовали членов НТС НП, находило поддержку и сочувствие у многих представителей старшего поколения эмигрантов. Например, свои симпатии в отношении организации неоднократно выражали такие известные люди, как И. А. Ильин и В. В. Шульгин.

Руководство Союза¹, выполняя миссию подготовки «русского национального рыцарства», придавало большое значение организационному строительству, кадровой работе (существовала сложная система отбора кандидатов в организацию). Особое место занимала идеологическая подготовка молодого поколения. В течение 30-х гг. был разработан «Курс национально-политической подготовки», известный как «зелёные романы». Первое его издание увидело свет в 1934 г., а перед войной в Белграде вышли 1-я, 3-я и 4-я части, подготовленные с учётом отзывов членов организации из разных стран. По мнению самих НТСовцев, в издании было представлено «новое понимание общественного идеала, отражавшее одно из наиболее оригинальных течений российской государственно-политической мысли в эмиграции»².

«Путь к будущей России» виделся через осмысление причин крушения Российской империи, которая, с точки зрения авторов, «воплощала высшую волю и высшую правду, отражавшихся в блеске царскосельских парадов, в святых подвижниках земли русской, в мирном пахаре, мужике-богоносце...»³. Россия была загублена «диким разгулом нашего родного озорства, искалечена антинациональным, сухоумным, нежизненным теоретизмом, предана никчемностью и дряблостью ведущих слоёв своего народа»⁴.

Будущая империя должна быть построена на принципиально новых основаниях⁵. Осуществлять грандиозный проект перестройки общественных отношений в стране должна была твёрдая и ответственная власть, «стоящая над партиями, классами и черпующая свою силу в идее служения Родине».

Кадры для новой управленческой элиты предполагалось рекрутировать из разных социальных слоёв, а её отличительными чертами должны стать государственное чутьё, способность к социальному творчеству и мировоззренческая цельность. Основные усилия новой власти предполагалось направить на формирование гражданского сознания: «В дореволюционной России было слишком много верноподданных и очень мало граждан. Сделать людей гражданами – дело трудное и продолжительное, требующее от Верховной власти педагогической практичности и доброй воли»⁶.

Новый строй национально-трудового солидаризма планировалось созидать на твёрдом

фундаменте общественной справедливости. Для этого жизненно необходимо поддержание социального чувства («социального народного разума») как стараниями власти, так и ответственным отношением к своим обязанностям граждан страны: «Долг всякого гражданина – не угашать в себе социального сознания. Отказ от участия в социальной работе граничит с беспечностью, это неплатёж должного обществу», – утверждали идеологи НТС⁷.

Основные положения правильной социальной организации общества сводились к четырём положениям:

- 1) обеспечение прав и свобод на веру и творчество;
- 2) равенство возможностей в школе и труде;
- 3) установление правообязанности труда;
- 4) равное обеспечение за каждым возможностей на достойное существование своё и своей семьи.

Разумеется, не могло идти и речи о каких-либо сословных и наследственных привилегиях. Результатом воплощения в жизнь задуманного должно стать внедрение «в плоть и кровь народную гражданскую традицию»⁸.

Вопрос развития каждого отдельно взятого человека также не остался без внимания авторов программы. Человек с момента появления на свет неразрывно связан с окружающим социальным миром, зависит от него и развивается под его влиянием. Однако эта зависимость не должна быть тотальной. Общество не должно подавлять личность. По мысли социальных архитекторов будущего из НТС НП, необходимо стремиться к равновесию, балансу интересов общества и личности. В ходе эволюции эти интересы могут не совпадать и даже противопоставляться. Происходит это, как правило, при неудачной организации такого взаимодействия (и здесь решающая роль остаётся за государством), либо под влиянием ложной идеи развития.

Важнейшим условием достижения гармонии интересов личности и общества, а в конечном итоге возрождения национального величия России должен стать «примат духа над материей»⁹.

Вопрос «примата духа» в эмигрантской организации напрямую увязывался с вопросами идейного развития. Именно отсутствие системообразующей идеи, с точки зрения авторов программных документов, являлось главной причиной бессилия и бесплодности эмигрантского бытия. «Зелёные романы» весьма критично оценивали идейное состояние российской эмиграции на излёте второго десятилетия её существования: «На фоне былого величия, культурных достижений <...> только резче выделилась идейная беспомощность, неподвижность застывших форм, стесняющих всё новое и молодое, отсутствие пафоса активности и ясности мышления...»¹⁰

Там же, в эмиграции вновь проявилась извечная беда российского просвещённого класса

– слепое подражание и копирование европейских привлекательных образцов, в том числе в области мировоззренческих поисков: «В течение двух последних веков образованное общество России ставило вопросы её бытия и искало их разрешения не в сущности русской жизни и психики, а в западноевропейской философии, одной из крайностей которой является коммунизм»¹¹.

Идейные вожди НТС весьма критично оценивали увлечение определённой частью эмигрантского сообщества европейским фашизмом, а сам фашизм как идея развития вызывал у них большие сомнения: «В приложении к так называемому фашистскому строю и фашистской государственности рано ещё говорить о “новом” строе и “новом” человеке. Период партийных диктатур и диктатур вообще есть период ломки»¹².

Особенное неприятие у русских эмигрантов вызывали расовые аспекты европейского фашизма. Они считали невозможным любое угнетение так называемых «низших» рас «высшими» с последующей ассимиляцией: «Недопустимо, когда один народ насилует другие». По мнению НТС НП в наибольшей степени этой «заразе» были подвержены немецкий и еврейский народы¹³.

Не меньшей критике подвергалась другая крайность – увлечение европейским либерализмом и связанной с ним политической демократией¹⁴. Особые нарекания вызывали «партийная грызня» и следующие за ней выборы. В погоне за глосами партии дают несбыточные обещания, а сама пропаганда партийных взглядов и программ требует внушительных средств. «Нередко партии, стоящие у власти, достают деньги из государственной казны», выборы же с их участием превращаются в «унизительную для серьёзных государственных работников шумиху»¹⁵. В «зелёных романах» по этому поводу приводится мнение французского социалиста Леона Блюма: «Успех выборов зависит от последней предвыборной недели. Всё основывается на минутном настроении масс. Под влиянием пропаганды это настроение быстро создаётся и после выборов столь же быстро исчезает. Во Франции с 1920 по 1931 годы сменилось 21 правительство»¹⁶. Сформированный по итогам конкурентной борьбы парламент, «по идее долженствующий быть носителем “воли народной”, превращается в арену для сведения партийных счётов»¹⁷.

Программное заявление лидеров НТС НП в отношении европейского политического порядка больше напоминает строки из приговора: «Мы отмечаем либерализм, ведущий к деспотизму партий, экономической анархии и духовной опустошённости»¹⁸.

Важное место в программе воспитания нового человека, «пробуждении внутреннего возрождения», занимал национальный вопрос. По мнению авторов «зелёных романов», связано это, в первую очередь, с тем, что в русском человеке, государствообразующем элементе рухнувшей им-

перии, «произошло раздробление национального мировоззрения»¹⁹.

Судя по всему, сторонники НТС не были поборниками «узкого» национализма, и, как мы уже отмечали, негативно относились к его крайним формам, распространённым в Европе 1930-х гг. Весьма показательным в этой связи определение шовинизма, отражавшее взгляды лидеров Союза: «Шовинизм – чрезмерная любовь ко всему “своему”, нездоровое, уродливое проявление национализма»²⁰.

Вместе с тем исторический анализ национального развития европейских государств со времён Французской революции подвёл эмигрантов к выводу о зарождении «нового национализма», набравшего силу в Италии, Турции, Португалии и других странах. Его проявления различались и были связаны с особенностями стран и народов, взявших на вооружение эту идею. Крайние формы «нового национализма» (например в Германии) тяготели к тоталитаризму и претендовали на подчинение всех сфер жизни человека, включая личную.

По мнению НТСовцев, были и общие черты, объединявшие сторонников «нового национализма» разных стран. Среди них: бескомпромиссное отношение к врагам собственного народа, стремление к социальной справедливости, динамизм. Несмотря на неоднозначное отношение к некоторым проявлениям этого течения, русские эмигранты поддерживали и разделяли «новонациональную» идею любви к собственной нации.

В «зелёных романах» представлен детальный анализ самого понятия «нация», определены важнейшие её характеристики. Помимо критической оценки традиционно выделяемых черт (общность языка, быта, происхождения и т. д.), солидаристы акцентируют внимание на общности духовных ценностей и культуры, исторического прошлого, единстве устремлений в будущее. С их точки зрения, нация – это неразрывное единое целое, «коллективная личность», осознанно воспринимающая свою миссию в сообществе племён и народов и, тем самым, создающая условия для самовыражения и развития²¹.

Созидаемый на таком понимании нации «новый национализм», по убеждениям солидаристов, должен превосходить примитивное расистское толкование отношений между народами, «он шире и глубже народолюбия и патриотизма. Шире, потому что содержит в себе народолюбие и патриотизм. Глубже, потому что включает в себя осознание сущности своей нации, её вечных ценностей»²². Помимо этого «новый национализм» несовместим со страхом, так как «страхом ничего истинного и подлинно здорового не может быть создано»²³.

Завершая раздел программы, связанный с национально-политическим воспитанием эмигрантской молодёжи, авторы приходят к выводу о том, что «новый национализм» может и должен быть взят на вооружение «российской нацией»²⁴,

так как в нём «высокое торжествует над низким, а ценное берёт перевес»²⁵. Справедливости ради нужно отметить, что сверхзадача «российского национально-трудового солидаризма» выглядела весьма привлекательно. Она предполагала «воспитание достойных российских граждан, хозяев своей страны, и осуществление духовного прогресса российской культуры и государственности»²⁶. Тем не менее деятельность организации вызывала много вопросов и нареканий в эмигрантской среде на всём протяжении её существования. Многих смущал агрессивный антисоветизм НТСовцев. На определённом этапе появились опасения – «как бы вместе с водой ребёнка не выплеснуть». Эти сомнения укрепились в послевоенное время.

В 1961 г. в работе «Русский путь самосохранения» Александр Уайт высказал мнение, укрепившееся в сознании многих эмигрантов и их потомков, – борьба НТС против советской системы превратилась в борьбу против исторической России. «Мировая демократия» имеет далеко идущие планы в отношении СССР, и эмиграция лишь один из инструментов, используемых для расшатывания «неприемлемой для Запада системы»: «Не пора ли признать, что эмиграция лишь политический объект, эксплуатируемый Западом <...> Мы, эмигранты, становимся перед всей российской нацией поручителями за величайших эксплуататоров и вековых врагов нашей империи...»²⁷. Конечная цель политики Запада – балканизация страны. Автор нашумевшей книги также предупреждал, что внутри Советского Союза усилиями «англосаксов» создаётся кадровая база для будущей либеральной России²⁸.

Прогноз оказался точным. Разрушение СССР в 1991 г. привело не только к ликвидации коммунистической системы, но и к потере многих исторических завоеваний российского народа (и речь идёт не только о территории). Результаты многолетних усилий внутренних и внешних оппонентов советской системы превзошли все ожидания и сопоставимы с последствиями суровой войны. Запоздалое осознание этой истины породило сакраментальную фразу тех лет – «метили в коммунизм, а попали в Россию».

Примечания

- ¹ В разные годы организацию возглавляли профессор М. А. Георгиевский (секретарь Исполнительного бюро Союза), герцог С. Н. Лейхтенбергский, В. М. Байдалаков.
- ² Ранние идейные поиски российских солидаристов: сб. М., 1992. С. 7.
- ³ Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Курс национально-политической подготовки. Белград, 1939. С. 6.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Идеологи Союза проводили жёсткое разграничение между понятиями «империя» и «империализм».

Имперская политика рассматривалась как творческое объединение племён и народов в единый организм при сохранении их самобытности. Империализм же виделся ничем не оправданным стремлением государства расширить территорию путём захвата чужих земель и навязыванием покорённым народам «железом» и «кровью» своей культуры и образа жизни.

- 6 Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 119.
- 7 Там же. С. 91.
- 8 Там же. С. 119.
- 9 Там же. С. 89, 93.
- 10 Там же. С. 12.
- 11 Там же. С. 152.
- 12 Там же. С. 154. В этой области идейных утверждений позиции лидеров НТС НП совпадали со взглядами П. Б. Струве, который ещё в 1927 г. выражал критическое отношение к фашизму (См.: *Струве П. Б.* Фашизм и социализм // *Возрождение*. 1927. 15 апр.).
- 13 Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 109.
- 14 Весьма жёстко авторы «Зелёных романов» оценивали итоги политической демократии в России после крушения монархии в 1917 году: «Если говорить о политической демократии, о правительстве крикунов,

адвокатов, профессоров, втиравших очки народу, то век демократии умер вместе с Милюковым» (Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 155).

- 15 Там же. С. 11.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 15.
- 19 Там же. С. 8.
- 20 Там же. С. 110.
- 21 Там же. С. 98, 101.
- 22 Там же. С. 110.
- 23 Там же.
- 24 Важной чертой посткоммунистического будущего страны должна стать, по мысли солидаристов, так называемая «российскость». Она предполагала гармоничное сочетание, содружество равноправных народов бывшей Российской империи.
- 25 Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 115.
- 26 Там же. С. 15.
- 27 См.: *Уайт А.* Русская политика самосохранения. Мюнхен, 1961. С. 12, 31, 53, 100.
- 28 Там же. С. 66.

УДК 329.059470+571

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА НА ЗАПАДЕ И В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

А. В. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье предложено авторское понимание использования понятия «инверсия» для анализа структурных изменений либерализма, влекущих за собой новые качества этого сложного и многозначного явления, новые порядки и результаты его функционирования. Выявлены принципиальные отличия алгоритма инверсии либерализма в западноевропейских странах и в постсоветской России.

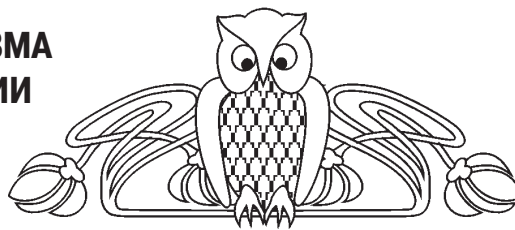
Ключевые слова: инверсия, политическая инверсия, либерализм, динамика инверсии, либеральные партии.

Political Inversion of Liberalism in the West and Post-soviet Russia

A. V. Golovchenko

The author offers his own conception of using the term of an inversion for analysis of structural changes of liberalism entailing new features of this complicated and multi-semantic phenomenon, new ways and results of its functioning. Core differences in algorithms of inversion of liberalism in the West countries and post-soviet Russia are pinpointed in this article.

Key words: inversion, political inversion, liberalism, dynamic of inversion, liberal parties.

Одна из важнейших теоретических проблем политической науки и обществоведения в целом состоит в том, что возникшие и оформленные единожды идейные концепты в ходе своего дальнейшего развития приобретают самые различные с точки зрения содержания и оформления (иногда очень причудливые) очертания. Так, например, произошло с понятием «демократия», которое за две с половиной тысячи лет своего существования наполнялось различным смыслом и до сих пор вызывает бурные дискуссии у сторонников разных его толкований. Так произошло с понятием «политическая элита», которое в современных условиях приобретает совершенно иной смысл, чем это было у Платона, Аристотеля и Конфуция. Так произошло и с концептом «либерализм», который за время своего существования проделал очень сложный путь внутренних трансформаций и смысловых аберраций. Как представляется, для анализа таких онтологических изменений политических концептов целесообразно использовать понятие «инверсия». Его активно используют в своих научных исследованиях биологи, физики,

Имперская политика рассматривалась как творческое объединение племён и народов в единый организм при сохранении их самобытности. Империализм же виделся ничем не оправданным стремлением государства расширить территорию путём захвата чужих земель и навязыванием покорённым народам «железом» и «кровью» своей культуры и образа жизни.

- 6 Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 119.
- 7 Там же. С. 91.
- 8 Там же. С. 119.
- 9 Там же. С. 89, 93.
- 10 Там же. С. 12.
- 11 Там же. С. 152.
- 12 Там же. С. 154. В это области идейных утверждений позиции лидеров НТС НП совпадали со взглядами П. Б. Струве, который ещё в 1927 г. выражал критическое отношение к фашизму (См.: *Струве П. Б.* Фашизм и социализм // *Возрождение*. 1927. 15 апр.).
- 13 Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 109.
- 14 Весьма жёстко авторы «Зелёных романов» оценивали итоги политической демократии в России после крушения монархии в 1917 году: «Если говорить о политической демократии, о правительстве крикунов,

адвокатов, профессоров, втиравших очки народу, то век демократии умер вместе с Милюковым» (Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 155).

- 15 Там же. С. 11.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 15.
- 19 Там же. С. 8.
- 20 Там же. С. 110.
- 21 Там же. С. 98, 101.
- 22 Там же. С. 110.
- 23 Там же.
- 24 Важной чертой посткоммунистического будущего страны должна стать, по мысли солидаристов, так называемая «российскость». Она предполагала гармоничное сочетание, содружество равноправных народов бывшей Российской империи.
- 25 Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 115.
- 26 Там же. С. 15.
- 27 См.: *Уайт А.* Русская политика самосохранения. Мюнхен, 1961. С. 12, 31, 53, 100.
- 28 Там же. С. 66.

УДК 329.059470+571

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА НА ЗАПАДЕ И В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

А. В. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье предложено авторское понимание использования понятия «инверсия» для анализа структурных изменений либерализма, влекущих за собой новые качества этого сложного и многозначного явления, новые порядки и результаты его функционирования. Выявлены принципиальные отличия алгоритма инверсии либерализма в западноевропейских странах и в постсоветской России.

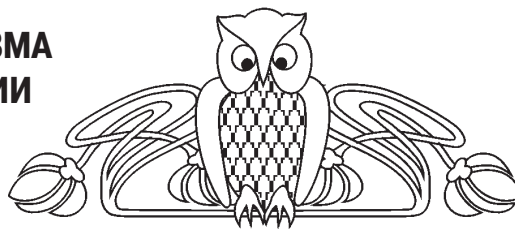
Ключевые слова: инверсия, политическая инверсия, либерализм, динамика инверсии, либеральные партии.

Political Inversion of Liberalism in the West and Post-soviet Russia

A. V. Golovchenko

The author offers his own conception of using the term of an inversion for analysis of structural changes of liberalism entailing new features of this complicated and multi-semantic phenomenon, new ways and results of its functioning. Core differences in algorithms of inversion of liberalism in the West countries and post-soviet Russia are pinpointed in this article.

Key words: inversion, political inversion, liberalism, dynamic of inversion, liberal parties.

Одна из важнейших теоретических проблем политической науки и обществоведения в целом состоит в том, что возникшие и оформленные единожды идейные концепты в ходе своего дальнейшего развития приобретают самые различные с точки зрения содержания и оформления (иногда очень причудливые) очертания. Так, например, произошло с понятием «демократия», которое за две с половиной тысячи лет своего существования наполнялось различным смыслом и до сих пор вызывает бурные дискуссии у сторонников разных его толкований. Так произошло с понятием «политическая элита», которое в современных условиях приобретает совершенно иной смысл, чем это было у Платона, Аристотеля и Конфуция. Так произошло и с концептом «либерализм», который за время своего существования проделал очень сложный путь внутренних трансформаций и смысловых аберраций. Как представляется, для анализа таких онтологических изменений политических концептов целесообразно использовать понятие «инверсия». Его активно используют в своих научных исследованиях биологи, физики,

химики, геологи, медики, психологи, лингвисты для обозначения структурных изменений в системах, влекущих за собой принципиально новые качества этой системы, принципиально новые порядки и результаты ее функционирования.

В социальных и гуманитарных науках понятие «инверсия» используется реже. В гуманитарных науках устойчиво преобладают качественные методы проведения исследований, что само по себе создает условия для манипуляций смыслами теоретических понятий в рамках традиционных для научного дискурса формулировок. В значительной мере прогресс научной теории становится заметным в гуманитарном знании именно тогда, когда в научном дискурсе происходят такого рода манипуляции. Большинство их не приводит к практическим подвижкам в научной теории, но порой уточнение смысла привычных понятий действительно позволяет создать в научном пространстве новые предметные поля. Кроме того, значительная часть семантических значений понятия «инверсия» в сфере политике связана с достаточно утрированными трактовками-«перевертышами» (с противоположно направленными смыслами): «великий перелом» (в двусмысленном значении), «перестройка» («катастрофка»), «демократия» («дерьмократия»)¹. Этот ряд можно было бы продолжить, используя безбрежное информационное поле конкурентной борьбы представителей различных политических сил друг с другом, не последнее место в которой занимает поиск «удачных» запоминающихся образных ярлыков для наклеивания на своих противников.

Саратовские исследователи предложили использовать данное понятие для научного изучения фактов переворачивания смыслов исторических явлений, взаимообратимости и «двойничества» этих смыслов как факторов социокультурного развития. По их мнению, наукообразие данного термина имеет определенный смысл. «Слова “инверсия”, “инверсионная логика” подчеркивают закономерную природу данных явлений, маркируют собственно научное пространство его изучения, помогают преодолеть дихотомический, избыточно ценностный подход к процессам модернизации (оценка модернизации и самобытности в полярно противоположных координатах: ценность – антиценность)»². На наш взгляд, понятие «инверсия» позволяет сделать акцент не столько на закономерностях природы переворачивания смыслов исторических явлений, сколько на конкретной совокупности внешних и внутренних причин и факторов таких aberrаций (понимаемых как отклонение от устоявшейся или обоснованной прежде нормы). В этом случае инверсия политических концептов может быть объяснена не только внутренней логикой, но и воздействием разнообразных внутренних и внешних обстоятельств, которые формально не вписываются в данную логику, нарушают ее либо обосновывают новую логику.

В качестве примера алгоритма такой «алогичной» инверсии хорошо подходит пример либерализма. Возникнув в начале Нового времени как довольно размытый идеал, как своего рода европейско-североамериканская социальная «мечта» о справедливом социально-политическом и социально-экономическом устройстве, либерализм превратился вначале в инструмент разрушения сложившихся и функционировавших на протяжении столетий политических и социально-экономических институтов; затем в партийно-идеологические программы для воплощения в политическую практику; затем эволюция данной практики от концепта «государство – ночной сторож» до современных многовариантных своих проявлений: от концепции социального государства и до либертарианской концепции. Либеральная идея так успешно обеспечивала все повороты политической жизни буржуазных обществ, что стала их базовой политической традицией. Хотя, вероятно, можно прогнозировать, что нынешнее «традиционное» качество либерализма не станет последним этапом его инверсий: как и всякая традиция, он неизбежно будет подвергнут критике (симптомы чего наблюдаются уже сегодня) и породит новую социальную мечту, возможно, антилиберальную или постлиберальную. Такого рода обозначения, примененные нами, как раз показывают естественность изменений формы и смысла понятий вслед за изменением их роли в научном дискурсе.

Динамика этой инверсии была рассредоточена по времени на протяжении более двух столетий. Несмотря на дискретность процесса в результате сочетания периодов революционных импульсов, контрреволюционных откатов и реформаторских преобразований, она сопровождалась определенными социокультурными, социально-политическими и социально-экономическими позитивными сдвигами, которые затронули интересы большинства населения. Причина видится в том, что исторические инверсии европейского и американского либерализма вполне коррелировали с такого же масштаба подвижками в неполитических практиках цивилизованных социумов, с тем, как накапливались ресурсы буржуазной цивилизации. Либерализм в этом смысле как система политических и отчасти неполитических (морально-этических) принципов социального и государственного общежития не был для европейцев и североамериканцев существенным обременением их исторически сложившихся стратегий развития. Он как бы продолжил дело авторитаризма в Старом Свете. Фактически либерализм выступил для западных обществ не только как инструмент критики существовавших традиционных систем, но и как средство их усовершенствования, основанное на рациональных свойствах человеческой природы, как инструмент социального прогресса. Это обеспечило его вживляемость в ткань «западного» политического процесса.

В постсоветской России, напротив, инверсия либерализма оказалась впрессована в сверхжаты́й промежуток времени³, став одновременно ключевой первопричиной регресса в социально-экономическом развитии страны, огромных потерь экономических, культурных и социальных ресурсов. Соответственно, и осуществлялась она в условиях резкого падения уровня жизни большинства российского населения. Поэтому алгоритм, динамика и результаты такой «алогичной» инверсии либерализма оказались совершенно иными, чем на Западе.

На Западе период распространения либерализма как «мечты» занял достаточно большой промежуток времени, оказывая воздействие вначале на научное сообщество, а затем, с помощью публицистов и практикующих политиков, постепенно завоевывая сторонников среди различных слоев населения и, соответственно, свое место в партийном и политическом пространстве. В России распространение либерализма как «счастливого образа будущего» началось после прихода к власти разномастных сторонников демократизации сложившейся в СССР социально-политической и социально-экономической системы. Критика ее недостатков со стороны и самого М. С. Горбачева⁴ как инициатора перестройки, и большинства его противников осуществлялась на идеологической основе различных вариантов демократического социализма, а отнюдь не либерализма. Причем апелляция и тех, и других была к марксистско-ленинским концептам социалистической теории, а не к трудам либералов. Например, М. С. Горбачев постоянно подчеркивал, что цель перестройки состоит в том, чтобы «теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма...»⁵. Его будущий политический оппонент Б. Н. Ельцин, характеризуя общую логику имевшего место политического и теоретического поиска в начале перестройки, также публично подтверждал что «подготовка к XXVII съезду, его работа идет как бы по ленинским конспектам...»⁶.

Впоследствии данная единая исходная критическая позиция развивалась на основе все более отчетливо проявлявшейся дивергенции. М. С. Горбачев и его сторонники как инициаторы перестройки изначально стремились подвести теоретическую базу преобразований, непротиворечивую в своих основаниях ключевым идеям социализма, в сторону «социализма с человеческим лицом», чтобы процесс политических и социально-экономических преобразований имел изначально непротиворечивый концептуальный и идеологический посыл к развитию.

Трансформация демократического вектора критики существовавшей социалистической системы шла не по пути укрепления и расширения либеральной аргументации (она активизировалась лишь в отношении достаточно узкой группы интеллигенции), а в направлении формирования

эмоционально-интуитивного недовольства ее очевидными недостатками и пороками, которые все сильнее проявлялись в данный период. В обществе для большинства населения разжигались настроения по типу, что «надо что-то делать, так больше жить нельзя». Об этом снимали фильмы (например, нашумевший художественно-документальный 115 минутный фильм С. Говорухина 1990 г. так и назывался «Так жить нельзя»), об этом писали статьи и книги ученые и публицисты⁷. Уже по прошествии нескольких лет многие активные участники перестроечных событий признавали особенность этой субъективной подоплеку политического выбора, совершенного обществом, подчеркивая, что : «у нас не было отчетливого осознания осуществляемых нами самими перемен»⁸. Об этом же писал в свое время известный российский социолог Ю. А. Левада: «Возвращаясь к оценкам перестройки в общественном мнении приходится признать, что состояние последнего сейчас исключает не только исторически справедливую, но хотя бы более или менее взвешенную оценку перелома»⁹.

Такая эмоциональная негативно-критическая основа массовых настроений в начале периода радикальных демократических преобразований после разрушения СССР привела к тому, что осознанное понимание сути внедряемых либеральных основ политической и социально-экономической жизни российского общества отсутствовало не только у большинства населения, но и у значительной части демократической интеллигенции, которая в перестроечные годы и была главным субъектом внедрения психологической установки «так жить нельзя». В результате в алгоритме инверсии либерализма в постсоветской России изначально произошла деформация этапа «мечты»¹⁰ и процесса ее внедрения в массовое сознание. «Прагматически и реформаторски ориентированный» российский новый либерализм, соответственно, был лишен сколько-нибудь масштабной социальной базы в силу отсутствия дееспособного субъекта его распространения. Он был заимствован в качестве готового и апробированного на Западе образца идеальной модели общественно-политического устройства с расчетом на то, что рынок все расставит по своим местам, а новые собственники проявят эффективность в деле повышения конкурентоспособности российской экономики на мировом рынке. Такой российский алгоритм практического внедрения либерализма на неподготовленную российскую почву привел к тому, что он был дискредитирован изначально в сознании большинства российского населения. Обусловлено это было тем, что в качестве образца заимствована была модель двухсотлетней давности, без учета того, что в западных странах либерализм претерпел за этот период ту инверсию, которая превратила его в нечто, очень существенно отличающееся от изначального классического варианта¹¹.

Самое главное, что начальный период инверсии идеи либерализма одновременно был последней стадией инверсии идеи социализма. Большая часть населения СССР и впоследствии России свое недовольство существующими недостатками социалистического строя не связывала с либеральными ценностями и принципами, а рассчитывала на их устранение в рамках совершенствования существующей системы. Фактически немногочисленные либерально ориентированные политические силы, ведущие борьбу с М. С. Горбачевым, искусно маскировали свои цели в рамках формирования общего недовольства ухудшающимся положением населения в процессе перестройки. Используемый образ демократии и рынка как ориентиров столбовой дороги всего цивилизованного мира был очень аморфным и неконкретным и не мог привести к осознанному усвоению либеральных ценностей и принципов. В результате процесс преобразования «реального социализма» в «социализм с человеческим лицом» завершился формированием модели либерализма «дикого капитализма».

Иными словами, вместо периода «мечты» российские граждане получили «недопеределанную» модель либерализма, которая изначально была сформирована как алогичная инверсия существующих в демократических странах современных либеральных моделей. Это обстоятельство стало ключевым фактором, определившим дальнейшую эволюцию либерализма в России. Процедура партийной институализации данной идеологии фактически совпала по времени с процедурой воплощения ее принципов в политическую и социально-экономическую практику. В результате массового недовольства последствиями либеральных преобразований эта институализация правого сегмента российской многопартийности сама представляла собой постоянные инверсии переформатирования, переименований и перегруппировок, отягощенных к тому же личными амбициями и претензиями разных лидеров. Стремясь публично объяснить причины ослабления своих политических позиций, лидеры праволиберальных партий стремились переложить друг на друга ответственность за отторжение в обществе либеральных ценностей. Одни (например сторонники Е. Т. Гайдара) утверждали, что им не дали довести до конца необходимые либеральные реформы во всех сферах жизни общества. Другие (сторонники Г. А. Явлинского) обвиняли радикальных реформаторов в том, что они выбрали либеральную модель, абсолютно не соответствующую потребностям и возможностям России. Главным результатом данной инверсии стало вытеснение либеральных партий на политическую периферию российской многопартийности и их превращение в маргинальные политические силы.

Однако инверсия либерализма как идеи, как «мечты» в российской политической жизни на

этом не закончилась. Обусловлено это, прежде всего, тем, что многие либеральные ценности закрепились в качестве базовых норм в Конституции РФ, а также включены в уставы и программы большинства ведущих политических партий современной России (включая «Единую Россию»). Кроме того, нужно учитывать, что в политическую жизнь приходят новые поколения российских граждан, не отягощенных личными впечатлениями от негативного опыта внедрения либеральной модели 1990-х гг. Для них либерализм как «мечта» воспринимается не только в качестве варианта целенаправленной государственной политической социализации, но и в результате свободного доступа к различным источникам информации, особенно в мировой сети Интернет, где ценности либерализма занимают одно из ведущих мест и приоритетных направлений распространения.

Появление новых политических партий и лидеров, открыто ориентирующихся на либеральную идеологию, означает, что эволюция либерализма в современной России вступает в новую фазу, которую можно определить как контринверсию, как возвращение к процессу внедрения в массовое сознание в том виде, который неизбежно будет более адекватным современной российской ситуации и современным западноевропейским моделям. Насколько масштабной окажется социальная востребованность либерализма, насколько прочные позиции займут новые партии и их лидеры, покажет время. Но уже в ближайшем электоральном цикле данные партии заявят о себе и попытаются освободиться от того груза тяжелых последствий 1990-х гг., который достался им в наследство.

Примечания

- 1 См.: Проблема социокультурных инверсий : сб. науч. тр. Саратов, 1997. С. 5.
- 2 Там же.
- 3 Дореволюционное развитие либерализма в России представляется самодостаточной темой для анализа, в том числе и с точки зрения его инверсионного (заимствованного и интерпретированного) понимания. Однако советский период разорвал преемственность развития либерализма во всех его смыслах – в идейном, концептуальном, идеологическом, ценностном и партийном измерениях. Поэтому возрождение и институализация всех этих либеральных смыслов в период перестройки реально оказались оторванными от дореволюционного опыта. Хотя попытки восстановления формальной преемственности и осуществлялись на уровне заимствования идей и символов (например, попытки возрождения партии конституционных демократов), но результативность их была крайне невысокой именно в силу всеобъемлющего разрыва социалистической системы с дореволюционными традициями.
- 4 См.: КПСС о перестройке : сб. документов / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1988.

- ⁵ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка : революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 года. М., 1987. С. 31.
- ⁶ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года. Стенографический отчет : в 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 140, 205–231.
- ⁷ См., например : Красин Ю. А. Перестройка в контексте российской реформации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 5. С. 34.
- ⁸ Цинко А. Русский XXI век : грядущее, которое нам не дано увидеть // Вестн. аналитики. 2006. № 3 (25). С. 211.
- ⁹ Левада Ю. А. Неюбилейные размышления о перестройке // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 22.
- ¹⁰ Конфигурация этой деформации представляет собой самостоятельный перспективный предмет политического исследования.
- ¹¹ См.: Кирьянов И. К. Провал премьеры либеральной пьесы : первый опыт российского транзита // Полис. 2005. № 5. С. 118–131.

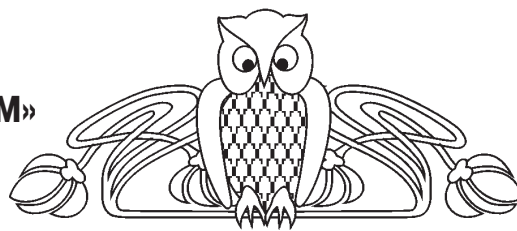
СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 323.26

НАУЧНЫЙ КОНЦЕПТ «УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОТЕСТОМ»

А. А. Касович

Саратовский государственный университет
E-mail: Kasovitch@gmail.com

В статье предлагается научный концепт «управление политическим протестом». Автор доказывает, что успешный массовый политический протест обязательно должен быть технологичен.

Ключевые слова: управление, политический протест, технологии.

The Scientific Concept «Management of Political Protest»

A. A. Kasovich

In this article the scientific concept «Management of political protest» is represented. Author argues that the successful mass political protest must be practically feasible in any case.

Key words: management, political protest, technology.

Политический протест, по определению А. И. Соловьева, представляет собой разновидность негативного воздействия индивида (или группы) на сложившуюся в обществе политическую ситуацию или конкретные действия властей, затрагивающие его¹. Также, по мнению исследователя С. В. Позднякова, политический протест может существовать в виде внутреннего неприятия гражданина или общества в целом политической системы или конкретных ее проявлений². Однако с данной точкой зрения сложно согласиться, так как само слово «протест» предполагает активное действие индивида по устранению причины его недовольства, но никак не его внутреннее ощущение. Что же заставляет индивида или группы выражать свой протест против действий властей? И каким образом органы власти должны реагировать на акции протеста?

Количество акций протеста в государстве в целом и отдельном его регионе – это важные показатели для анализа внутривнутриполитической

ситуации, потому ответы на вышеуказанные вопросы интересуют не только ученых-политологов, но и государственные структуры, в том числе правоохранительные органы. В 2012 г. старший научный сотрудник НИИ Академии ФСО России Г. В. Баранова предложила научному сообществу свою концептуальную модель анализа протестной активности. Основываясь на проведенных ранее в Ростовской области исследованиях, Галина Васильевна составила математическую формулу для прогноза численности акций протеста в зависимости от уровня социальной напряженности³.

Хотя мы не считаем возможным оспаривать предложенную формулу, изучение общественно-политической ситуации в Саратовской области в 2012 г. показывает, что причины роста протестной активности не соотносятся с увеличением недовольства населения социально-экономическими проблемами. В данный период в регионе пиковые значения протестной активности пришлись на февраль, май и ноябрь. В это время численность оппозиционных мероприятий была значительно выше, чем в среднем за год. В феврале 2012 г. массовость акций протеста объясняется агитационной кампанией перед выборами Президента Российской Федерации; в мае – значительным количеством акций, приуроченных ко Дню международной солидарности трудящихся, в которых приняли участие практически все оппозиционные организации; а в ноябре прошли мероприятия, посвященные Дню народного единства и 95-й годовщине со дня Октябрьской революции. Кроме того, установлено, что большинство протестных мероприятий в Саратовской области в 2012 г. организовано в рамках Всероссийских акций протеста

- ⁵ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка : революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 года. М., 1987. С. 31.
- ⁶ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года. Стенографический отчет : в 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 140, 205–231.
- ⁷ См., например : Красин Ю. А. Перестройка в контексте российской реформации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 5. С. 34.
- ⁸ Цинко А. Русский XXI век : грядущее, которое нам не дано увидеть // Вестн. аналитики. 2006. № 3 (25). С. 211.
- ⁹ Левада Ю. А. Неюбилейные размышления о перестройке // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 22.
- ¹⁰ Конфигурация этой деформации представляет собой самостоятельный перспективный предмет политического исследования.
- ¹¹ См.: Кирьянов И. К. Провал премьеры либеральной пьесы : первый опыт российского транзита // Полис. 2005. № 5. С. 118–131.

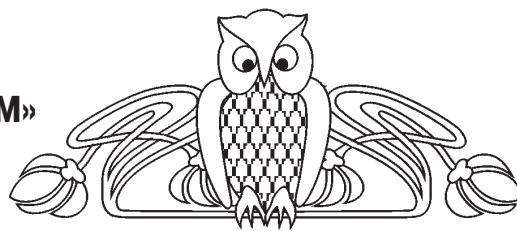
СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 323.26

НАУЧНЫЙ КОНЦЕПТ «УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОТЕСТОМ»

А. А. Касович

Саратовский государственный университет
E-mail: Kasovitch@gmail.com

В статье предлагается научный концепт «управление политическим протестом». Автор доказывает, что успешный массовый политический протест обязательно должен быть технологичен.

Ключевые слова: управление, политический протест, технологии.

The Scientific Concept «Management of Political Protest»

A. A. Kasovich

In this article the scientific concept «Management of political protest» is represented. Author argues that the successful mass political protest must be practically feasible in any case.

Key words: management, political protest, technology.

Политический протест, по определению А. И. Соловьева, представляет собой разновидность негативного воздействия индивида (или группы) на сложившуюся в обществе политическую ситуацию или конкретные действия властей, затрагивающие его¹. Также, по мнению исследователя С. В. Позднякова, политический протест может существовать в виде внутреннего неприятия гражданина или общества в целом политической системы или конкретных ее проявлений². Однако с данной точкой зрения сложно согласиться, так как само слово «протест» предполагает активное действие индивида по устранению причины его недовольства, но никак не его внутреннее ощущение. Что же заставляет индивида или группы выражать свой протест против действий властей? И каким образом органы власти должны реагировать на акции протеста?

Количество акций протеста в государстве в целом и отдельном его регионе – это важные показатели для анализа внутривластной

ситуации, потому ответы на вышеуказанные вопросы интересуют не только ученых-политологов, но и государственные структуры, в том числе правоохранительные органы. В 2012 г. старший научный сотрудник НИИ Академии ФСО России Г. В. Баранова предложила научному сообществу свою концептуальную модель анализа протестной активности. Основываясь на проведенных ранее в Ростовской области исследованиях, Галина Васильевна составила математическую формулу для прогноза численности акций протеста в зависимости от уровня социальной напряженности³.

Хотя мы не считаем возможным оспаривать предложенную формулу, изучение общественно-политической ситуации в Саратовской области в 2012 г. показывает, что причины роста протестной активности не соотносятся с увеличением недовольства населения социально-экономическими проблемами. В данный период в регионе пиковые значения протестной активности пришлись на февраль, май и ноябрь. В это время численность оппозиционных мероприятий была значительно выше, чем в среднем за год. В феврале 2012 г. массовость акций протеста объясняется агитационной кампанией перед выборами Президента Российской Федерации; в мае – значительным количеством акций, приуроченных ко Дню международной солидарности трудящихся, в которых приняли участие практически все оппозиционные организации; а в ноябре прошли мероприятия, посвященные Дню народного единства и 95-й годовщине со дня Октябрьской революции. Кроме того, установлено, что большинство протестных мероприятий в Саратовской области в 2012 г. организовано в рамках Всероссийских акций протеста

КПРФ, при подготовке которых не учитывается региональная проблематика. Более того, в ходе мониторинга акций протеста выяснилось, что абсолютное большинство их участников в Саратовской области – это немногочисленный актив оппозиционных партий и движений, который готов протестовать как против социально-экономической политики, так и против политических решений властей. Не случайно исследователи утверждают, что действия этих лидеров «не всегда объективно детерминированы социально-экономической и политической средой, но могут быть и иррационально мотивированными»⁴.

По нашему мнению, ответ на первый вопрос следует искать в самом характере конкуренции власти и оппозиции. Власть и оппозиция предлагают населению реальность, альтернативную действительности. Власть пытается с помощью различных технологий транслировать населению оптимистичный взгляд на ситуацию в государстве. Оппозиция, напротив, прилагает все усилия для того, чтобы как можно большая часть населения поверила в несправедливость решений власти и неспособность руководителей справиться с актуальными управленческими задачами. Иногда технологии воздействия на население могут доходить до создания политических мифов, призванных достигать особо значимые цели. Например, в Белоруссии в последние 20 лет, исходя из необходимости конструирования своего особого исторического пути, отличного от пути России, властями культивируется политический миф о победе «белорусов» в Грюнвальдской битве⁵. Можно предположить, что современное мировое политическое пространство существует в формате технологий.

Исследователи А. В. Кинсбургский и М. Н. Топалов уверены, что высокий уровень социального недовольства не должен автоматически конвертироваться в массовый протест. Только при слабости или расколе в элите, которые широко освещаются в СМИ, появляются шансы на успешный массовый протест, основанный на социальном недовольстве⁶. Важно отметить, что под расколом исследователи понимают наличие сильной оппозиции, способной вести дискуссию с властью. Оппозиционная сила или лидер конструируют структуру протестного движения, определяют стратегию и идеологию протестов. Без их организационной роли возможен только непродолжительный, стихийный всплеск недовольства, который не приведет к уступкам со стороны власти. Таким образом, ключевое значение в политическом протесте играют технологии организации выхода народного недовольства в публичное пространство и, соответственно, технологии минимизации протестных настроений среди населения.

По нашему мнению, управление политическим протестом в настоящее время – это целенаправленный технологический процесс

воздействия одних акторов протеста на других. Представляется возможным выделить четыре условные категории акторов политического протеста: власть, лидеры протеста (организаторы), спонсоры протеста (выгодополучатели) и основная масса рядовых протестующих.

Первая категория акторов политического протеста – власть. Ей, как правило, отводится роль ответчика. Власть включает в себя различные по правовому статусу субъекты, которые выступают единой силой:

1) **высшие руководители органов государственной власти и органов МСУ**, претензии к деятельности или бездействию которых предъявляют протестующие;

2) **уполномоченные органы власти**, которые непосредственно взаимодействуют с другими акторами протеста (подразделения, согласующие массовые мероприятия оппозиции, подразделения информации и идеологической работы, подразделения по работе с обращениями граждан и др.);

3) **заинтересованные органы власти** (подразделения, отвечающие за реализацию социально-экономической политики, медицины и образования и др.);

4) **правящая политическая сила или провластные политические и общественные организации** (ресурс общественной поддержки властей);

5) **правоохранительные органы**, которые юридически не являются какой-либо стороной в конфликте, но фактически могут выполнять волю политического руководства;

6) **частные и государственные учреждения и предприятия, к деятельности которых выражают претензии протестующие**, многие значимые социально-экономические конфликты, в которых первоначально не принимали участие органы власти, имеют тенденцию переходить в разряд политических из-за того, что их урегулирование часто требует принятия политических решений.

Вторая категория акторов политического протеста – лидеры протеста. Они разрабатывают стратегию оппозиционного движения, стараются объединить протестное движение, конструируют общую идеологию, формулируют цели протеста, ведут переговоры с властью от имени всех протестующих. Третья категория – спонсоры протеста, или выгодополучатели, финансирующие проведение оппозиционных акций, стимулирующие деятельность лидеров протеста, при этом преследующие свои политические и экономические цели. Четвертая категория акторов политического протеста – это рядовые участники акций протеста, или основная масса протестующих.

Без существования всех четырех акторов, за исключением тех случаев, когда выгодополучателями или спонсорами являются лидеры протеста, протест может быть только социально-экономическим, но никак не политическим.

По направленности воздействия можно выделить управление-подавление и управление-стимулирование политического протеста.

Технологии управления-стимулирования политического протеста – это меры по усилению протестных настроений среди населения и организации акций протеста, предпринимаемые лидерами и спонсорами протестов. Так, директор Института Альберта Эйнштейна в Кембридже Джин Шарп вывел 198 методов ненасильственного протеста⁷. Мы условно разделим их на методы, которые направлены на сплочение протестного движения, и меры по дискредитации властей. Если первая группа методов подразумевает влияние организаторов на рядовых участников протестов, то содержание второй группы заключается в технологиях воздействия на органы власти посредством акций протеста, которые организуют лидеры протеста при помощи спонсоров (выгодополучателей).

Если меры управления-стимулирования протеста хорошо описаны в научной литературе⁸, то остаются гораздо менее изученными технологии управления-подавления политического протеста. На наш взгляд, управление-подавление политического протеста – это действия органов власти, провластных партий или организаций по снижению активности протестных движений (организаторов и спонсоров) и их влияния на население (рядовых протестующих). Технологии управления-подавления протестов, в свою очередь, можно условно разделить на административные, черные и манипулятивные.

Административные (или силовые) технологии основаны на применении всевозможных нормативно-правовых актов органами власти для регулирования оппозиционной деятельности. Власть в лице государства издает различные законы и подзаконные акты, которые регламентируют протестную активность и устанавливают санкции за отступление от принятых норм. Данный тип технологий управления политическим протестом могут принести только тактический, временный успех, но позже доставят гораздо большие проблемы, так как силовое подавление или недопущение акций протеста в конечном итоге только радикализирует протестное движение, которое будет вытолкнуто за пределы правового поля.

Так называемые черные технологии управления политическим протестом подразумевают использование компромата на акторов протеста с целью их дискредитации перед другими акторами или общественностью. Основной целью этого типа технологий является разрушение единства протестного движения или партии либо подрыв ресурса доверия общественности к оппозиции. Эффективность данной технологии, подкрепляется длительностью ее действия, так как опровержение, которое даст объект критики, может только усилить негативный информационный фон. Однако, несмотря на относительную результативность, компромат часто не приносит

желаемого результата и даже может сплотить оппозиционное движение.

Более действенные технологии управления-подавления политического протеста – манипулятивные методы. Их можно определить как политические технологии, основанные на манипуляции общественным сознанием для формирования механизмов управления развитием протестного движения. Не вступая в открытый конфликт с оппозиционным движением, власти минимизируют численность акций протеста и (или) численность их участников или их воздействие на общественное мнение.

Таким образом, можно утверждать, что политический протест технологичен как при организации протестного действия, так и при реакции на это действие органов власти. Произвольное, неорганизованное выражение протеста обречено на неудачу. Политический протест был, есть и будет, пока существуют органы власти и формальные и неформальные руководители различных общественных и политических групп. Само право на протест является конституционным правом гражданина и его соблюдение – необходимое условие развития демократических институтов в государстве. По мнению руководителя исследовательского комитета по публичной политике и гражданскому обществу РАПН Л. И. Никовской, политический протест, гражданское неповиновение сигнализируют власти о существовании проблем в разных сферах жизни общества⁹.

Однако успешный массовый протест, как показали «революция роз» в Грузии и «оранжевая революция» в Украине, является способом изменить политический режим, неся при этом негативные последствия для внутриэкономической ситуации в государстве и даже фактическую внешнеполитическую зависимость от других государств или транснациональных корпораций. Действенность технологий-стимулирования политического протеста заставляет власть искать эффективные методы противодействия массовым протестам. Как правило, силовое подавление протестов, как и дискредитация лидеров протеста, не приводит к ослаблению протестных настроений. Протест надо не подавлять силой или обезглавливать, его следует умело возглавить или направить в конструктивное русло. Вместе с тем следует помнить, что протестные настроения невозможно урегулировать исключительно с помощью политических технологий. Задача власти состоит в том, чтобы принять соответствующее управленческое решение по устранению причины недовольства, согласованию интересов большинства элитных групп и слоев населения¹⁰.

Примечания

¹ См.: Соловьев А. И. Политология : Политическая теория, политические технологии. М., 2000. URL: <http://yourlib.net/content/view/948/22/> (дата обращения: 31.08.2013).

- ² См.: Поздняков С. В. Политический протест : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 14.
- ³ См.: Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России // Социс. 2012. № 10. С. 145.
- ⁴ Вилков А. А. Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 69.
- ⁵ Подробнее см.: Касович А. А. Роль белорусской художественной литературы в формировании политического мифа о Грюнвальдском сражении // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 121–122.
- ⁶ См.: Кинсбургский А. В., Топалов М. Н. Два условия роста массовой протестной активности // Россия реформирующаяся / под ред. Л. М. Дробижевой. М., 2002. С. 279.
- ⁷ См.: Шарп Д. 198 методов ненасильственных действий // Философские науки. 1990. № 12. С. 33–40.
- ⁸ См.: Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. М., 2005 ; Шарп Д. От диктатуры к демократии : стратегия и тактика освобождения. М., 2012 ; и др.
- ⁹ См.: Никовская Л. И. Гражданское общество и протесты : что за ними стоит? // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 4 (110). С. 8.
- ¹⁰ См.: Бызов Л. Г. Политические черты новорусского протеста // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1 (107) С. 30.

УДК 32.019

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНИКИ, ИСПОЛЗУЕМЫЕ РОССИЙСКИМИ СМИ НА ПРИМЕРЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 2011 ГОДА

Ю. Гуцул

Высшая школа экономики, Прага, Чехия
E-mail: yulia-gutsul@rambler.ru

Статья посвящена проблемам манипулятивного воздействия СМИ на аудиторию. Проанализированы характерные особенности манипулятивных технологий, использованных российскими СМИ на примере парламентской предвыборной кампании 2011 г. **Ключевые слова:** манипулятивные техники, СМИ, выборы в Государственную думу в 2011 г., манипуляции в СМИ.

Manipulative Techniques Used by the Russian Mass Media (on the Basis of the Parliamentary Electoral Campaign-2011)

Yu. Gutsul

The article is devoted to the problems of manipulative mass media influence on the audience. The author analyzes different features of manipulative techniques used by mass media during the parliamentary electoral campaign-2011.

Key words: manipulative techniques, mass media, electoral campaign-2011, manipulation in mass media.

Всё большую роль в функционировании современного общества играют средства массовой информации. Поскольку члены общества часто лишены диалога друг с другом, то общение им заменяют именно СМИ, которые не просто передают читателю информацию, а сами являются активными участниками общественно-политических и экономических процессов и главным инструментом распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание.

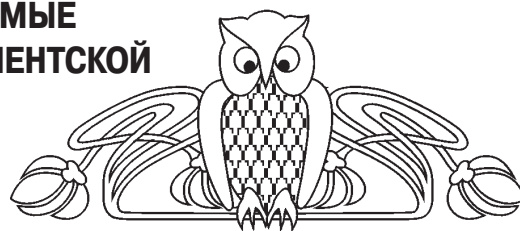
В то же время, в силу того что большинство СМИ не способны финансово обеспечить себя и вследствие стремления господствующего класса

воздействовать на общественное мнение, различные средства массовой информации оказываются в руках государства или частных инвесторов. Их целью при этом является изменение ценностей, восприятия событий и поведения общества в выгодном для себя направлении.

Для достижения данной цели применяются различные манипулятивные технологии, причина использования которых была раскрыта ещё немецким исследователем К. Ф. фон Вайцеккером. Он отмечал: «Путь убеждения очень долог. Более легким методом является манипулирование при помощи различных технических средств мнений людей, которые изучаются путем тщательных социологических исследований. Незаметное использование власти, необъяснимое для находящегося под ее влиянием человека, поскольку он не понимает, что поступает не по своей воле, намного эффективнее, если только умеешь манипулировать»¹.

Таким образом, умелое использование средств массовой информации способно мобилизовать поддержку значительных слоев населения, что отчетливо проявляется в период проведения избирательных кампаний. Именно это обстоятельство и определяют особую актуальность данной проблематики.

Значение и роль средств массовой информации в современной культуре учеными оценивается с разных методологических позиций. Известный философ и культуролог Абраам Моль в своей работе «Социодинамика культуры» следующим образом оценивает роль СМИ: «Они фактически

- 2 См.: Поздняков С. В. Политический протест : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 14.
- 3 См.: Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России // Социс. 2012. № 10. С. 145.
- 4 Вилков А. А. Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 69.
- 5 Подробнее см.: Касович А. А. Роль белорусской художественной литературы в формировании политического мифа о Грюнвальдском сражении // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 121–122.
- 6 См.: Кинсбургский А. В., Топалов М. Н. Два условия роста массовой протестной активности // Россия реформирующаяся / под ред. Л. М. Дробижевой. М., 2002. С. 279.
- 7 См.: Шарп Д. 198 методов ненасильственных действий // Философские науки. 1990. № 12. С. 33–40.
- 8 См.: Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. М., 2005 ; Шарп Д. От диктатуры к демократии : стратегия и тактика освобождения. М., 2012 ; и др.
- 9 См.: Никовская Л. И. Гражданское общество и протесты : что за ними стоит? // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 4 (110). С. 8.
- 10 См.: Бызов Л. Г. Политические черты новорусского протеста // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1 (107) С. 30.

УДК 32.019

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНИКИ, ИСПОЛЗУЕМЫЕ РОССИЙСКИМИ СМИ НА ПРИМЕРЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 2011 ГОДА

Ю. Гуцул

Высшая школа экономики, Прага, Чехия
E-mail: yulia-gutsul@rambler.ru

Статья посвящена проблемам манипулятивного воздействия СМИ на аудиторию. Проанализированы характерные особенности манипулятивных технологий, использованных российскими СМИ на примере парламентской предвыборной кампании 2011 г. **Ключевые слова:** манипулятивные техники, СМИ, выборы в Государственную думу в 2011 г., манипуляции в СМИ.

Manipulative Techniques Used by the Russian Mass Media (on the Basis of the Parliamentary Electoral Campaign-2011)

Yu. Gutsul

The article is devoted to the problems of manipulative mass media influence on the audience. The author analyzes different features of manipulative techniques used by mass media during the parliamentary electoral campaign-2011.

Key words: manipulative techniques, mass media, electoral campaign-2011, manipulation in mass media.

Всё большую роль в функционировании современного общества играют средства массовой информации. Поскольку члены общества часто лишены диалога друг с другом, то общение им заменяют именно СМИ, которые не просто передают читателю информацию, а сами являются активными участниками общественно-политических и экономических процессов и главным инструментом распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание.

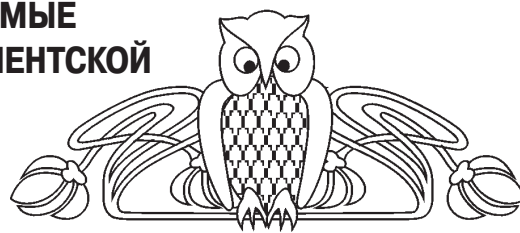
В то же время, в силу того что большинство СМИ не способны финансово обеспечить себя и вследствие стремления господствующего класса

воздействовать на общественное мнение, различные средства массовой информации оказываются в руках государства или частных инвесторов. Их целью при этом является изменение ценностей, восприятия событий и поведения общества в выгодном для себя направлении.

Для достижения данной цели применяются различные манипулятивные технологии, причина использования которых была раскрыта ещё немецким исследователем К. Ф. фон Вайцзеккером. Он отмечал: «Путь убеждения очень долог. Более легким методом является манипулирование при помощи различных технических средств мнений людей, которые изучаются путем тщательных социологических исследований. Незаметное использование власти, необъяснимое для находящегося под ее влиянием человека, поскольку он не понимает, что поступает не по своей воле, намного эффективнее, если только умеешь манипулировать»¹.

Таким образом, умелое использование средств массовой информации способно мобилизовать поддержку значительных слоев населения, что отчетливо проявляется в период проведения избирательных кампаний. Именно это обстоятельство и определяют особую актуальность данной проблематики.

Значение и роль средств массовой информации в современной культуре учеными оценивается с разных методологических позиций. Известный философ и культуролог Абраам Моль в своей работе «Социодинамика культуры» следующим образом оценивает роль СМИ: «Они фактически

контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивая другую, поляризуя таким образом все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества»².

По мнению Майкла Паренти, СМИ «отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом предопределены теми, кто контролирует мир коммуникаций»³. Этим свойством средств массовой информации активно пользуются манипуляторы, которые создают отдельную реальность, выгодную силам, контролирующим доступ к СМИ, в то время как большая часть населения не имеет представления о сути и способах манипулирования общественным мнением, вследствие чего легко поддается воздействию.

Сторонники У. Липпмана считают, что СМИ оказывают значительное влияние на политические взгляды граждан и их политическую ориентацию⁴. Теория Липпмана, который полагал, что средства массовой информации всеисильны в формировании политических пристрастий граждан, была дополнена Б. Коэном, отмечавшим, что СМИ не могут заставить людей думать определенным образом, но могут указать своим слушателям, о чем думать⁵. Еще одним известным представителем этого подхода является П. Бурдьё, который высказал мнение, что СМИ не отражают представления людей о мире, а сами участвуют в их создании⁶.

Нередким является мнение и о том, что средства массовой информации не имеют непосредственного влияния на аудиторию, а лишь «доставляют» человеку информацию, не затрагивая его индивидуальных политических предпочтений. Теоретиками этого подхода считаются П. Лазарфельд и Д. Меррилл, которые отмечали, что роль СМИ заключается скорее в том, чтобы «указывать обществу, о чем следует задуматься, а не в том, чтобы говорить ему, что следует думать»⁷.

В любом случае манипуляция массовым сознанием и поведением посредством СМИ приобрела особую важность в политической сфере, прежде всего, в рамках избирательного процесса. Манипуляции сознанием избирателей, которые являются объектом целенаправленного воздействия, поставлены сегодня на серьезную технологическую, научную и финансовую базу. Было разработано огромное количество манипулятивных приемов, которые используются манипуляторами с целью достижения политических целей той или иной группой влияния.

Среди наиболее часто используемых приемов можно выделить, например, наклеивание ярлыков политическим оппонентам, основанное на эксплуда-

ции живущих в массовом сознании стереотипов. Существует множество слов-«ярлыков», которыми можно дискредитировать человека или идею, например «империалист», «фашист», «шовинист» и т. п., что создает в общественном сознании определенный стереотип. Не менее популярным приемом является использование девизов и слоганов, кличек в целях пропаганды или контрпропаганды (например, В. Путин – «Чекист-Перестройщик»; Б. Грызлов – «Топтыгин», Ю. Лужков – «Кепка», Г. Зюганов – «Крокодил Гена»).

Возможно и создание негативных ассоциаций, позволяющих активизировать в памяти человека определённый отрицательный образ, который бы ассоциировался с конкретным политиком (патриот Путин против «разваливших страну» либералов). Иногда применяется апелляция к конкретным фактам и документации, основанная на особенности психологии человека, который чаще доверяет конкретным цифрам и документам с печатью, чем словам.

Одним из наиболее применяемых и часто используемых приемов, на наш взгляд, может быть так называемая «спираль умолчания» или манипулирование опросами общественного мнения. Суть метода состоит в том, чтобы с помощью ссылок на сфабрикованные опросы общественного мнения и другие материалы убедить избирателей в поддержке большинством общества угонной манипуляторам политической позиции и в её победе. Составленные подобным образом опросы заставляют людей с отличными от большинства взглядов умалчивать о своём мнении или скрывать и изменять его. В результате «спираль умолчания» закручивается, обеспечивая победу манипуляторам.

Менее значимыми, но также эффективными приемами могут быть потопление сообщения в беспорядочном потоке бессмысленной и неважной информации (принцип демократии шума), а также использование слухов, касающихся важных событий в общественной жизни и отражающих стремление людей домыслить неясную для них ситуацию, повторение как главный метод закрепления нужных стереотипов в сознании, создание образа коллективного врага с целью отвлечь внимание избирателей от насущных проблем.

В настоящее время психологи, филологи много говорят о манипуляции посредством воздействия на эмоции – в рамках данного метода применяются разработки из области психолингвистики, нейролингвистического программирования, которые воздействуют на подсознательное восприятие людей.

Можно выделить еще целый ряд подобных манипулятивных техник, эффективность которых проверена практикой: дозирование информации, или метод изоляции, метод «средних цифр», замалчивание одних фактов и выпячивание других, создание лжесобытий, мистификация и т. д.⁸ По оценкам специалистов, использование манипуля-

ционных технологий может предоставить от 3 до 30% дополнительных голосов⁹, а иногда обеспечить и половину успеха¹⁰.

Изучая применение манипулятивных технологий в избирательных кампаниях на примере выборов в Государственную думу в 2011 г., необходимо отметить, что в целом для современной России характерна слабая структурированность электората и содержательная бедность избирательных кампаний, отсутствие свежих идей, схожесть программ оппонентов. В этих условиях итоговый успех кандидата или партии во многом зависит от эффективности использования манипулятивных технологий. Для этого использовались националистическая риторика, рост протестных настроений, интернет-активность избирателей. Рассмотрим конкретные примеры применения манипулятивных технологий в СМИ в рамках данной предвыборной кампании.

Для начала необходимо отметить, что уже традиционно для парламентских электоральных кампаний стало активное привлечение В. В. Путина к предвыборной кампании, что формально не было связано с выборами депутатов Государственной думы, но фактически проводилось в поддержку «Единой России». В частности, анализ Сектора политического мониторинга Отдела по информационно-аналитической работе и проведению выборов кампаний ЦК КПРФ показал, что по итогам III декады октября–III декады декабря 2011 г. было зафиксировано 46085 упоминаний В. В. Путина, или 63,8% от общего числа высказываний, озвученных в адрес участников избирательной кампании¹¹.

Сенсационность как манипулятивная технология была использована в самом начале избирательной кампании в Госдуму 2011 г., когда в председатели партии «Единой России» был выдвинут действующий президент Д. А. Медведев, что также вызвало немало обсуждений в средствах массовой информации, а следовательно, привлекло внимание большего числа электората.

Ещё одной особенностью стало значительное снижение объемов прямой политической рекламы. Наоборот, чаще стали использоваться методы косвенной рекламы, в основном в отношении членов партии «Единая Россия» и «Справедливая Россия». Традиционно широко применялась и скрытая «реклама» в пользу «партии власти»: объявления о программах ремонта дорог, школ и жилых домов, физкультурно-оздоровительных комплексов, больниц и т. п. присутствовали практически во всех средствах массовой информации.

В свою очередь, политтехнологи охотно пользовались таким манипулятивным приемом, как создание информационных поводов и привлечение лидеров мнений. Примером тому могут послужить публичные высказывания известных личностей, которые пользуются всеобщим уважением у населения. В частности, за партию «Единая Россия» агитировали Станислав Говорухин и Сергей Безруков, Виктор Баринов – за

«Родину», Светлана Светличная – за «Справедливую Россию», а Жорес Алферов – за КПРФ.

Активно в предвыборной кампании использовался также прием манипуляции посредством использования авторитетных групп. В качестве таковых использовались известные спортсмены и артисты, деятели культуры и ученые, которые призывали избирателей голосовать за конкретную партию.

В СМИ также активно применялись манипулятивные технологии, призванные создать у электората впечатление «сопричастности» к происходящему. Речь идёт, в частности, об использовании «единороссами» процедуры праймериз, в которой могли участвовать не только те, кто не является членами «Единой России», но и те, кто зачастую вообще аполитичен.

Предвыборная кампания в Госдуму проходила с применением и такого приема, как манипуляция посредством формирования и распространения образов, переноса положительного образа и повторение. В частности, на общедоступных ТВ-каналах без кандидатов от партии власти не обходился ни один новостной выпуск, а факты, которые не выгодны и противоречат интересам власти, составляли незначительную часть повестки дня (в качестве примера можно привести репортаж «России 1» «Если есть ощущение, что жизнь должна измениться, значит, все получится» от 1 декабря 2011 г. и НТВ «“Единороссы” обсудили болячки общества» от 23 сентября).

В качестве примера манипуляционной технологии, основанной на принципе первоочередности, можно указать материал «Если дом аварийный, кто кому что должен?», посвященный проекту КПРФ «Дежурный по Родине», где описывается схема махинации государства с жилыми домами. Данная статья размещена первой на полосе, где расположен и материал, описывающий заслуги местных властей в строительстве муниципальных объектов. Согласно данному приему в сознании людей остается первая статья¹².

Прием, метафорически определяемый исследователями как «такой же, как все, как мы», или «игра в простонародность», был использован партией «Единая Россия», когда ее лидер побывал в гостях у программы КВН на «Первом канале».

В свою очередь, примером использования манипулятивной технологии упрощения и стереотипизации является лозунг «Единой России» «Будущее за нами!» или нарочитое высказывание «ЛДПР или будет хуже».

Еще один прием, использованный в данной избирательной кампании, – многократное повторение. Лучшее из всех «сработало» в этом направлении «Единая Россия». Большинство федеральных и региональных СМИ изобиловало материалами о «дочке» «ЕР» – Общероссийском народном фронте.

В рамках парламентской избирательной кампании впервые в качестве информационного и манипулятивного ресурса сверхактивно

был использован Интернет. Манипулирование общественным мнением было перенесено в социальные сети, блогосферу, где провоцировались дискуссии, подогревался общественный интерес к различным событиям, в результате чего формировалось «нужное» общественное мнение.

Подводя итоги краткому анализу приемов и техник политической манипуляции общественным сознанием, стоит согласиться с мнением, высказанным С. Ф. Лисовским, о том, что современная политическая демократия со все большим правом может быть названа манипулятивной демократией¹³.

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время роль средств массовой информации в политическом пространстве существенно меняется. Из канала освещения информации СМИ превращаются в поле создания и апробации различных манипулятивных технологий. Причем каждые новые выборы приносят с собой новые виды манипуляционных техник (в парламентской предвыборной кампании 2011 г. особую роль в этом сыграл Интернет), что превращает электоральное поле в интересный и динамично развивающийся объект исследования, требующий пристального внимания профессионалов.

Примечания

¹ Weizsäcker C. F. von. Nur Bewusstsein kann die Zukunft meistern // Die Welt. 1965. № 10. Mai. S. 6.

² Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 63.

³ Паренти М. Make-Believe Media : the Politics of Entertainment. St. Martin's Press, 1992. С. 58.

⁴ См.: Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова ; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М., 2004.

⁵ См.: Власов А. И. Политические манипуляции // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1993. № 4.

⁶ См.: Бурдые П. Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 1993.

⁷ Лазарфельд П. Выбор народа : Как избиратель принимает решения во время кампании по выборам президента. Нью-Йорк, 1944. С. 68.

⁸ См.: Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000. С. 89–101 ; Максимов А. А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов. М., 1999. С. 41–69.

⁹ См.: Лисовский С. Ф., Евстафьев В. А. Избирательные технологии : история, теория, практика. М., 2000. С. 36.

¹⁰ См.: Доценко Е. Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы, защита. М., 1996. С. 22.

¹¹ См.: URL: <http://kprf.ru/analytics/khronometrazh-partiinogo-teleefira-avgust-2013-goda.html> (дата обращения: 10.09.2013).

¹² См.: Фрейд З. Массовая психология и анализ «Я» // Фрейд З. Избранное : в 2 кн. : пер. с нем. М., 1990. Кн. 1. С. 55.

¹³ См.: Лисовский С. Ф., Евстафьев В. А. Указ. соч. С. 68.